ЭРИК

БРАУН

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ НОЧИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

.. Нью-Йорк. Год 2040-й.Город, забитый беженцами с радиоактивного Востока, захлебывающийся в девятом вале преступности и анархии. Город, где работа частного детектива – САМЫЙ МОДНЫЙ БИЗНЕС, а виртуальная реальность – последняя из отдушин для миллионов отчаявшихся.Здесь можно сделать ВСЕ ЧТО УГОДНОНо, как найти здесь бесследно исчезнувшую девушку?

- Эрик Браун
  -
  - НЬЮ-ЙОРК-СИТИ ЗИМА 2040
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Эрик Браун

Нью-Йоркские ночи

Этот роман с любовью посвящается Сандре Согас Ромео – Els somnic table es poden converting en realitat!

НЬЮ-ЙОРК-СИТИ ЗИМА 2040

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночь была самой обычной, такой же, как тысячи ночей, проведенных в Эль-Баррио, но, оглядываясь назад, Холлидей видел: она стала началом того, что он будет считать самым мрачным периодом своей жизни.

Будильник прозвонил в десять. Холлидей поморгал, проснулся. Облачко пара вылетело изо рта в ледяной воздух залитой лунным светом мансарды. Ким лежала рядом, ее сонное, уютное тепло так и манило еще часок подремать. Однако мысль о работе, которая может ждать у Барни, заставила его покинуть теплое убежище и, дрожа от пронизывающей стужи, броситься в ванную.

Стоя под душем, он каждой клеточкой тела впитывал благодатную негу горячих струй. Потом сунул голову под фен и, глядя сквозь открытую дверь, заметил, что Ким снова переставила в мансарде мебель. Диванчик в духе Армии спасения и потертое кресло теперь были обращены к стеклянной стене, выходящей в боковой переулок.

На прошлой неделе, увидев, что он пытается отыскать вешалку, она повалила его на кровать и придавила руки коленями – темный поток волос так и заструился вокруг нежного овала ее лица.

– Мистер Холлидей, мы знакомы с вами… сколько?

– Я бы сказал – десять лет.

Она шлепнула его, и довольно ощутимо.

– Меньше десяти месяцев, Ход! И за это время… что случилось?

За десять месяцев их партнерство с Барни вступило наконец в фазу процветания. Не проходило и дня, в крайнем случае пары, чтобы в руки им не попадало новое дело, и к тому же процент удач был выше, чем когда-либо прежде. Холлидей считал это совпадением или же относил к психологическому настрою: когда этот прекрасный китайский эльф, подобно миниатюрному тайфуну, ворвался в его жизнь, то былую тоску и апатию словно ветром сдуло. Он чувствовал себя увереннее, стал больше работать и, следовательно, раскрывать больше тайн.

– Я смотрю на эту комнату, Хол… – Ким взмахнула рукой, обводя взглядом мансарду, – и вижу негативную энергию,

больную комнату, дурной цы. Здесь надо все изменить. Я переставляю вещи и… о! – удача поворачивается к тебе лицом, ты получаешь больше работы, больше долларов!

Хол услышал скрип. Он быстро оделся и вышел из ванной. Ким, будто обнаженный дервиш, кружилась в танце, пряди длинных черных волос плясали вокруг тонкой, как у подростка, талии. Она стала натягивать белье: крохотные трусики и бюстгальтер, умудряясь в то же время сердито поглядывать на Хода огромными темными глазами:

– Я же просила, Хол, поставить будильник на восемь!

– Когда? Да ты и слова про это не сказала…

– Я пришла в полдень, ты проснулся, я сказала: “поставь будильник на восемь”, ты сказал “о'кей”.

Он вообще едва мог вспомнить, как она нырнула к нему под электроодеяло.

– Я спал мертвым сном.

– Но ты ведь ответил?

– Это во сне.

Она проворчала проклятие на мандаринском наречии, прыгая на одной ноге, а другую пытаясь просунуть в штанину джинсов.

Хол нашел куртку и застегнул молнию до самого подбородка, запирая тепло от ледяной стужи мансарды.

– Да и зачем тебе вставать в восемь?

– Работать, Хол, работать. Заниматься киосками. Ночью полно дел.

– Могла бы кому-нибудь делегировать свои полномочия. Она на секунду прекратила одеваться и уставилась на него, покачивая головой. “Делегировать” – слово, которому еще только предстояло проникнуть в ее словарный запас. Ким Лонг владела в этом районе дюжиной китайских придорожных ларьков с продуктами, и Хол как-то подсчитал, что она работает по четырнадцать часов в день. Каждый день. Когда он жаловался, что встречается с ней только в постели, она всегда нарушала свое расписание, чтобы уделить ему время: шла с ним в ресторан, в голодраму. В общем, демонстрировала готовность утихомирить его недовольство. Потом, через пару дней, она возвращалась к своей изматывающей рутине, и они почти нигде не бывали, пока он снова не решался привлечь ее внимание к этому факту.

– Не могу доверить другому то, что я должна делать сама, понимаешь, Хол? – в который раз пояснила она. – Я – трудящаяся девушка, Хол, должна ковать звонкую монету.

Он и сам не знал, дивиться ли такому материализму или сердиться. Когда десять лет назад началась малайская оккупация, она приехала из Сингапура. В возрасте пятнадцати лет и без

гроша в кармане, так как ресторан ее отца конфисковали коммунисты. Она сама изучила английский, купила микроволновую печь и место в переулке, сумев со временем организовать процветающий бизнес “fast food” – гамбургеры, хот-доги и прочее.

У двери он на мгновение обернулся и спросил:

– Ким, почему ты не сбавишь темп? Не расслабишься, не отдохнешь? Вокруг столько удовольствий…

Башмаки-луноходы, свободная куртка… Глаза ее расширились, будто удивляясь подобной несуразности.

– Но работа доставляет мне удовольствие, мистер Холлидей. Если бы ты тоже получал удовольствие от работы, ты был бы счастливее.

И убежала в ванную.

Он хотел махнуть на спор рукой, но тут ему в голову пришла еще одна мысль.

– Эй, это несправедливо. У меня совсем другая работа. – Он прошел к ванной, распахнул ногой выкрашенную красным дверь и привалился к косяку. – Я целыми днями ищу людей. Иногда нахожу… Иногда мне достаются только трупы. А иногда вообще нет следов, никаких… И это хуже всего.

Она присела над унитазом, джинсы болтались у самых щиколоток.

– Ну и что! – прокричала она. – Я люблю свою работу! Люблю то, что я делаю! И не вини меня за это, Хол!

– Да я не виню, просто я… – Он отступил от двери. Ему часто приходилось задумываться, зачем он вообще ввязывается в эти споры. Он ее никогда не изменит.

Существо, сотканное из крайностей, она сочетала в себе женскую мягкость, почти маниакальное желание угодить ему в тех редких случаях, когда они бывали вместе, и жесткую, несгибаемую решимость поступать по-своему во всем, что касается финансов и бизнеса. На улице ему случалось видеть, как она дает указания менеджерам короткими быстрыми фразами на мандаринском наречии. Высокие трели звучали так, словно какой-то сумасшедший играет на ксилофоне. А глубина ее гнева часто приводила его в изумление.

Как-то он заявил, что у нее расщепленная личность.

Она фыркнула:

– Не пичкайте меня этим фрейдистским дерьмом, мистер Холлидей. Ты слышал про инь и янь?

Тут он наконец махнул рукой:

– Все, я ушел.

– Хол, если ты не любишь свою работу, зачем ты этим

занимаешься?

Он оторвался от косяка. “Я и сам иногда удивляюсь”, – | иодумал он, а вслух сказал:

– Ну, пока, Ким.

Он уже выходил из мансарды, когда она крикнула ему вслед:

– И не забудь вернуться к… – но конец фразы пропал – он уже захлопнул дверь, однако задумался, что же она имела в виду, он не помнил ни о каком уговоре встретиться.

Он спускался в офис на втором этаже, постепенно погружаясь в пропитанную крахмалом духоту, которая поднималась от китайской прачечной.

За резным стеклом горел свет. Он распахнул дверь. Офис – длинная узкая комната с ковром какого-то заплесневелого цвета и пятнами никотина на стенах. Письменный стол – в дальнем конце, у окна, выходящего на ржавую пожарную лестницу. Почти всю правую стену занимает огромный экран, разделенный на двенадцать секций, нижний правый квадрат неисправен, Холлидей и не помнит, чтобы тот когда-либо работал. Дверь напротив экрана ведет в спальню, где ночами спит Барни. Под потолком лязгает вентилятор, разгоняя влажную жару. У стола приткнулся переносной камин. Тепло кажется роскошью после арктической стужи мансарды.

Барни сидел, вытянув ноги на стол, на пологой возвышенности его живота покачивалась кружка с кофе. В уголке рта торчала вечная, испускающая дым, толстая сигара.

Как-то Холлидей спросил его, не думает ли тот бросить свои сигары, просто чтобы поберечь здоровье. Барни рассмеялся и сказал:

– Это часть образа, Хол. Ну что за частный шпик без дешевой сигары? Да я и не смогу бросить.

Через расставленные ноги он смотрел в экран компьютера на столе. Хол догадался, что партнер не слишком далеко выбирался сегодня из офиса.

– Все, я готов, Хол, – промычал Барни. – Собачья вахта – твоя.

Холлидей налил себе кофе, уселся у окна на продавленный диван-честерфилд и стал греться у камина.

– Что-нибудь новенькое?

– Все то же, старые файлы, ну и то, что Джефф прислал на прошлой неделе.

Джефф Симмонс из полицейского департамента частенько отправлял к ним старые случаи, где полиция не смогла ничего сделать. Холлидею и Барни они платили по две сотни долларов за каждую папку, чтобы те проделали всю канцелярскую работу, а если партнерам удавалось закрыть дело, они получали премию.

Египетская работа, но зато покрывает накладные расходы.

Холлидей нередко вспоминал, как его угораздило попасть в этот бизнес, и он сам удивлялся, почему до сих пор не бросил все это. Десять лет назад в полиции он под руководством Джеффа Симмонса занимался как раз пропавшими людьми. Барни был его напарником по секции ПЛ – пропавших людей, и втроем с Джеффом Симмонсом они составляли отличную команду. Восемь лет назад Барни уволился из полиции и открыл собственное агентство по розыску пропавших.

Пять лет назад, после смерти жены, Барни обратился к Холлидею с предложением: давай работать вместе, на тебе будет беготня, получать будешь больше, чем в участке, а через пять лет станешь партнером.

К тому времени Холлидея уже тошнило от нудной бумажной рутины, которая неотделима от полицейской работы. Дополнительный заработок и обещание, что канцелярщиной будет заниматься Барни, решили дело. Он ушел к Барни, и дело у них пошло. Они получали почасовую оплату, а если находили пропавшего, то требовали премию. Удачи составляли около пятидесяти процентов, а в таком бизнесе это совсем неплохой результат.

– Посмотри этот файл, Хол, – буркнул Барни, – а я ' завтра займусь случаем Любански, но сначала съезжу в город.

Холлидей ответил любопытным взглядом.

– Последний день курса, Хол, – напомнил ему Барни. Холлидей кивнул.

– Послушай, я ничего такого не говорил, о'кей?

– У тебя проблемы?

Неужели рвение Барни заставляет его самого чувствовать себя ленивцем? Весь последний месяц Барни занимался с частным преподавателем, чтобы освоить технические аспекты виртуальной реальности. С точки зрения Холлидея, это будет еще одной короткой эпидемией, которая пронесется над Америкой и будет забыта через пару недель, но, с другой стороны, про голодраму он тоже так думал.

Холлидей уставился в свою чашку.

– Ты считаешь, это пригодится нам в работе? Ты говоришь так, будто думаешь, люди будут уходить из реального мира и скрываться в виртуальности, как какие-то маньяки голодрамы. – Он вопросительно взглянул на Барни. – Полагаешь, нам придется оправляться за ними, чтобы вытащить в реальный мир?

Барни покачал головой.

– Пока в резервуаре с гелем нельзя долго лежать. Это опасно. Пройдет десять лет, пока придумают, как выдержать

относительно долгое время. – “Относительно долгое” – это сколько? Недели? Барни передернул плечами.

– Некоторые говорят, мы сможем жить в ВР бесконечно. Но вероятно, не при нашей жизни.

Холлидей улыбнулся. Ему представился обезлюдевший Нью-Йорк и огромные ангары, уставленные резервуарами с плавающими в них человеческими существами. И все спят.

– А тем временем, – продолжал Барни, – я желаю держать руку на пульсе. Если происходит что-то, влияющее на мой бизнес, Барни Клюгер держит нос по ветру.

Холлидей снова улыбнулся и сделал большой глоток кофе. Как раз этим качеством своего босса он в глубине души и восхищался. Сколько сейчас Барни – больше шестидесяти? Он держит третьеразрядное детективное агентство в убогом районе Эль-Баррио, его жена шесть лет как умерла, да и сам он далеко не Геркулес, и все же он готов кинуться в драку. Он напоминал Холлидею пожилого, одуревшего от ударов боксера, который просто не знает слова “поражение”.

По стеклу застучали, и дверь в дальнем конце комнаты распахнулась. Ким проскользнула внутрь, ее алые луноходы и розовая стеганая куртка горели неуместно ярким пятном на сером фоне прокуренного скучного офиса. В своей отороченной мехом шапочке она походила на эскимоса.

– Хол, ты слышал меня? Я просила тебя вернуться к десяти, о'кей? – Она помахала рукой: – Хай, Барни!

– Хай, солнышко! Как торговлишка?

Она выпятила нижнюю губу. Эти простые гримасы чистого, почти бесформенного лица иногда придавали ей вид совсем маленького ребенка.

– То вверх, то вниз, то вверх, то вниз, Барни.

– Тебе надо работать на лифте, малышка. – Холлидей слышал эту репризу уже несколько раз. Ким по традиции округлила глаза.

– А что будет в десять? – спросил он.

– Хол всегда жалуется, – Ким обращалась к Барни, – что я никогда с ним никуда не хожу. Говорит, мы нигде не бываем. Завтра будет сюрприз. Не опаздывай, Хол!

Он не успел ничего спросить, а она уже захлопнула дверь и сбежала по лестнице.

– Сюрприз! Она же знает, как я ненавижу сюрпризы. Барни заворчал:

– Ты же жалуешься, что вы никуда не ходите, а когда она что-то устраивает, что ты делаешь? Жалуешься. Слушай, Хол. Ну-ка, гляди веселее! Эта девушка – самое лучшее, что случилось с тобой в жизни.

– Ты думаешь?

– Знаю, дружище. Год назад ты был унылым, несчастным ублюдком. Поверь мне. Ведь я был рядом, вместе варились в этом соку.

– Неужели правда? Настолько плохо?

– Именно. – Барни рассмеялся. – Иногда мне кажется, ты сам не понимаешь, как тебе повезло.

Холлидей пожал плечами.

– Ну, не знаю… – Он подумал, как же просто выглядят любые отношения с точки зрения постороннего наблюдателя.

– Хол, ты любишь эту малышку? Холлидей засмеялся.

– Люблю? Бог мой, что такое любовь?

– Сам знаешь. Простое, знакомое чувство, влечение к другому человеческому существу, желание, смешанное с нежностью. Потребность в обществе друг друга.

– Ну да… Все эти штуки… Но я не уверен, что вместе они составляют любовь.

Барни пожал плечами.

– Твоя беда в том, Хол, что ты не можешь распознать счастье, когда оно падает на тебя с неба. – Он замолчал, будто вглядываясь во что-то далекое, давным-давно ушедшее. Холлидей решил, что сейчас начнется еще одна сага об Эстелле, и улыбнулся про себя. Он хотел объяснить Барни, что нельзя по опыту собственных отношений с женщиной судить о других. Каждая пара неповторима, соткана из сложнейших, неуловимых психологических связей. Да и к тому же тридцать лет назад все было иначе. Начать с того, что мужчина и женщина вступали в брак, как предполагалось (и это было поистине удивительно), на всю жизнь. Сам Холлидей никогда не заглядывал в будущее дальше чем на неделю.

Ему подумалось: кто знает, может, они с Ким оттого и вместе, что он так мало ее видит? Тут он упрекнул себя за подобный цинизм и попытался отгадать, что за сюрприз она приготовила для него завтра.

Барни потянулся, зевнул во весь рот:

– Все, я ушел, Хол. Увидимся завтра. – И вылез из вращающегося кресла. Стоя он выглядел ненамного выше, чем сидя: коренастое, крепко сбитое туловище, пивной животик, кривые ноги. Барни захлопнул за собой дверь спальни, и через минуту Холлидей услышал шум душевых струй и баритон своего партнера, выводящий какую-то скорбную ирландскую жалобу.

Он скользнул в кресло и обратился к компьютеру на столе, просмотрел с дюжину старых случаев: все знакомо. На душе от этого сделалось тошно.

Он уже собирался перевести курсор на одно из дел – бизнесмен, пропавший месяц назад с запасом наличности своей компании, когда вдруг заметил звездочку, вспыхивающую рядом с именем. Это означало новый случай. Подивился, почему Барни ничего не сказал, и быстро просмотрел записи, которые накануне сделал шеф.

Женщина по имени Кэрри Виллье явилась к ним в офис в понедельник утром и заявила о пропаже своей любовницы, Сисси Найджерии. (Барни напечатал на полях: лесбиянки, из-за этого и поменяли имена, выбрали нечто патриотичное, “назад к своим корням!”. Удивительно, почему эта Виллье не сменила имя на “Квебек”.) В одно прекрасное утро Найджерия ушла на работу, и больше ее никто не видел. В офисе КиберТек, где она работала компьютерным оператором, она так и не появилась. Виллье выждала пару дней, а потом обратилась в полицию, которая провела расследование и ничего не обнаружила.

Холлидей перевел комп-запись встречи на стенной экран и увидел высокую, очень красивую женщину в дорогом серебристом плаще. Ее бритый череп, в соответствии с последней лесбийской модой, покрывали вытатуированные мандалы. Она изложила факты твердым голосом с легким французским акцентом, однако Холлидей видел, что под вызывающе изысканной внешностью женщины кроется мучительное беспокойство о безопасности своей любовницы.

Она принесла портрет Сисси Найджерии, поразительно красивой чернокожей женщины с бритой головой и высокими, выступающими скулами.

Холлидей улыбнулся, вспомнив, как возмущалась его сестра шовинистическими воззрениями брата. “Определение любой женщины как прекрасной является еще одним показателем мужского эгоцентризма и нетерпимости. Подобные ярлыки унижают женщину…” или что-то в этом роде. Мысли о Сью пробудили цепочку болезненных воспоминаний. Он снова взглянул на экран и прочитал адрес Кэрри Виллье: Солано-Билдинг, Гринвич-Вилладж.

Он понял, почему Барни не стал упоминать об этом деле. Слишком мало зацепок. О чем тут говорить? Найджерия взяла на недельку отпуск и не сказала своей любовнице, куда направляется… Однако Виллье согласилась платить по пятьсот долларов в час, чтобы агентство разыскало ее возлюбленную. Для Холлидея это вполне достаточный стимул.

Из примечания к контракту, дополняющему файл с делом, Холлидей узнал, что вечерами после семи часов Виллье в основном бывает дома. По четвергам и пятницам она проводит

время в баре “Пена” в Ист-Вилладж.

Он набрал на клавиатуре код ее дома и пару минут слушал длинные гудки. Потом задумался над альтернативой: подождать ли, пока она вернется домой, или рискнуть и нырнуть во враждебную стихию бара “Пена” в надежде найти ее там. Она оставила у Барни входную карточку в бар – вот и еще одна причина, почему Барни не хотел браться за это дело. Мысль о Барни Клюгере, грозно расправляющем плечи перед порталом лесбийско-сепаратистского конклава, каким является бар “Пена”, казалась и комичной, и невероятной.

В ящике стола он отыскал карточку и сунул ее в карман брюк. Потом оставил в компьютере записку для Барни, запер дверь, сбежал по ступеням и направился к помятому “форду” – собственности Барни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мороз облил тротуары предательской, глянцевой пленкой. Холлидей поднял воротник и взглянул в ночное небо. Впервые за много недель облачный покров, раскинувшийся над городом, растаял, открыв взору яркую россыпь сверкающих звезд. Обжигающий холод набросился на обнаженные участки тела. Сыщик нырнул в “форд”, который завелся со второй попытки, и стал выруливать на проезжую часть.

Едкие облака пара висели над продовольственными киосками с красными, белыми и синими поликарбоновыми маркизами, которые вытянулись вдоль тротуара. У каждого толпилась маленькая кучка людей, они приплясывали и постукивали ногами, ожидая своей очереди. Киоски торговали днем и ночью, от покупателей не было отбоя, они кормили рабочих окрестных фабрик и пакгаузов, беженцев, случайных, маявшихся бессонницей прохожих. По обе стороны улицы располагалось не менее пятидесяти киосков, где подавали блюда множества восточных кухонь: китайской, вьетнамской, корейской, тайской. Около десятка из них принадлежали Ким, а парочка находилась на отшибе, в соседнем квартале. Какофония резких голосов и отдаленный вой патрульных машин заполняли ночной воздух.

Он свернул на 106-ю Восточную улицу и двинулся к Парк-авеню и поехал по улицам, обрамленным палатками, поликарбоновыми ящиками и всяческими другими контейнерами, которые хоть как-то можно приспособить под подобие жилья. У некоторых семей не было даже и такой роскоши – вообще никакой крыши над головой. Они жили прямо под открытым небом, сгрудившись вокруг шипящих горелок и мигающих огней газовых плит. Пять лет назад, после уничтожения станции в Рели, начался наплыв беженцев из южных районов, сначала это был небольшой, но упорный ручеек, однако атака террористов на атомные станции в Мемфисе, Ноксвилле и Норфолке стронула с места миллионы. Разумеется, не все беженцы из пораженных радиацией районов хлынули в Нью-Йорк, многие мигрировали на юг: в Новый Орлеан и Флориду, но большинство двинулись на север; и город, перенаселенный и до нашествия, теперь просто лопался. Прошлый год стал свидетелем волнений в Нью-Джерси, уличных боев между беженцами и обозленным местным населением, когда были сожжены целые кварталы жилых домов. В результате эти, прежде плотно заселенные средним классом, районы пришли в упадок, кишели бандами и, как слышал Холлидей, облученными при взрывах беженцами, которые не

попали в сеть пособий и охранных мероприятий, созданную правительством после первых терактов.

Самое отвратительное в том, размышлял он, что перемены происходят так постепенно и медленно. Теперь он уже и не помнил времени, когда Нью-Йорк не походил на знававшую лучшие времена столицу третьего мира. Разумеется, власти заявляли, что они работают над проблемой бездомных, однако складывалось впечатление, что никаких перемен к лучшему нет. Несчастные умирали от голода на улицах, и каждый день новые потоки беженцев вливались в город.

А работа Холлидея состояла в том, чтобы отыскивать пропавших людей среди тридцатимиллионного населения. Как ту иголку из пословицы – в стоге сена. Чудо в том, что иногда это ему все же удавалось.

Хотя тротуары плотно усеяны бездомными, на проезжей части почти совсем нет движения; за раз он насчитывал не более полдюжины автомобилей. Вот и еще одна перемена, поразившая жителей Нью-Йорка. Два года назад Арабский Союз, предвидя уменьшение добычи нефти, резко повысил на нее цены, вслед за этим цены на горючее возросли на пятьсот процентов. Теперь бензин стоит почти пятьдесят долларов за галлон. Большинство людей, оставляя свои машины-дома, ездят теперь общественным транспортом. Холли-дей и Барни пользовались “фордом” весьма экономно, в основном ночью, когда автобусов почти не было.

Он обогнул спящую группу беженцев, которая вылезла на дорогу, повернул на Парк-авеню, и двинулся прочь от центра. Проехал мимо череды зданий, украшенных по последней моде голографическими фасадами. Он знал, что на самом деле они совсем не то, чем выглядят: на прошлой неделе он видел, как инженеры покрывали эти здания пластинами голографичес-ких капилляров. Щелчок выключателя – и скучные кирпичные громады превращаются в любое чудо архитектурного искусства, какое только могут пожелать их владельцы. Надо признать, что в большинстве случаев их с немалым вкусом превращали в викторианские городские особняки с медового цвета колоннами и резными карнизами. Холлидею попадались и другие, куда более вычурные примеры архитектурной экстравагантности: то миниатюрные копии Тадж-Махала, то пирамиды, скрывающие всего-навсего заурядный универмаг.

Ему-то казалось, что последним достижением голографических чудес является проекция личности, столь любимая людьми бизнеса и богачами, а возможность косметического преображения зданий и в голову не приходила. Интересно, куда еще может устремиться голографическая экспансия… если,

разумеется, технология не будет, как полагает Барни, раздавлена виртуальной реальностью.

Он как раз вспоминал, что еще говорил Барни о виртуальной реальности, когда заметил вдалеке первый в городе ВР-бар, точнее, голографическую рекламу, влекущую горожан в недавно открытую страну чудес. Над пересечением с 72-й улицей висела проекция тропической роскоши: золотой пляж, окаймляющий лазурную лагуну. Бегущая между зданиями строка откровенно взывала: “Холодно? Зайди и насладись солнцем!” Проезжая бар, Холлидей сбросил газ. Это был старый знакомец “Парадизо”, закрывшийся в прошлом году голо-драмо-театр. Снова вспомнились слова Барни: а вдруг это знак грядущих перемен?

Весь тротуар перед баром был забит очередью – стояли по двое, и хвост тянулся на целый квартал. Время от времени люди чуть-чуть подавались вперед, и Холлидей подсчитал, что они должны были простоять уже несколько часов. Несмотря на прежний скепсис, в нем пробудилось любопытство. Если ощущения там действительно настолько правдоподобны, как утверждал Барни, если ты можешь наслаждаться эрзац-солнцем посреди зимы и не в состоянии почувствовать отличие от настоящего тепла, то, может быть, оно того стоит, по крайней мере деньги за билет выброшены недаром? Но это уже следующий вопрос: интересно, сколько они берут за вход? Утром он спросит у Барни, и Холлидей прибавил скорость и пролетел мимо бара.

Бар “Пена” располагался в узеньком переулке рядом с Кристофер-стрит. Над закрытой дверью горело неоновое изображение алой обоюдоострой секиры. Холлидей оставил “форд” на Седьмой авеню и, подгоняемый ветром, который вырвался, казалось, прямиком из тундры, заспешил к бару. С десяток скрюченных человеческих фигур жались по стенам, завернувшиеся в тонкие одеяла. Завидев Холлидея, каждая из них протянула руку в ледяную мглу:

– Доллар, добрый человек, дай мне доллар!

Темный силуэт впереди остановился перед дверями “Пены”; у решетки человек показал карточку и проскользнул внутрь.

Добравшись до дверей, Холлидей тоже поднял карточку, которую оставила Виллье, и стал ждать, от холода втянув голову в плечи, готовый к тому, что его пошлют куда подальше. Однако, к его удивлению, через минуту дверь слегка приоткрылась, и сыщик, повернувшись бочком, протиснулся внутрь, в теплую темень. Его встретил едкий дух химических испарений и ослепляющий луч света в лицо. Затем нечто похожее на металлический захват механического шпа-лоукладчика ухватило

его за руку повыше локтя с такой силой, что он вскрикнул.

– Что вам нужно?

– У меня же есть ваша долбаная карта! – прошипел он. Клешня чуть ослабила хватку.

– Сюда.

Его толкнули куда-то вбок, так что он едва не полетел на пол. Еще одна дверь. На сей раз в маленькую комнату, яркое флуоресцентное освещение которой сияло, как сверхновая звезда. Он прикрыл глаза, помигал. Химическая вонь усилилась. Когда глаза адаптировались к свету, он заметил, что в комнате находятся две женщины в темных костюмах. Одна сидела за письменным столом, а вторая в абсолютно невероятной позе восседала, скрестив ноги, на антикварного вида сейфе.

Обе вдыхали пары из аэрозольных баллонов.

Клешня убралась, и Холлидей вздохнул с облегчением. Оглянувшись, он увидел, что его провожатая мило улыбается. С виду невинная, как школьница, она выглядела лет на двенадцать, не больше, но ее правая кисть сверкала серебристым отсветом на стальном пястном наручнике.

Из-за стола на него уставилась блондинка с длинным лицом, заостренными чертами и взбитой копной волос. Ему невольно пришел в голову вопрос: возникла ли злобная мина на ее лице под действием наркотика или же это проявление политических убеждений?

– Что вам надо? – спросила она, обозначив вопрос длинным вдохом струи аэрозоля. На мгновение в льдистых голубых глазах мелькнуло выражение экстаза.

– У меня есть карточка вашего клуба, я договорился встретиться здесь с Кэрри Виллье.

Женщина протянула руку:

– Карточку!

Холлидей подчинился. Несколько мгновений женщина созерцала серебряный прямоугольник, потом подняла глаза на собеседника:

– Где вы его взяли?

– Я же объяснил: у Кэрри Виллье.

– Что вам от нее нужно?

Как много следует ей сообщить? Интересно, насколько она расположена к частным сыщикам?

– Вчера она была в нашем офисе. У нее пропала любовница – Сисси Найджерия. Я пытаюсь ее найти.

Женщина смотрела с недоверием:

– Зачем ей обращаться в ваше агентство?

– Очевидно, она слышала, что мы можем помочь.

Водруженная на сейф женщина заговорила. Холлидей не понял ни слова. Какой-то тайный арго поклонниц древней Сафо?

– Моя сестра спрашивает, откуда нам знать, что вы не напали на Кэрри и не забрали у нее карточку силой?

Паранойя, усугубленная наркотиком, или элементарная тупость?

– Украл карточку, чтобы проникнуть в этот клуб? Черт побери, зачем мне это нужно?

Женщины стали совещаться: бессмысленный поток слов, но тон сердитый.

– Послушайте, – наконец вмешался он, – я – друг, понятно? Кэрри доверилась мне и дала эту карточку, я – на вашей стороне. Пропустите меня, я должен поговорить с Кэрри.

Длиннолицая снова уставилась на него и вдохнула новую порцию аэрозоля.

Тогда он пустил в ход свой единственный козырь, чувствуя, что тем самым может совершить громадную ошибку.

– Вам знакома Сью… Сьюзен Холлидей?

– Откуда вы ее знаете? – спросила Длиннолицая.

– Она моя сестра. У нас даже есть фамильное сходство. Темные, курчавые волосы, раздвоенный подбородок?

Они так хорошо ладили, пока были детьми, но когда Сью стала взрослеть и познакомилась с проблемами пола, отношения у них резко испортились. Пять-шесть лет назад без всяких объяснений Сью перестала отвечать на его звонки и переехала из Солано-Билдинг, не оставив нового адреса.

Теперь Длиннолицая разговаривала с Клешней, которая снова вцепилась в его руку, но на сей раз нежными, детскими коготками левой руки. И снова улыбнулась… так невинно.

– Я вас провожу, мистер Холлидей. – Она хихикнула. – Здесь у нас настоящие джунгли, вам нужен телохранитель.

Когда он выходил, Длиннолицая посоветовала:

– Ты там поаккуратнее, Холлидей. Некоторые из наших не так добродушны. – Она уставилась на него немигающим взглядом. – Помни об этом.

Он вернулся в темное фойе, в голове неприятно отдавались прощальные слова Длиннолицей.

Девочка цепко ухватила его за пальцы правой руки и провела сквозь вращающуюся дверь.

– Точно вам говорю, мистер Холлидей, здесь у нас просто Джунгли. Держитесь ко мне поближе, и все будет хорошо.

Бар “Пена” располагался в старом голографическом театре, сегодня в нем представляли сцену из какого-то лесного эпоса: насколько хватало глаз, голографические проекторы создавали

оптическую иллюзию деревьев. Проекции были хороши, но все же легкая дымка на периферии изображения выдавала подделку. Звуки блюза очень уместно сочетались с ртичьими трелями, а на полянах между стволами ритмично (двигались пары.

Они обогнули танцующих по краю; его появление вызвало целую гамму эмоций: от невинного любопытства до ярко выраженной враждебности. Холлидей порадовался зе-пеноватому полумраку: он делал его присутствие менее вызывающим, но все же не избавлял от ощущения неловкости.

Девочка привела его к круглому бару, в котором, очевидно, воплотилось чье-то представление о хижине в джунглях: бамбуковый палисад, соломенная крыша. Он водрузился на высокий табурет.

– Хочешь выпить?

– Спасибо. Пиво, пожалуйста. Бразильское, если, конечно, вы платите.

Девица за стойкой, одетая в черную пару, уставилась на него без всякого выражения.

Холлидей заказал два “карибских”. Барменша откупорила бутылки, толкнула их вдоль стойки и сказала:

– С вас сорок долларов.

Он изо всех сил постарался не среагировать на этот грабеж, отсчитал четыре банкноты и оставил их на стойке. Дитя схватило бутылку своим стальным захватом и присосалось к ней. Холлидей потягивал пиво и разглядывал танцующих. В полумраке поблескивало множество модно выбритых голов, и казалось, что роскошные телеса снова в фаворе; видно, колесо совершило полный оборот, и плодородный тип Матери-земли опять на гребне.

– Я не вижу здесь Кэрри Виллье, – проговорил он, сканирующим взглядом пробегая по танцующим.

Девочка-клешня вытянула свернутый трубочкой язычок из горлышка и огляделась.

– Она должна быть где-то здесь, мистер Холлидей. К десяти она всегда приезжает. Подождите здесь, я ее поищу.

Помахивая руками в такт музыке, его спутница заскользила между парами. Ее провожали ласковые улыбки. Холлидей задумался: интересно, знает ли ее мать, где девчонка проводит вечера по пятницам? И сам себе улыбнулся. В чем это Сью его обвиняла? Приверженность к условностям и традиционным буржуазным ценностям? Хол полагал, что, получив воспитание в семье военного, он едва ли мог стать иным.

Девочка слегка касалась руками то одной, то другой пары, вставала на цыпочки и что-то кричала в самое ухо

слушательнице. Женщины бросали враждебные взгляды на Холлидея и отрицательно качали головами. Девочка плыла дальше и наконец скрылась в зарослях папоротника.

По-прежнему чувствуя себя скованно, Холлидей потягивал пиво, стараясь изобразить, будто наслаждается музыкой. Через пару минут из-за деревьев снова возникла его Ариадна, вытирая со лба воображаемый пот.

– Кэрри еще не приходила. Ее ждали к десяти. В соседнем баре сидят ее подруги. Вы можете угостить меня еще разок.

На этот раз он обошелся без ее руки, а просто прошел за ней сквозь зеленую чащобу. Они оказались в следующем баре, абсолютно схожем с первым. Другие женщины колыхались здесь в том же ритме.

– Два “карибских”, Терри, – распорядилась Клешня, – мой друг платит.

Холлидей выложил еще сорок долларов, решив отнести их к накладным расходам, и допил первую бутылку. Он нашел табурет и стал разглядывать танцующих. Предположение, будто тициановские формы снова вошли в моду, оказалось явно преждевременным: женщины, облюбовавшие эту территорию, не имели ничего общего со своими пышноте-лыми соратницами в первом баре. Здесь доминировали стройные, пожалуй, даже угловатые фигуры, у некоторых были удалены груди, и низкие вырезы рубашек открывали модный дизайн белых серповидных шрамов.

Пока он занимался наблюдениями, одна из женщин, высокая и чернокожая, как воин племени масаи, отделилась от группы танцующих и подошла к стойке. Холлидею пришлось взбираться на высокий табурет, она же на него опустилась, скрестив длинные, скрытые брюками ноги. Когда она потянулась за стаканом, лацканы ее двубортного, в тонкую полоску пиджака разошлись, и Холлидей увидел, что она тоже выбрала самый радикальный способ избавления от молочных желез.

– Хай, я – Киа, – промурлыкала она. – Киа Йохансен.

– Холлидей. – Он показал ей карточку. – Я ищу Найджерию. Кэрри Виллье придет попозже?

– В это время она обычно уже здесь, миленький. – Киа держалась с преувеличенно женственной повадкой местной транссексуальной королевы в наряде трансвестита. Холлидей невольно подумал: может, лесбиянка, притворяющаяся мужчиной, который притворяется женщиной, – это особый шик альтернативной культуры и последнее веяние здешней моды?

Голова Киа была чисто выбрита, и костистые контуры ее черепа могли бы осчастливить любого френолога. Однако”

присмотревшись, он с изумлением разглядел пластинки се* ребряного имплантата, плотно облегающего череп. Металлическая полоска уходила прямо в изящное правое ухо. Интересно, это действительно неврологический имплантат или просто хитрая косметическая имитация?

– Мы все очень беспокоимся о Найджерии, – проговорила она, положив ему на рукав длинные пальцы, похожие на тонкие темные сигары. – Так вы говорите, что сможете ее отыскать?

– Вы с ней дружите?

– И очень близко. Я имею в виду, что много лун назад она была моей возлюбленной, но это совсем другая история, правда, Мисси?

– Расскажи, Киа, – улыбнулась девочка. Холлидей спросил:

– Вы не заметили ничего странного перед тем, как она исчезла? Она вела себя как обычно?

Киа подняла голову к раскачивающимся голографичес-ким ветвям и издала хриплый смешок.

– Скажете тоже! Было бы странно, если бы она вела себя как всегда! – Киа решительно покачала головой. – Однако она была все той же старой надежной Сисси, забавной и веселой.

Холлидей сделал большой глоток пива и задал следующий вопрос:

– Бывает, что Кэрри договорится и не придет, вот как сегодня?

Киа взглянула на него с внезапно проснувшейся тревогой.

– Знаешь, милок, это как-то необычно. – Она задумалась, не сводя глаз с его лица. – Послушайте, у меня есть запасной ключ-карта от квартиры Сисси. На случай всяких проблем. Мы всегда можем туда сходить.

Холлидей вздохнул.

– Я ей позвоню. Может, она просто пораньше легла, спать.

Он вынул хэнд-ком – мини-компьютер из кармана куртки, связался с компьютером в офисе и загрузил код Кэрри Виллье. Через несколько секунд он уже слушал длинные гудки вызова.

Подождал пару минут. И все это время Киа не сводила с него глаз, громадных, как мячи для гольфа. Он покачал головой и спрятал телеком.

– Не отвечает.

– Я волнуюсь. Надо туда съездить. А ты как считаешь, Мисси?

Клешня, раздумывая, покусывала остренький язычок.

– Если бы это была моя подруга… – она энергично кивнула, – да, я бы туда смоталась!

– Решено. Холлидей, если хотите, можем поехать вместе. Я иду!

Киа поднялась с табурета и с грозным видом посмотрела на него сверху вниз. Холлидей вздохнул.

– Я на машине. Подвезу. Солано-Билдинг, так?

– Вы знаете, где это?

– Знаю.

Мысль, что после всех этих месяцев снова придется туда ехать, наполнила его душу беспокойством и сомнениями. Как странно: он поедет туда и вовсе не затем, чтобы повидать сестру.

Мисси-клешня проводила их сквозь зеленые джунгли* Толкнув вращающуюся дверь, они снова оказались в темном фойе.

Наружная дверь распахнулась, впустив клубы ледяного воздуха. Киа театрально содрогнулась, Холлидей – тоже, а Мисси постучала его по спине:

– Ничего не забыли, мистер Холлидей?

Он обернулся. Она улыбалась своей сладкой улыбкой школьной соблазнительницы, спрятав одну руку – левую, невооруженную, за спину.

Он похлопал себя по карману, где хранил бумажник. На месте. Сунул руку в карман с пистолетом, но тот больше не терся о его ребро.

Господи, а он ведь ничего не почувствовал…

– Недурно, Мисси. Но если не возражаешь… – И он протянул руку.

Губы ее изогнулись в мимолетной победной усмешке, и она уронила пистолет ему на ладонь.

– На вашем месте, мистер Холлидей, я была бы с ним поосторожнее. Кто знает, когда он может вам понадобиться. Мужчина никогда не должен расставаться со своим оружием, даже я это знаю.

– Ты не по годам взрослая, Мисси, как бы это тебе не повредило.

– В мая будет одиннадцать, – отозвалась она.

– Я пришлю тебе открытку, – пообещал он. – И позволь дать тебе совет. Смотри, чтобы мама не узнала, где ты проводишь свободное время, о'кей?

Мисси прикрыла хорошенькие губки стальным захватом.

– Мистер Холлидей, леди за письменным столом – моя мама.

Закрывая за ним дверь, она все еще продолжала смеяться. Он покачал головой и двинулся к машине.

Киа уже прошла полквартала, отмахиваясь от беженцев, требующих доллар. Обернувшись к Холлидею, она спросила:

– Где ты застрял, милок?

Огибая нищих, Холлидей заспешил по переулку и указал на

свою машину. Включил мотор и двинулся к Гринвич-Вил-ладж. Солано-Билдинг, скучное серое здание, выходило фасадом на Вашингтон-сквер. Под деревьями у забора он нашел место для парковки и вслед за Киа поднялся по ступеням.

– Держись от меня подальше, парень. Не хочу тебя обидеть, тут ничего личного, но если кто-нибудь увидит нас вместе… фью! Моя репутация разлетится в клочки.

Он поднял глаза на лесбийскую великаншу.

– Твоя репутация? – пробормотал Холлидей и помедлил, позволяя ей пройти вперед, и лишь тогда последовал за ней в здание.

Интерьер выглядел все так же уныло. Оштукатуренные стены выкрашены в тошнотворный зеленый цвет и вызывают в памяти коридоры психиатрической клиники 1900-х годов. Несколько лет назад Сью снимала комнату на верхнем этаже; окна там выходили на университетские здания. Хол-лидею вспомнился древний лифт, резкий запах мочи, превращавший каждую поездку в нешуточное испытание. На сей раз им это не грозит: Киа направилась по длинному коридору первого этажа к обитой металлом двери. Вытащила из нагрудного кармана ключ-карту, распахнула дверь и вошла внутрь.

– Кэрри! Ты здесь, дорогая?

Включилось автоматическое освещение и, постепенно разгораясь, достигло нормальной яркости, открыв их глазам комнату, которая скорее наводила на мысль о развороте модного журнала по дизайну интерьера, чем о чем-либо связанном в сознании Холлидея с Солано-Билдинг. Но тут он вспомнил, что обе женщины – и Виллье, и Найджерия – были профессионалами. Виллье – в области моделирования одежды, а Найджерия – специалист по компьютерам, и обе, очевидно, зарабатывали более чем достаточно, чтобы позволить себе излишества в отделке и меблировке жилища: общее пространство холла-столовой выполнено в кремовых тонах, норвежская мебель обита бархатом, кругом искусственно выращенные меховые коврики. На всех стенах переливаются кричащие краски психоделических голограмм. У Холлидея начинает кружиться голова, словно он поднялся на борт корабля в качку.

Киа ходила из комнаты в комнату, звала Кэрри. Холли-дей прошел через холл к дисплейной стойке голографичес-ких кубиков, взял один в руки, и тот начал воспроизводить изображение.

Холлидей смотрел, как Кэрри Виллье и Сисси Найдже-рия, взявшись за руки, идут по тротуару. Вот они приветственно взмахнули руками, повернулись друг к другу и поцеловались.

Холлидей заметил, что на голограмме череп у Найджерии, как и у Киа, украшен серебряной инкрустацией нейроимплантата, но настоящей или косметической – не разберешь.

В дверях появилась Киа, загораживая собой почти всю высоту проема. Привалившись к косяку, она произнесла будто в отупении:

– Холлидей, там., там…

Он кинулся через холл, уверенный, что Киа обнаружила труп. Она посторонилась.

– Это комната Сисси. Посмотрите…

Он переступил порог, в нос ударил резкий запах горелой изоляции. Сыщик обвел глазами отделанную в черных тонах комнату. Киа указывала на кучу у дальней стены, которая могла когда-то быть компьютерной консолью.

– Что это? – спросил Холлидей.

– Стол Сисси, она часть работы делала дома.

Холлидей насчитал с полдюжины экранов, три клавиатуры, энцефаллошлем. Он только читал о таких шлемах, но никогда не видел. Последнее достижение, нейроинтерфейс, еще пребывающий на стадии разработки.

– Впечатляет, – пробормотал он.

И только присмотревшись внимательнее, Холлидей понял причину смятения Киа. Консольная этажерка была оплавлена, контактные гнезда почернели от сажи. Теперь ясно, откуда химическая вонь. Он пробежал пальцами по оплывшей поверхности консоли. Холодная. Конечно, это еще ни о чем не говорит.

Киа мотала головой, будто не могла поверить глазам.

– Сисси так любит свою деку. Она просто живет ради нее.

– В чем конкретно состояла ее работа? – спросил он и тут же пожалел, что употребил прошедшее время.

Однако Киа, казалось, ничего не заметила.

– Она – системный эксперт в КиберТек. Работает над аналоговой логикой и рекомбинацией данных.

Холлидей кивнул с таким видом, будто понял, о чем речь.

– Вы разбираетесь в профессиональном жаргоне, – заметил он.

– А как же, солнышко. Я работаю в ВР Мантони. Виртуальная реальность, слышали?

Он показал на оплавленную консоль:

– Какие-нибудь идеи по поводу случившегося? Она отрицательно покачала головой.

– Наверняка это специально устроили. От неполадки в системе такого бы не было. Чтобы сразу все порты сгорели…

Холлидей оглядел комнату, а через дверь и холл.

– Остальное вроде бы в порядке. Ничего не тронули. Думаете, кто-то специально пришел именно с этой целью?

– Послушайте, эксперт – вы. Вот вы и думайте.

– Я занимаюсь пропавшими людьми. Едва ли меня можно назвать экспертом. – Он помолчал. – Не могла ли Най-джерия сама это сделать?

– Сисси?! Сжечь свою деку? Нет, парень. Ни за что! – Последнюю фразу Киа произнесла по слогам.

Холлидей еще раз оглядел комнату. Рядом с кроватью стоял персональный блок базы данных, полка отделана черным матовым пластиком – в тон цветам комнаты. Он поднял пластинку с записывающими иглами и сунул ее в карман. Если Сисси Найджерия вела дневник, то иглы-крио-таллы могут содержать важную информацию.

– Не нравится мне это, Холлидей. Сначала исчезает Сио-си, теперь вот Кэрри куда-то делась.

– Не знаете, были у них враги?

– У Кэрри и Сисси? Дорогуша, наши сестры их любили, У них не было врагов.

– А вне общины?

– Вне общины они не водили знакомств.

– А как насчет наркотиков? Баловались? Она энергично затрясла головой:

– Нет. Даже спин не пробовали. Холлидей вздохнул.

– Едва ли мы сможем здесь что-нибудь сделать. В полиции знают, что Найджерия пропала. А насчет Кэрри я бы пока не беспокоился, может, еще появится. – Он обвел глазами комнату. – Я должен здесь все осмотреть. Вдруг что-то попадется.

Он вернулся в холл и как раз думал, с чего бы начать, когда вдруг погас свет.

– Киа! Что за дурацкие…

– Эй! Это не я… – начала было она.

На стенах алым светом пульсировали голограммы; извиваясь в красноватом сумраке, они искажали восприятие, и у Холлидея закружилась голова, словно в бурю на палубе корабля. Позже он задумался, был ли такой эффект намеренным или возник случайно. Он потянулся к стене, чтобы удержаться на ногах, но вместо этого упал на колени. Казалось, теперь голограммы выбрались наружу, за пределы того, что должно служить их рамами; пурпурные и зеленые аморфные формы ползали по стенам, по потолку, сбивали с толку, заставляли полностью терять ориентацию. Где-то рядом вскрикнула Киа:

– Что происходит, парень? Вытащи меня отсюда!

Теперь он лежал на полу, изо всех сил пытаясь подняться, но смог лишь встать на колени. Какая-то крохотная часть мозга, сохранившая рациональную суть, шептала ему, что подобный эффект не мог быть достигнут одними лишь визуальными средствами, и в тот же миг он подсознанием ощутил тончайшее дребезжание, едва различимый звук, который пронизывал воздух. Пожалуй, даже не звук, а вибрации на самом пределе физического восприятия, трепыхание пульса в солнечном сплетении, разрушившее своим резонансом его чувство равновесия. Ультразвук, сам себе объяснил Холлидей, и осознание того, какие средства были пущены в ход для его нейтрализации, наполнило душу страхом. Значит, дело не в неполадках с освещением, целью акции была Киа и он сам. Холлидей ощутил мгновенную дурноту, когда ультразвук добрался до желудка, как будто желая вывернуть его наизнанку.

Он попробовал определить, в какой стороне дверь, и пополз туда. Комната наполнилась оглушительным треском: это хлопала, открываясь и закрываясь, стальная дверь. Звук доносился с противоположной стороны, значит, он полз в другом направлении. Холлидей обернулся, всматриваясь в алую хмарь. Ему почудилось, что на фоне расплывчатых форм голограммы промелькнула темная фигура. В тот же миг закричала Киа:

– Сюда, Холлидей!

Из последних сил он пытался управиться со своими конечностями, однако сумел встать лишь на четвереньки. Ну и ладно, побежим так. Его вырвало бесцветной жидкостью, слава богу, он не ел уже много часов. Какое-то движение, звук шагов. В груди, словно лопнувшая артерия, возникла паника. Рука рванулась к пистолету, с трудом он умудрился вытащить его из кармана куртки. Неловко завалившись на бок, Холлидей обеими руками ухватил рукоятку, выставив пистолет вперед и стараясь унять дрожь в руках.

Кто бы там ни был, Холлидей не станет целиться, будет стрелять мимо, просто чтобы напугать. Вокруг все плыло, сыщик в отчаянии оглянулся, пытаясь отыскать взглядом темную фигуру. Вдруг некая призрачная тень мелькнула на фоне голограммы. Локтем он задел что-то мягкое, ага! – норвежский диван. Холлидей закатился за спинку, чтобы между ним и таинственной фигурой была хоть какая-то преграда.

Стараясь успокоиться, он пытался восстановить дыхание. Получилось не сразу, слишком много времени прошло с тех пор, как он проходил военную подготовку в полицейских силах. Тело утратило все, казалось бы, автоматические навыки. Ушедшие годы и острота ситуации, в которую он попал, привели его в

состояние странного отупения. Будем надеяться, с надеждой подумал он, что если начнется настоящая заварушка, инстинкты сработают, да и тренировка все же даст о себе знать. По крайней мере у него есть оружие. Тяжесть пистолета внушала уверенность и успокаивала разыгравшиеся нервы. И тут накатила новая волна дурноты. Борясь с нею, он стремился лишь к одному – сохранит сознание.

Вдруг обостренным слухом Холлидей уловил некий звук, мягкое, едва различимое соприкосновение ступни и паркета. Он весь подобрался, изготовившись к действиям, поднял пистолет, направил его к вероятному источнику звука.

Казалось, тишина растянулась до бесконечности, оглушительные удары сердца отсчитывали секунды, но ничего не происходило. Внезапно в голову ему пришла простая, но пугающая мысль. Как его противник справляется с воздействием ультразвука, с потерей ориентации? Кто он, черт возьми?

Холливуд уже передумал стрелять в воздух.

Пронзив тишину, комнату заполнил свист. Словно падающий меч, мелькнула серебристая линия, рассекла диван, тот развалился на две части. Убежища больше не существовало, и Холлидей покатился по полу в сторону светлого треугольника, скорее всего – окна. Если бы подвернулось что-нибудь тяжелое… Разбить стекло и выпрыгнуть…

Опять шаги… Похоже, приближаются… Снова свист – и ближняя стена раскололась, осыпав его распростертое тело осколками витражей и отделки. Что-то тяжелое ткнуло Хол-лидея в живот, и он закрутился на месте. Сдержав крик, сыщик нащупал какой-то предмет – кажется, статуэтка! Ухватив ее свободной рукой, Холлидей развернулся и изо всех сил швырнул увесистую штуковину в светлый треугольник. Если Сисси Найджерия заменила стекло бронированным пла-стексом…

Больше он ни о чём не успел подумать, статуэтка проломила окно, и на Холлидея дождем посыпались острые стеклянные брызги. В комнату ворвался ледяной ветер. Рискнув подняться и встать на колени, он вцепился в подоконник, как жертва кораблекрушения в борт последней спасательной шлюпки, набрал полную грудь воздуха, подтянулся на руках и рывком швырнул тело через подоконник.

Однако бегство не состоялось. Что-то мешало, и Холлидей ощутил острый приступ паники, ужас сдавил глотку, не давая вздохнуть. Он попытался крикнуть, звук застрял в горле. Чувствуя, что его держат за полу пиджака, сыщик оглянулся и в свете уличного фонаря увидел нападавшего.

Мужчина. Примерно такого же возраста и веса, как и он сам.

Латиноамериканец с жестким взглядом и глубокой дугою шрама от виска до уголка рта. Вместо призрачной фигуры Холлидей видел наконец противника из плоти и крови и испытал неожиданно бурный всплеск надежды и облегчения. Теперь таинственный враг приобрел индивидуальность, имел лицо. Он человек, а значит, его можно победить.

Вдруг нападавший взмахнул правой рукой, и Холлидей успел заметить маленький серебристый серп лазерного ножа. Он перехватил кисть с оружием и одним движением впечатал ее в деревянную раму. Выражение жестокой решимости на лице атакующего, казалось, совсем не дрогнуло, однако резак выпал и со стуком покатился по паркету. Холлидей поднял пистолет, направил его прямо в изуродованное шрамом лицо и, не успев сообразить, чтф делает, нажал на курок.

Воображение тут же создало картину фонтанов крови и разбрызганных мозгов, и он содрогнулся. Но курок щелкнул впустую. Еще одна попытка – результат тот же. Не давая себе впадать в панику, он быстро нанес резкий апперкоц прямо в челюсть неприятелю, услышал звериный рык, пере* катился через подоконник и больно стукнулся плечом о землю. Как будто нырнул в ледяную прорубь. Мороз сразу привел его в чувство, и Холлидей побежал вдоль темного переулка – узкого каньона между трехэтажным зданием и рядом особняков. На бегу он проверил пистолет – обоймы не было* Мисси…

У него еще шумело в голове от воздействия ультразвука, координация до конца не восстановилась, и казалось, что ноги в любой момент могут не выдержать и разъехаться и разные стороны. Наконец он рискнул оглянуться. Латиноса не было. Кто знает, может, апперкот оказался удачным и сразил врага наповал? Холлидей глубоко вдохнул стылый воздух, легкие обожгло морозом. Оглянувшись еще раз, он увидел, что противник, снова превратившийся в безымянную тень, выпрыгивает из окна.

Холлидей припустился быстрее, в панике прикидывая расстояние, на котором парень способен применить свой резак. Кожа на спине покрылась мурашками от одной мысли о подобной возможности. Впереди обозначился поворот – узкий проход между зданиями. На полной скорости сыщик обогнул угол, стукнулся о противоположную стену и едва удержался на ногах. Он продолжал мчаться что есть силы и вдруг остановился, чувствуя, как от страха холодеет затылок.

Переулок заканчивался тупиком. Глухой стеной красного кирпича. Двери были, но на них висели замки. Были и окна, но забранные мощными железными решетками. Холлидей ощутил

внезапный приступ ледяного ужаса, и перед его глазами непрошенно возник образ отца. В бессловесном отчаянии он помотал головой. В памяти все было настолько свежо, как будто это случилось только вчера, а не двадцать лет назад. Тогда Холлидей дрогнул и пропустил третий удар.

Он развернулся, ожидая, что в любую минуту появится латинос. Справа на стене поднималась зигзагами ржавая железная лестница. Холлидей бросился к ней, подпрыгнул и ухватился за нижнюю ступеньку. Руки отозвались протестующей болью в мускулах. Секунду он повисел, собирая (непонятно откуда) силы для следующего рывка, потом подтянулся до второй ступеньки и согнулся, пытаясь нащупать опору. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем ноги нащупали нечто твердое – первую ступень. Холлидей вцепился в перила и полетел вверх, перемахивая сразу через пару ступеней. На каждом повороте он торопливо смотрел вниз, обшаривал взглядом переулок и продолжал путь. Сыщик был уже почти у самой крыши здания, когда у входа в тупик показался латинос. Парень вытащил что-то из-за пояса и крадучись двинулся вдоль стены.

Холлидей ступил с пожарной лестницы на плоскую бетонную крышу, залитую лунным светом и пустую, если не считать тарелок спутниковых антенн и усилителей для мик-роволновок. Перед ним лежало огромное, как футбольное поле, пространство, и – никакого укрытия! Он, конечно, может побегать, но спрятаться негде. И на соседний дом тоже не перепрыгнешь. Холлидей обошел крышу по периметру, увидел, что расстояние до ближайшего здания – не менее пяти метров и никаких признаков второй пожарной лестницы.

Снизу донеслись звуки шагов. Кто-то поднимался. Сыщик метнулся к ближайшей спутниковой тарелке. Антенна была установлена под углом в сорок пять градусов и обращена к пожарной лестнице. Однако Холлидей решил, что воспользоваться первой же тарелкой в качестве укрытия – трюк слишком очевидный, и ринулся к группе из полудюжины антенн, которые смотрели в небо. Он быстро перевернул одну из них вниз так, чтобы ноги могли зацепиться за нижний рант, и взгромоздился внутрь, как какой-нибудь отчаянный поклонник виндсерфинга.

В тарелке обнаружилось крошечное отверстие – из шва выпала заклепка, и Холлидей, нагнувшись, мог одним глазом разглядеть кусок крыши и силуэт перил.

Неужели парень окажется настолько глуп, что не поймет – кроме как за тарелками, здесь спрятаться негде? Если он не поленится их все проверить… Или не станет рисковать и просто

изрешетит каждую пулями…

И только теперь Холлидею пришел в голову вопрос: а почему, собственно, латинос за ним охотится и хочет убить? Что, если мерзавец связан с исчезновением Сисси Найджерии?

Лодыжки ныли, а руки, вцепившиеся в ледяной металл антенны, казалось, стали одной сплошной открытой раной. Холлидей попробовал держаться одной рукой, а другую тем временем хоть чуть-чуть согреть под мышкой. Прищурившись, он заглянул в дырочку и разглядел лестницу.

И тут появился латинос. Сначала, медленно и осторожно, высунулась макушка, затем поднятая правая рука с оружием. Увидев, что непосредственной угрозы нет, он перешел с лестницы на крышу и, пригнувшись, стал озираться по сторонам, словно оценивая вероятность неожиданного нападения. Холлидей почувствовал, что у него пересохло в горле. Когда и если все это кончится, уж ему найдется что рассказать Барни и Ким. Если, вот именно. А пока он слушал оглушительные удары собственного сердца и сознавал, что дышит слишком громко – такое пыхтение может выдать кого угодно!

Наблюдая за противником, Холлидей чувствовал, как желудок подбирается к самому горлу – он просто физически ощущал тошнотворный ужас. Латинос подобрался к первой антенне, той, что смотрела в сторону лестницы. Он приостановился и вроде бы размышлял, можно ли за ней спрятаться. Очевидно, решив, что тарелка представляет собой вполне достойное укрытие, он сунул револьвер за пояс, вытащил резак и нацелил его на антенну. Серебристая линия лазерного луча озарила тьму. Она рассекла металл, и верхняя часть тарелки с грохотом рухнула на бетонную поверхность. Господи! А если он так поступит с каждой?!

Латинос двинулся к следующей антенне и прорезал в ней длинную оплавленную щель. И вот он уже у группы тарелок, среди которых спрятался Холлидей. С расстояния двух метров бандит рассек первую и перешел к следующей. Мысль Холлидея работала с бешеной скоростью. Если он высунется – все, смерть. И к гадалке не ходи. Если останется на месте…

Латинос резанул еще по одной тарелке, и тут у Холлидея мелькнула мысль, как выжить в этой нечаянной встрече. Укрывающая его антенна стояла в ряду из трех вытянутых в линию тарелок, которые расположились друг за другом, как ложки. Чтобы подобраться к той, где спрятался Холлидей, стрелку придется подойти совсем близко… настолько близко, что сыщик сумеет прыгнуть на него и слегка “удивить”.

Холлидей напрягся, вынул пистолет, приготовившись

воспользоваться им как дубинкой. Латинос расположил первую из трех антенн (металл рвался с длинным скрежещущим визгом) и двинулся ко второй. Сейчас он находился не более чем в двух метрах от замершего сыщика. Если Холлидей станет ждать, когда враг соберется уничтожить его собственное укрытие, может оказаться слишком поздно. Пожалуй, он вынырнет, пока противник будет заниматься второй антенной и на мгновение потеряет бдительность.

Латинос поднял резак и выстрелил. Из дула вылетел серебряный луч и расколол тарелку по диаметру. Холлидей прыгнул сразу после выстрела, когда латинос еще только опускал оружие.

Он только раз коснулся бетона, взлетел в мощном прыжке и нанес сокрушительный удар прямо в солнечное сплетение противника. Тот повалился на спину. Холлидей снова подпрыгнул, обрушился на грудную клетку поверженного врага, придавил руку с оружием и, ломая кости, ударил по ней рукоятью пистолета. Пальцы разжались, и резак стукнулся о бетон крыши. Холлидей отшвырнул его подальше, только сейчас ощутив внезапный подъем при мысли, что все же может выбраться из этой заварушки живым. Он нащупал у лежащего брючный ремень, вытащил оттуда револьвер и забросил его как можно дальше. Его пленник вырывался изо всех сил, стараясь дотянуться до лица сыщика здоровой рукой.

Холлидей поднял свой пистолет и с силой обрушил его рукоять на скулу противника.

Никогда. Позже Холлидей убеждал себя, что никогда не мог он представить себе того, что увидел в следующий момент. Сначала он вообразил, что это галлюцинация, что адреналин от преследования и драки ударил ему в голову и повлиял на зрение.

По лицу латиноса пробежали быстрые изменения. Казалось, плоть просто таяла, теряла форму и определенность. На долю секунды лицо стало совсем иным, превратившись в почти неуловимое подобие какого-то другого существа, но Холлидей не успел даже понять, мужчины или женщины, молодого человека или старого. Слишком быстро это лицо вернуло себе облик латиноса, но тут снова произошла трансформация, и на сей раз новый образ сохранился на долгие пять секунд. На Холлидея смотрела хорошенькая блондинка, но глаза… сыщик заметил, что глаза красавицы горели тем же жестоким огнем, что и у латиноамериканца. Этот безжалостный взгляд наполнил сердце Холлидея таким страхом, которого он не испытал за всю сегодняшнюю охоту. Страхом необъяснимого.

Сыщик вскрикнул, откатился в сторону, вскочил на ноги и

бросился бежать. Он хотел добраться до пожарной лестницы, но потерял ориентацию, запутался и двинулся совсем в другом направлении. Едва не разрыдавшись, он остановился и обернулся посмотреть на врага. Латинос… или кто он, черт возьми, на самом деле… пошатываясь и прижимая к груди поврежденную руку, медленно поднимался на ноги. Вот он заметил Холлидея и в тот же миг рванулся в его сторону. Внешне парень снова выглядел тем же латиноамериканцем, однако теперь в его чертах была некая расплывчатость, неопределенность, как будто они пытались вернуть себе привычный облик, но никак не могли нащупать правильную структуру.

Холлидей снова побежал, но тут же остановился. Он был на самом краю крыши. Придется встречать противника лицом к лицу. Господи, лишь несколько секунд назад он испытал почти эйфорию от нежданной победы, а теперь ее вкус отдавал такой горечью! Он сознавал: драка неизбежна, однако перспектива сразиться с чем-то, чего он не мог ни объяснить, ни понять, наполняла мозг иррациональным, почти первобытным страхом. Латинос приближался. Слегка пригнувшись, он двигался с грозной кошачьей грацией, явно готовый к любым попыткам Холлидея прорваться к спасению.

– Черт возьми, кто ты такой?! – закричал Холлидей, но ответа не получил.

Латинос просто смотрел на него в упор, не произнося ни звука, и это молчание казалось почти таким же жутким, как и его прежние метаморфозы.

Холлидей почему-то не ожидал, что противник сразу на него бросится, и прыжок латиноамериканца застал-таки его врасплох. Сыщик получил сокрушительный удар в солнечное сплетение и почувствовал, что летит на спину, испытав краткое – буквально на долю секунды, но очень острое и полное отчаяния ощущение, что он ничего, ну просто ничего не может сделать, чтобы остановить это падение.

Выворачивающее душу мгновение на самом краю, когда он бесполезно и бессмысленно молотит руками по воздуху, и все…

О господи!

И вот он летит вниз. Все произошло так стремительно, что Холлидей не успел понять, что уже практически мертв, что просто не может выжить после падения с высоты двадцати, нет, тридцати метров, однако ощущение краха окати-ло его волной нестерпимого ужаса. Его животное естество, настроенное только на выживание, лишилось выбора, са-мой возможности сражаться за жизнь и дико завыло от неизбежности уничтожения.

Потом он обо что-то стукнулся. Обо что-то мягкое. Тело как

будто спружинило и покатилось. Боль острыми крючьями впилась в кости и мышцы, но не та, не смертная боль. Он скатывался вниз по какой-то куче, не сразу сумев осознать, что именно спасло ему жизнь. Мусор. Огромная куча полиэтиленовых мешков с мусором, которую не успели вывезти.

Он снова полетел вниз. На сей раз с небольшой высоты., Свалившись с упакованных отбросов, он вскрикнул – удар о землю оказался все-таки очень силен. Холлидей попытался встать на ноги, но умудрился лишь перекатиться на спину. Так он и лежал, уставившись в яркие россыпи звезд, не пытаясь сдерживать стоны и стремясь только не потерять сознание. Что-то теплое сбегало ему на глаза, очевидно, кровь, и он отстраненно размышлял: как же ему суждено умереть – от потери крови или от этого арктического холода? А потом на него снизошло умиротворение, и он затих.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Анна Эллисчайлд закончила последнюю сцену голографического сценария и отправила его по e-mail'у своему продюсеру в “Тайдманн Голографпродакшн”.

Она закрыла программу TrueVoc, крутанулась в кресле, чтобы больше не видеть стол, потянулась и зевнула. На Рождество “Остров Сафо” имел у аудитории голографдрамы бешеный успех по всей стране, и в “Тайдманне” ей предложили новый, значительно более выгодный контракт еще на шесть эпизодов. Вторую серию она надиктовала за рекордно короткое время – часа за три, однако сочла, что три часа на такое дерьмо – это роскошь.

Экран мягко засветился, и оттуда улыбнулась продюсер-ша Анны – Фелисити. Пошевелив пальцами в знак приветствия, она ласково начала:

– Только что дочитала последнюю сцену, Анна. Просто прелесть, дорогуша! И конфликт хорош. Настоящий триллер. Твоя Саша становится все интереснее. Перспективный персонаж. Прямо героиня нашего времени. – Фелисити сделала глубокий вдох. – Но вот сексуальная сцена… Сама-то ты что про нее думаешь?

Вот оно, начинается. Все эти традиционные предисловия: “просто прелесть, дорогуша… перспективный персонаж…” Анна вспомнила реакцию Фелисити на самый первый сценарий “Острова Сафо” в том виде, каким он был год назад. “Божественный сценарий, Анна! Но тебе не кажется, что в названии не хватает… ну, не знаю… изюминки, что ли?” У друзей Анны из пишущей братии эта фраза уже стала расхожей шуткой. “Тебе не кажется, что в сцене не хватает… изюминки?” В тот раз Анна среагировала мгновенно:

– Ты имеешь в виду, что оно должно быть более откровенным? Как насчет “Бешеные лесбийские страсти на острове Дилдо”?

Дама-продюсер послала ей воздушный поцелуй и отозвалась:

– Думаю, нет, дорогуша. А если назвать “Остров Сафо”? Не намного лучше, чем издевательский вариант самой Анны. Однако кто платит, тот и заказывает музыку. “Остров Сафо” остался. И надо сказать, к чести Фелисити, она почти не дергала Анну по поводу содержания.

Разумеется, если не обращать внимания, что чуть ли не половина сценария при постановке претерпевала просто фантастические изменения…

Сейчас Анна не спеша поставила пятки на сиденье, обхватила ладонями щиколотки и воззрилась на Фелисити в просвет между колен.

– Сексуальная сцена? – переспросила она. – Я специально сделала ее в спокойном ключе. Все-таки это только пятая серия. Не можем же мы исчерпать все ресурсы еще до оргии в шестой.

Иногда, обсуждая проблемы сценариев с Фелисити и другими душечками из “Тайдманна”, Анна едва могла сдержать смех.

Фелисити продолжала:

– Тем не менее в такой ситуации мы должны ясно дать понять, что Саша потребует от Аманды и Джо куннилингус, даже если камера и не покажет все до конца…

Каким это образом, размышляла Анна, можно дать понять такие вещи, да еще ясно?

– Фелисити, но ведь Саше нет никакого дела до Джо, – терпеливо объясняла Анна. – Она пригласила ее только ради того, чтобы втереться к ней в доверие и получить работу.

– Хорошо, тогда надо переписать предыдущую сцену, где Саша пытается поговорить с Джо насчет работы. Добавить сексуальную ноту. Именно так! Я просто вижу это! Саше нравится и Аманда, и Джо! В последней сцене они действуют втроем, и Саша получает работу! Прекрасный ход! Как тебе?

Дерьмо, конечно. Фелисити явно не следила за развитием характеров персонажей и мотивацией их поступков в предыдущих сериях… Но кому, черт возьми, какое дело? Ей платят сто тысяч долларов за каждую серию, и к тому же все это фуфло идет под псевдонимом. В конце концов, она ничего не теряет.

Анна кивнула:

– Тут и правда есть кое-какие возможности. Концовка серии будет звучать мощнее.

Фелисити улыбнулась:

– Правда? Я знала, что тебе понравится. О'кей. Тогда пусть пока сценарий останется у тебя. Переписать надо к завтрашнему дню. О'кей?

Анна утвердительно махнула рукой. Такое она могла сделать за пятнадцать минут.

– К вечеру он будет у тебя.

– Потрясающе, дорогуша! – На прощание она снова шевельнула пальцами и исчезла.

Вздохнув, Анна нашарила наушники и микрофон, нацепила устройство на шею и подошла к окну.

– Программа TrueVoc, продолжение. – Она помолчала несколько секунд. – “Остров Сафо”. Пятая серия. Вычеркнуть строки… – Анна придвинулась к экрану и бросила взгляд на

текст. – Вычеркнуть строки с пятой по тридцатую. Заменить следующим…

Диктуя, она вышла из кабинета и перешла в гостиную. Анна снимала большую, удобную квартиру в Ист-Вилладж: четыре просторных комнаты на втором этаже. Окна выходят на Томкинс-сквер. Она перебралась сюда только в конце прошлого года, когда начали снимать “Остров Сафо”, и не могла избавиться от чувства вины. Столько лет она практически впроголодь ютилась в крошечной однокомнатной квартирке в Бронксе и писала, писала роман за романом, каждый раз получая от редакторов стандартный отказ: “Мы считаем, что Ваше произведение демонстрирует высокую степень писательского таланта и глубину мысли, тем не менее в существующей культурной среде и при нынешней ситуации на рынке опубликование его не представляется возможным”.

Два года назад, по совету приятеля, подвизающегося в голографическом бизнесе, Анна занялась разработкой сценария драмы, происходящей на острове, где отдыхают лес* биянки. Какая-то розовая леди в руководстве компании заинтересовалась сюжетом и наняла Анну для создания пилотной серии. Первая часовая голодрама имела успех, и Анне предложили контракт еще на шесть серий.

Она начинала проект, обуреваемая глубокими и сложными идеями, намеревалась создать сериал, исследующий психологию и социальные проблемы женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией, но делать это тонко, чтобы не эпатировать аудиторию с общепринятыми взглядами. Фелисити приветствовала каждый новый сценарий с преувеличенно горячим энтузиазмом… а потом просила внести некоторые незначительные изменения. Тот “Остров Сафо”, который вызвал целый поток публикаций на Рождество, имел очень мало сходства 6 первоначальным вариантом. Когда дело дошло до второй части проекта, Анна уже прекрасно понимала, что от нее требуется, и клепала эпизоды с рекордной скоростью.

Сценарий требовал от нее примерно столько же усилий” как одна страница ее “серьезных” романов, а денег давал в десять раз больше, чем возможная публикация подобного произведения, буде такая когда-либо свершится, что, впрочем, было весьма маловероятно. И на каждый роман у нее уходил целый год.

Она закончила сцену, переделала диалог, включив в него дополнительную сцену орального секса, и отправила работу по e-mail'y на адрес Фелисити. Ирония заключалась в том, что сама Фелисити была твердолобой сторонницей традиционных отношений, ей никогда не случалось даже поцеловать лесбиянку,

а не то что примерить на себя удовольствия сексуальной связи с другой женщиной.

Отправив почту, Анна быстренько смылась из дому, пока продюсерша не успела с ней связаться.

Стояла редкая для января ясная погода: ярко-синее небо, ослепительное солнце, скрипучий снег под ногами. Она плотнее завернулась в пальто и постаралась отключиться от неумолчного городского шума. Казалось, жители Нью-Йорка не в состоянии поговорить друг с другом, не надрывая при этом глотку: каждые несколько метров ей попадались ожесточенно спорящие люди, громко выпрашивающие доллары нищие. Постоянным фоном для этих сцен служил пронзительный визг отбойных молотков и какофония музыкальных обрывков из работающих на полной громкости динамиков в магазинах и жилых домах.

Она собиралась зайти в метро, но передумала. Сабвей сейчас всегда переполнен. Во-первых, на платформах расположились беженцы, здесь они и ночуют, а во-вторых, горожане тоже стали чаще пользоваться подземкой.

Анна направилась к Бродвею. Там она возьмет такси и быстро доедет до Мантони-Тауер, где работает Киа.

На тротуарах было тесно от множества прохожих и расположившихся прямо на асфальте семей беженцев, а вот на проезжей части – практически свободно. Снуют только несколько элекробусов, медленно проплывают патрульные машины и высматривающие клиентов такси, да время от времени покажется частный автомобиль богача. Сама Анна считала, что бензиновый кризис – не такая уж плохая штука, он вновь сделал Нью-Йорк обитаемым: улицы перестал” быть смертельными ловушками, а воздух с каждым днем становился все чище. Анну очень забавляли традиционные манеры горожан: они продолжали ходить только по тротуарам и переходить улицу на перекрестках, как будто древние правила все еще были в силе. Для нее же оказалось истинным удовольствием переходить на другую сторону там, где взбредет в голову. А попозже вечером можно вообще шагать прямо посередине улицы и не встретить ни одного автомобиля.

Анна поймала такси, села в него и задумалась о встрече с Киа. Вчера вечером они разминулись: Киа отправилась в бар “Пена”, а сама Анна ужинала с несколькими приятелями из писательской среды в Чайнатауне. Киа рано вернулась домой, а поутру отправилась на работу, когда Анна еще спала.

Она познакомилась с Киа в “Пене” примерно год назад и сначала и представить себе не могла, что встреча приведет к чему-то большему, чем краткая сексуальная связь, которая после

недели бурной страсти постепенно перерастет в спокойную дружбу. К моногамии Анна стремилась не больше, чем большинство знакомых женщин. Ей нравилось жить одной, время от времени вступая в краткие случайные связи. И вот она встретилась с Киа. Уже через пару дней, которые они провели по большей части в постели, ей стало ясно: на сей раз все будет иначе. Анна не спешила с решением. Чувствовала: сама Киа не склонна к чему-нибудь серьезному, основательному. Анне претила мысль, что придется первой заговорить о том, что их бурный, скоротечный роман может означать для них нечто значительно более существенное.

Они, не сговариваясь, искали общества друг друга. Так прошел месяц. Они виделись каждый день. И в конце концов именно Киа предложила, чтобы Анна к ней переехала. Киа снимала крошечную квартирку в Вест-Вилладж. Жилье было маловато и для одной женщины, что уж тут говорить об Анне. Та как раз находилась в процессе переезда в просторные апартаменты на втором этаже, и казалось очень разумным, что Киа поселится вместе с ней.

Впервые за восемь лет Анна стала жить не одна. И несмотря на собственные сомнения, а также советы друзей, которые предсказывали скорый разрыв, ситуация складывалась удачно. В Киа она нашла подругу, которая ее понимала, сочувствовала ей, разделяла ее горести. Анна любила Киа за упрямую эксцентричность, за яркую и необычную внешность, которая укрывала от посторонних взглядов глубину и серьезность чувств, открытых лишь тем, кому Киа доверяла.

Теперь их отношениям почти год, а это куда более значительный срок, чем ожидали ее друзья да и сама Анна. И с ее точки зрения, союз мог бы продолжаться вечно.

Она расплатилась с таксистом, вышла из машины и стала пробираться сквозь запрудившую тротуар толпу. Назойливый городской шум остался позади – она скользнула меж стеклянных дверей входа в черную, как смола, башню главного офиса “Мантони Энтертеймент”.

Анна зашла в лифт и отправилась на тридцать пятый этаж, не забыв прикрепить к лацкану пропуск для службы безопасности.

Киа занималась технической работой в отделе разработки виртуальной реальности фирмы Мантони. Обычно, в конце длинного рабочего дня, она рассказывала Анне обо всех мелких неполадках в течение смены, но для Анны ее профессиональный жаргон был китайской грамотой. Последнюю пару лет Мантони, КиберТек и несколько других компаний бешено конкурировали в создании самых последних, самых совершенных видов

виртуальной реальности, чтобы публика, готовая и стремящаяся платить свои доллары, имела возможность найти еще одну дорожку в необъятный мир развлечений. Киа часто объясняла Анне, что недостаточно просто быть первым на рынке. Что за смысл быть первым, если выпускаешь второсортный продукт? Перед самым Рождеством главные конкуренты Мантони – КиберТек – открыли парочку баров виртуальной реальности на Манхэттене. Киа признала, что качество там хорошее, но и его можно улучшить. Публика должна получить не только большее правдоподобие, но и расширенный диапазон мест для посещения.

Охранник у двойных дверей исследовательского отдела внимательно проверил пропуск Анны и махнул рукой: проходите. Она как-то попросила Киа оформить ей пропуск, чтобы иметь возможность собрать материал для своего последнего романа. Один из ее второстепенных персонажей работал в ВР, и она решила, что в целях реалистичной передачи деталей следует присмотреться к внутренней механике этого дела. Атмосфера в исследовательском отделе и сам* работа настолько ее заворожили, что она под предлогом продолжения сбора информации частенько заходила за Киа в конце рабочего дня.

Лаборатория представляла собой комнату без окон, но никакого ощущения клаустрофобии не возникало, напротив, помещение выглядело словно открытая всем ветрам площадь. Это впечатление создавали размещенные через равные интервалы вдоль стен громадные плоские экраны, на которых дрожали изображения странных пейзажей и картин жизни других миров. Стоящие полукругом компьютеры были обращены к экранам, над терминалами склонялись небрежно одетые ученые и техники. Время от времени они коротко о чем-то совещались или перебрасывались отрывочными фразами.

Анна огляделась, отыскивая глазами Киа, но ни за одним из компьютеров ее не было. И тут она увидела емкость со студенистым раствором. Сосуд находился между экранами и компьютерными стойками на невысоком подиуме и выглядел словно торжественный катафалк.

В этой ванной лежала Киа.

Она была абсолютно нагой, и вид ее стройного, смуглого тела, выставленного на обозрение всем желающим, наполнил сердце Анны нелепой ревностью. Она одернула себя, подумав, что у здешних ученых хватает других предметов для размышления, кроме обнаженного и такого желанного тела ее любовницы.

Она извлекла чашку кофе из настенного автомата и присела в конце зала посмотреть, как будут развиваться события.

Когда месяц назад КиберТек открыл первый салон на

Медисон-авеню, Анна хотела попробовать ВР, но из чувства лояльности к Киа никогда с ней об этом не говорила. А несколько дней назад Мантони открыл собственный ВР-салон, и Анна собиралась в выходной пойти туда вместе с Киа. Она прочла несколько дюжин статей об этом новом технологическом чуде, которое со скоростью вируса распространялось по городу, и боялась, что стремление испытать новинку приведет только к разочарованию. Дифирамбы, в изобилии восхваляющие ВР, утверждали, что пребывание в ней неотличимо от реальной жизни, но Анна предпочла бы убедиться сама, а пока ей не верилось.

Длинные конечности Киа были присоединены к кабелям, которые извивались в студенистой жидкости и убегали через бортики ванны. Целый пучок проводов входил в гнездо нейроимплантата у нее на черепе, и они торчали из головы подобно волосам Медузы Горгоны.

На самом большом экране, расположенном сразу за ванной, Анна видела Киа. Та шла размашистым шагом по фантастическому миру из плавных зеленых холмов. Нечто вроде рая, каким его мог бы изобразить Клод Моне. На ней был простой голубой халат, ярким контрастом горевший на фоне ее эбеново-черной кожи. Время от времени она что-то произносила, очевидно, комментируя свои наблюдения.

Анна слышала голос Киа, доносящийся из ближайшего компьютера. Техники напряженно вслушивались в каждое слово, настраивая компьютеры в соответствии с получаемой информацией.

– У нас прекрасный звук от всего переднего плана, – докладывала Киа. – Аналоговая последовательность тояф мне кажется абсолютно удовлетворительной. Но все еще ест” фоновая интерференция – проверьте программу в файле ОЗж.

Анна слушала, улыбалась и чувствовала странную, словно отраженные лучи чужой славы, гордость за Киа. За свою Киа, пребывающую на переднем крае новейшей технологической разработки.

Шесть месяцев назад, узнав, что Киа собирается вмонтировать в череп этот нейроимплантат, Анна очень расстраивалась и не находила себе места от беспокойства. Операция представлялась ей гротескным вариантом хирургии Франкенштейна. Этот Мантони собирается использовать Киа просто как живой инструмент. Киа заявила, что Анна мыслит примитивно и старомодно. Она терпеливо, шаг за шагом объяснила ей весь процесс и необходимость его проведения.

Киа будет первым из сотрудников Мантони, кто подвергнется

внедрению имплантата, хотя два инженера из КиберТек уже проделали эту операцию. Сисси Найджерия была одной из них. Киа призвала ее на помощь, чтобы доказать Анне, что операция имеет стопроцентную гарантию безопасности. Анна позволила себя убедить с большой неохотой.

Имплантат даст Киа возможность работать намного успешнее, облегчит и ускорит программирование виртуальной реальности Мантони. Киа обсудила вопрос с Найджерией, изучила проблему нано-церебральных интерфейсов, познакомилась с программным обеспечением и аппаратурой и с нетерпением ждала операции.

К своему огромному облегчению, Анна увидела, что жен* щина, появившаяся из операционной, была все тем же уве* ренным в себе экстравертом, что и до хирургического вмешательства. Исчезновение великолепного водопада черных кудрей оказалось единственным различием. Голова Киа была теперь чисто выбрита и покрыта сложной сетью серебряной мозаики, проволочек и входных контактов. С тех пор Анне частенько приходилось заставать подругу у большого настенного зеркала. Та, словно какое-то модное украшение, восхищенно разглядывала сверкающую инкрустацию у себя на черепе.

– Вы регистрируете интерференцию в Первом? – спрашивала теперь Киа. – Кажется, идет потеря сигнала. Ну-ка, проверь, Родригес, будь добра.

Родригес, маленькая женщина, прикованная к компьютеру наушниками и микрофоном, напряженно вглядывалась в экран и что-то быстро говорила в приемное устройство. Она подняла глаза и махнула рукой парню с серебристыми Волосами, который сидел в дальнем конце зала.

– Боб, ты следишь? Это ведь не аномалия программы, правда? Кэрол, ты отвечаешь за подсистему на этой поляне. Ну-ка, скажи, дело не в программной ошибке, так?

Еще одна женщина подняла голову от монитора:

– Проверила. Ошибки нет, Мария. Никогда не видела ничего подобного.

Анна почувствовала, как растет напряжение. В наступившей тишине инженеры переглянулись, в глазах их читалось недоумение.

Техник в дальнем конце зала наконец произнес:

– Есть аномалия в месте присутствия! Засек ее! Проверьте процедуру! Там что-то не так.

– О господи! – воскликнула Родригес. – Это отказала |система безопасности! Я-то считала, что эта чертова штука Закрыта! Боб, в чем, черт подери, дело?

– Это не аномалия, Мария, – отозвался Боб. – Там определенно что-то происходит.

– Что у нас там? – Родригес обратилась сразу ко всем инженерам. – Ответ мне нужен через минуту! Вирус в программе? Какой-то одинокий хакер? Сбой системы? Отвечайте, быстрее!

У Анны вспотели ладони, она отчаянно жалела, что не понимает ни слова из происходящего.

Она снова перевела взгляд на экран. Там, в виртуальном мире, Киа стояла на коленях в траве и смотрела вдаль со странным выражением на лице.

– Родригес, Боб… – проговорила Киа. – В моем поле зрения визуальный образ, которого, черт возьми, не должно здесь быть! Может мне кто-нибудь сказать, что тут, черт возьми, делается?!

Анна резко поднялась, расплескав кофе по столешнице.

Все произошло так внезапно, что Анна не поверила собственным глазам. Она смотрела на экран, на свою стоящую на коленях возлюбленную. Вдруг на горизонте она заметила крошечную искру, просто точку на фоне неба. Буквально за долю секунды точка выросла и расширилась, и Анна поняла, что видит нечто вроде животного, бизона или быка, но только со сверкающими серебристым металлом боками. Существо мчалось к плоскости экрана, и Анна услышала, как Киа вскрикнула, метнулась с дорожки в сторону и пропала из виду.

Та Киа, что находилась в сосуде со студенистой жидкостью, отчаянно попыталась сесть, срывая с конечностей электроды и выдергивая контакты из черепных гнезд интерфейса. Вот она встала во весь рост, подобная черной Венере, рожденной из желатинового океана; струйки желе липли к ее стройным ногам и гибкому телу, словно пытаясь утянуть ее в прежнюю среду.

Девушку быстро окружили сотрудники. Кто-то подал ей халат, и она, величественно, как примадонна, недовольная реакцией публики, завернулась в него и поплыла из зала к маленькой боковой комнатке.

Анна бросилась следом. Мария Родригес была уже там, в помещении для переодевания.

– Я желаю знать, что, черт подери, происходит! – выкрикнула Киа. Она вошла в душевую кабину и с треском захлопнула защитный экран. – Что за дьявольщина! Кто это все устроил?!

Родригес покосилась на Анну.

– С тобой все нормально, Киа?

– Нормально, нормально, но вы здесь ни при чем. Что это было, черт подери?

Лицо Родригес исказилось, будто от боли, она снова взглянула на Анну и развела руками.

– Мы сейчас разбираемся. Боб подозревает инфильтрацию, нечто вроде вторжения.

– Вторжение? Не вирекс-бригада?

– Мы не знаем. Не уверены. Думаем, нам могли ввести вирус…

– Вирус? – эхом отозвалась Киа. – Господи! Как это могло случиться?! Я-то считала, мы хорошо защищены, – пробормотала Киа и включила сушилку. Сквозь матовое стекло дверцы Анна видела смутный высокий силуэт своей возлюбленной.

– Мы и правда хорошо защищены… – начала Родригес. – Я имею в виду – были защищены. Дай мне пару часов, и мы разберемся, что именно произошло. И мне бы хотелось проверить твой имплантат, Киа.

– Это ты можешь сделать утром, – возразила Киа. – На сегодня с меня хватит. Где-то я здесь видела Анну, правда?

– Я тут, Киа, – откликнулась Анна.

Киа выглянула в щелку над дверью и нашла глазами Анну.

– Забери меня отсюда, ma cherie! Унеси в волшебную страну кофе и сливок!

– Ты уверена, что с тобой все о'кей?

– Уверена, уверена. Не разыгрывай из себя обеспокоенную мамашу. Все, что мне нужно, это кофе и приятный собеседник.

– Увидимся завтра, Киа, – сказала Родригес и быстро вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Киа выплыла из сушилки, величественная в своей наготе, как статуя. Они обнялись. Голова Анны едва доставала до серповидных шрамов на груди Киа – следов двойной мастектомии. На раннем этапе их взаимоотношений Киа беспокоилась, очевидно, не менее Анны, что возникшее между ними чувство обусловлено одной лишь чувственностью. В те дни она шутила, что единственное место, где они действительно полностью совместимы, – это постель. Позже, когда их союз доказал свою жизнеспособность, продержавшись целый год, Анне нравилось напоминать Киа об этих словах и заставлять ту устыдиться.

Киа быстро оделась, натянув розовые леггинсы, кружевную блузку и пеструю вязаную куртку.

– Ну пошли, девушка. Где там наш кофе?

Они вышли из раздевалки и быстро двинулись к выходу из зала. Инженеры собрались вокруг компьютеров и что-то горячо обсуждали. Мария Родригес подняла взгляд, хотела к ним обратиться, но, видно, передумала. У Анны, выходящей следом за Киа из зала, возникло ребяческое ощущение, будто она увела с вечеринки самую красивую девушку.

В принадлежащем Киа алом побитом “кадиллаке” они добрались до кафе рядом с Бродвеем, где подавали божественные пирожные. Киа рухнула в кресло возле столика у окна, а Анна тем временем отправилась к стойке, сделала заказ и принесла на подносе еду.

– Что там случилось, Киа? – спросила она, вспомнив, как Киа говорила про “вирекс-бригаду”. – Вирекс-бригада, это что?

– Что-то вроде луддитов, группа психов, которые борются с развитием виртуальной реальности, вот и все. Время от времени они пытаются как-нибудь навредить, расстроить систему.

Киа недовольно покачала головой. Без сомнения, она – самая яркая женщина на нью-йоркской сцене. Анна всегда стремилась не придавать внешности большого значения, но от красоты Киа у нее буквально перехватывало дыхание: длинное кенийское лицо, острые скулы, полные, словно припухшие губы.

Серебристая мозаика имплантата, охватывающая ее голову, как какая-то ортопедическая конструкция, лишь подчеркивала естественную красоту подруги.

– Это была простая проверка системы, девушка. Сайт был закрыт. Закрыт,' понимаешь! Эти вирексы не могли, никак не могли запустить вирус.

– А что же тогда?

– Могу тебе объяснить. Какой-нибудь ленивый кретин оплошал и не признается.

Анна прихлебывала свой кофе.

– Я… Когда ты была в резервуаре, я кое-что видела на сайте вместе с тобой.

– Что-то серебристое? Серебристого быка? – Киа снова покачала головой. – Он бежал прямо ко мне. Я почувствовала это вот здесь. – Она подняла изящную руку с длинными пальцами и коснулась интерфейсного устройства на своем черепе. – Разумеется, все происходит только здесь. Появление быка – это просто аналогия какого-то кода.

Анна улыбнулась и склонила голову. Она уже пропала. Дотронувшись до руки Киа, она шепнула:

– Главное, что с тобой все в порядке, о'кей? Что мы собираемся делать вечером?

Киа улыбнулась в ответ.

– Сначала я посплю. Потом отправимся в город. Где-нибудь поедим. Романтический ужин. Только вдвоем. А потом… Ну, тогда и решим, правда, дорогая?

Анна отхлебнула из чашки.

– Как ты провела вчерашний вечер? Обычная тусовка в “Пене”?

Глаза Киа потемнели, словно от неприятной мысли. Она сжала своими восхитительными губами длинную белую сигарету, выдохнула облако дыма и спросила:

– Ты слышала про Сисси?

Анна несколько дней работала над сценариями, мало бывала на людях, и последние новости прошли мимо нее.

– Она бросила Кэрри? – спросила Анна.

Кроме их собственных устоявшихся отношений, моногамный “брак” Кэрри и Сисси был в данный момент единственным примером верности в их среде.

– Нет, девушка. Примерно неделю назад Сисси исчезла. Пропала, и все. Вчера еще была здесь, а потом – раз и ней. А вчера исчезает Кэрри.

Анна пожала плечами.

– Значит, они отправились куда-нибудь вдвоем.

– Ничего не сказав друзьям? Не забудь, у меня есть карточка от их квартиры. Я присматриваю за ней, когда они в отпуске.

Подумав, Анна возразила:

– Значит, неделю назад Сисси уехала. Вчера Кэрри решила навестить друзей. Сегодня она наверняка вернется. Надо подождать.

Зажав в пальцах сигарету, Киа задумчиво смотрела на тлеющий огонек. Потом подняла глаза и взглянула на Анну сквозь струйку дыма, будто решая, стоит ли ей что-то сообщить.

– Вчера вечером кое-что произошло. Кое-что непонятное” – Ты слишком много выпила, так?

Киа отрицательно покачала головой.

– Я была в “Пене”. Тут появляется этот частный детектив. Ищет Сисси. Говорит, что его наняла Кэрри. Я ему сказала, что Кэрри еще не приходила.

Анна с удивлением посмотрела на подругу.

– Частный детектив разыскивает Сисси? Как его зовут? Киа, в задумчивости скривила губы.

– Хол, и все, не помню фамилию.

Хол… Как давно она не видела брата! Четыре года… или пять? После двадцати Анне довелось пережить тяжелейший кризис. То было время, когда ей пришлось уничтожить себя прежнюю, излить из сердца весь гнев и беспомощность и стать совсем другим человеком. Она даже сменила имя. Теперь она предпочитает называться не Сью, а Анной.

Примерно тогда же испортились ее отношения с Ходом. Слишком уж он напоминал их отца. И вместо мучительных встреч, которые всегда заканчивались тем, что она бросалась на брата, обвиняя его в заскорузлости ума и узости взглядов, Анна

предпочла совсем с ним не видеться. Она переехала из Солано-Билдинг и не удосужилась оставить ему новый адрес.

Она помнила Хола с самого детства. До того, как Анна осознала, кто она и что, они были очень дружны. Она от природы была сообразительнее его, а он – опытнее. И, несмотря на семилетний разрыв в возрасте, отношения их складывались на основе доверия и равенства.

Интересно, каким он стал… Может быть, наступило время снова с ним встретиться? За прошедшие пять лет она стала совсем другой. Исчезла язвительность, появилась терпимость. Анна улыбнулась своим мыслям.

– В чем дело, девушка? Ты знаешь этого парня или что?

– Невысокий такой, с темными вьющимися волосами, да?

– Точно, он и есть. – В голосе Киа появилось напряжение. – Ты его знаешь?

– Я рассказывала тебе о брате. Надзирающее око. Это Хол.

– Господи! Теперь, когда ты напомнила… У вас есть семейное сходство. Ха, неудивительно, что он мне вроде как понравился. Мягкий такой, знаешь, разговаривает вежливо. Не какой-нибудь говнкж. Спокойный, не дергается.

– Что же у вас произошло?

– Ну, я увидела, что он ищет наших друзей, работает на сестер, вот я и сказала ему, что отвезу его в Солано и помогу осмотреть квартиру. Ну мы и поехали.

Анна кивнула.

– А дальше?

– Мы там пробыли минут пять, и тут погас свет. Потом началось что-то непонятное. Я едва держалась на ногах. В ушах звенело. Слышала, как открылась дверь, кто-то вошел. Я прокралась к выходу и сумела выскочить. Но еще раньше успела разглядеть какую-то фигуру с оружием. Непонятным оружием. Я побежала и вызвала полицию. Ну и примерно через час они соизволили явиться. Когда мы вернулись в квартиру, там был жуткий бардак. Вся мебель изрезана просто на куски. И окно разбито.

Анна почувствовала, как заколотилось сердце.

– А что с Холом? Киа покачала головой.

– Не беспокойся, там его не было. Ни крови, ни останков. Думаю, он сбежал через окно, сумел спастись.

– А что полиция?

– А ты как думаешь, девушка? Они приняли заявление, все сфотографировали. Сказали, поручат кому-нибудь это дело. Поверю, если увижу своими глазами. Слишком много в наши дни подобных случаев, а настоящих копов не хватает.

– Что же происходит, Киа?

– Если бы я знала, девушка.

– Ты ведь не думаешь… – начала она. – Ты не думаешь, что этот парень с резаком как-то связан с Сисси и… с их исчезновением?

– Я же тебе сказала, Анна, представления не имею. Все это дерьмо – сплошная загадка. – Она помолчала. – Эй, не грусти. Я уверена с Сисси и Кэрри все о'кей.

Анна бросила быстрый взгляд на Киа и хотела сказать, что совсем в этом не уверена, но потом одернула себя.

Они допили кофе и поехали домой. Солнце уже спряталось за небоскребы, оставив после себя холодный и темный полумрак – не день и не ночь, нечто среднее. Анна смотрела на укутанные в одеяла безымянные фигуры бездомных, которые устраивались, чтобы пережить еще одну холоднун” ночь. А через пять минут она уже выпрыгнула из машины и взбежала по ступеням в свою квартиру. Дом принял их в свое гостеприимное тепло.

Пока Киа была в душе, Анна проверила электронную почту. Ее поджидали с полдюжины сообщений. Три – от друзей с приглашениями на сегодняшний вечер. Одно от Фелисити, она писала, что новый вариант – ужасная прелесть. Еще одно от сумасшедшей лесбиянки из Огайо, ей понравился “Остров Сафо”, и она хотела бы встретиться с Анной, если та когда-нибудь будет в тех местах.

И последнее пришло от литературного редактора, который “получил эстетическое удовольствие”, читая рукопись ее последнего романа, но который “при нынешней ситуации в издательском деле” считает, что “это не совсем тот тип произведения, который способен поразить воображение публики”, и так далее и тому подобное…

И это написал редактор издательства, которое, по замыслу, должно публиковать художественную литературу.

Она вошла в файл романа, над которым сейчас работала. Первый вариант был почти готов. Теперь она сможет отдаться роскоши неспешной правки и редактирования. Анна пробежала несколько последних страниц и в душе похвалила прочитанное. Что же ей сделать, чтобы совершить прорыв?

Она не хотела, чтобы ее помнили по псевдониму автора “Острова Сафо”. Она достойна лучшего.

Экран мелодично подал сигнал вызова. Она ответила и растянулась на тахте, глядя в оживающее изображение. Но тут же, пораженная, снова села. На нее смотрела Кэрри Виллье. Женщина сидела в кресле, положив одну длинную ногу на другую. Помещение выглядело как спальня в отеле.

– Анна, я не могу связаться с тобой целый день.

– Кэрри! Где ты находишься? Мы беспокоимся. – Анна припомнила, что Киа рассказывала про парня с лазерным резаком. – С Сисси все о'кей?

Кэрри было лет сорок. Ее узкое загорелое лицо выглядело еще длиннее из-за бритого, украшенного татуировками Черепа. На ней были модные брюки и жакет болеро. Выгля-рела она потрясающе.

– Я должна кое-что рассказать, Анна. Мне… мне надо. Договорить с кем-нибудь, кто понимает людей. Давай встретимся. Я завтра позвоню, и мы договоримся о встрече…

– Кэрри, где Сисси? Кэрри явственно колебалась.

– Она со мной в отеле. – Кэрри говорила с отчетливым квебекским акцентом. – Ее не было пять дней, и вот вчера она позвонила и сказала, что нам надо увидеться.

Анна покачала головой.

– Что происходит, Кэрри?

– Я не знаю. Я встретилась с Сисси в отеле. Но она вела себя очень странно. И это не из-за наркотиков, – решительно проговорила Кэрри. – Я не понимаю, что с ней. Такое впечатление, будто она меня не узнала. Она несколько раз уходила на пару часов, но переодевалась, вроде как маскировалась. Потом возвращалась и была абсолютно нормальной, вела себя как обычно. И несколько часов все было просто прекрасно. – Кэрри снова заколебалась. – Ты понимаешь людей, Анна. Мне надо с тобой поговорить, рассказать, что происходит.

Анна кивнула.

– Я сделаю, что смогу. Кэрри с болью продолжала:

– Сисси утверждает, что ее преследуют, что ей надо прятаться. Поэтому она маскируется.

– Видимо, ей требуется помощь, – заметила Анна. Психиатрическая помощь, подумала она про себя.

Внезапно Кэрри подняла голову и посмотрела мимо экрана.

– Она возвращается. Я позвоню позже, о'кей?

– Прекрасно, – отозвалась Анна, но Кэрри уже отключилась.

Все это выглядело так, словно Кэрри боялась своей любовницы.

Анна перешла в кухню и приготовила себе кофе. Киа все еще плескалась в душе. Она вернулась с кофе в гостиную, присела у окна и стала ждать, пока Киа появится из ванной. Но мысль о странном поведении Сисси Найджерии не давала ей покоя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В это утро, в восемь часов, Барни Клюгер обнаружил в компьютере сообщение от Холлидея: “Занимаюсь случаем Найджерии, Барни. Уехал в бар “Пена”. Вернусь около восьми”.

Барни приготовил кофе и опустился во вращающееся кресло. Что-то оно стало тесновато. Он сидел на диете уже три месяца, исключил любимые бутерброды на ржаном хлебе, которыми питался годами. Однако отказаться от украинского пшеничного пива у Ольги было куда как труднее. Может, если ограничить ежедневную порцию двумя бутылками…

– У тебя кровообращение как у камня, – предупреждал его док Саймз. – Представления не имею, почему твое сердце еще работает. Надо хоть чуть-чуть сбросить вес, о'кей?

Господи! Он старался изо всех сил. За двенадцать недель похудел на полстоуна, но талия, кажется, совсем не уменьшилась. Может, стоит потратиться и купить новое кресло?

Он убрал с экрана сообщение Хола, вызвал файл с делами и откинулся в кресле, отхлебывая кофе. Около часу Барни просматривал свои заметки по нескольким случаям,- намереваясь потом отправиться в город на встречу в “Мантони Энтертеймент”.

Барни обрадовался, увидев, что Хол занялся делом Найджерии. Сам он не слишком хотел расследовать этот случай, и не только потому, что придется везде ездить и задавать вопросы людям, которые вовсе не жаждут ему отвечать. Он оценил ситуацию, как только явилась эта Виллье и рассказала свою историю. Ее любовница исчезла, она, Виллье, беспокоится. Однако'Барни видел такое сто раз: девчонки поссорились и разбежались, Найджерия отправилась остывать к какой-нибудь старой приятельнице. Через пару дней она объявится, и когда от Барни придет счет из расчета пятьсот долларов в час, Виллье пожалеет, что воспользовалась его услугами.

Пусть уж этим занимается Хол, у него шкура как у носорога. Барни никогда не испытывал страха перед визитами во всякие местные притоны, по крайней мере несколько лет назад, когда был немного моложе и немного стройнее, – но все равно мысль, что надо сшиваться вокруг “Пены” и задавать там вопросы, совсем не радовала.

Пять лет назад он сделал правильный шаг, пригласив Хола в агентство. Они хорошо ладили еще со времени работы в полицейском департаменте. Эстелла умерла совсем недавно, и мысль, что придется заниматься делами агентства в одиночку, наполняла его сердце отчаянием. Пока Эстелла была жива, Барни

нес все свои проблемы домой, у него был друг, с которым он мог обсудить любой случай, высказать любые соображения. Месяцы после ее смерти оказались самым тяжелым периодом в его жизни. Оглядываясь назад, он до сих пор не мог понять, почему сумел продержаться. Приходили клиенты, возникали новые дела, Барни стискивал зубы и с головой уходил в работу. Одни случаи он успешно доводил до конца, другие – нет. Львиную долю составлял суицид и жертвы убийств. И потому, потеряв жену, с которой прожил почти тридцать пять лет, он понял, что бесконечная цепочка чужих трагедий вконец его измотала и остается либо покончить с агентством, продав его за гроши, либо взять кого-нибудь в помощь, чтобы разделить это бремя.

Как-то вечером, когда Хол нес патрульную службу, Барни встретил его на улице. Парень выглядел так же мрачно, как и Барни. У Хола только что кончился роман с девушкой, с которой он давно встречался, и, как догадался Барни, кончился печально – подруга его просто бросила. К тому же бумажная работа в полицейском департаменте уже стояла у него в глотке, и вот Барни сделал ему предложение. Хол ответил, что подумает и к концу недели даст ответ. И что вы думаете, через день Хол позвонил и сказал, что, если предложение еще в силе, он согласен.

Клюгер и Холлидей. Частные детективы. Специализация: поиск пропавших людей. Звучит неплохо, а?

Барни взглянул на часы. Половина девятого. Еще со времен работы в полиции Хол отличался пунктуальностью, однако пару раз ему все же случалось на полчаса опоздать. Тем не менее это совсем на него не похоже: не позвонил, не объяснил, в чем дело!

Он набрал на компьютере код Хола и стал ждать. Ответа не было… Барни улыбнулся про себя. Наверняка парень сидит у Ольги, греется чашкой кофе, а интерком просто выключил.

Год назад в бизнесе началась черная полоса. Клиентов было мало, а дела, которые все-таки попадали к ним в руки, часто кончались ничем: день-два трудов – что тут заработаешь? Чувствовалось, что настроение у Хола – хуже некуда, правда, внешне это почти не проявлялось, он не из тех, кто стремится выплеснуть эмоции – довольно замкнутый тип. К тому же, насколько Барни был в курсе, у него в течение нескольких лет не было женщины. И эта проблема, видимо, всерьез его беспокоила, отсюда и обращенный внутрь себя взор, который Барни так часто видел у неудачников и безнадежных социопатов.

Месяцев десять назад Барни заметил, что появилась эта крошка. Миниатюрная китаянка, стройная, словно прутик, милое умненькое личико. Наверх, в мансарду – всегда бегом, в руках –

коробки с готовыми китайскими блюдами навынос. Тогда Барни, зная, что сам Хол никогда ничего не расскажет, если его не спросить, как-то раз остановил напарника, когда тот отправлялся на вызов, и заметил:

– Эй, Хол, я вижу, ты перешел на китайские блюда… Хол открыл было рот, собираясь что-то сказать, снова закрыл и просто в смущении стоял и смотрел на Барни, потом наконец произнес:

– Барни Клюгер – лучший детектив Манхэттена и его окрестностей!

– Как ее зовут, Хол?

И тогда Холлидей рассказал Барни про свою китаянку. Их отношения находились в той стадии, что он пока не мог поверить своему счастью. Она еще только вошла в его жизнь, потребовав, чтобы он ее любил, – суровый приказ для такого замкнутого человека, как Хол. Шли месяцы, и Барни видел, как изменяется Хол, хотя его эмоции лишь в малой степени возмещали тот водопад чувств, который обрушила на него Ким Лонг. Нельзя сказать, что все у них шло как по маслу. Темперамент у крошки, как у китайского дракона, и временами она способна взорваться, как фейерверк (пусть уж метафоры будут в одном стиле). В такие моменты Хол предпочитал затаиться и провести несколько часов в обществе Барни у Ольги, пробуя весь диапазон тамошнего пшеничного пива, которое импортируется с Украины.

Барни неплохо узнал Ким с тех пор, как она переехала к Холу. Он сумел понять, что за очаровательной внешностью скрывается весьма проницательная деловая женщина. Она прекрасно знала, как быстро обернуть деньги, получив прибыль, была в курсе всех последних изменений в местных законах. Барни следовал ее советам относительно сбережений и вложения денег, но когда дело дошло до интерьера офиса, он решил подвести под этим черту. Как-то раз Ким вошла в комнату, внимательно ее осмотрела, задрав от недовольства свой изящный носик, и заявила, что помещение теряет энергию, как свинья с перерезанным горлом – кровь. Надо тут все изменить. Он сделал комплимент ее воображению, но сказал, что офис, в том виде, в котором он есть, абсолютно его удовлетворяет, а потому, спасибо, ничего не нужно. Постукивая от досады ногой, она объяснила, что если он будет продолжать сидеть спиной к окну (а также делать еще дюжину всяких привычных вещей, которые он выполнял неправильно), то их ждет целая неделя неудач, и, черт побери, если вышло иначе – у них действительно оказалась крайне неудачная неделя. Одно дело ушло к конкурентам, клиент уехал из страны, задолжав им пару тысяч, к тому же у Барни разыгрался ишиас.

Так что в следующий раз, когда она улыбнулась в дверях своей умненькой, но сдержанной улыбкой, Барни пригласил ее войти и ворчливо пробормотал:

– Так насчет этой твоей инь-янь-ерунды, ну-ка… растолкуй мне еще разок…

И он переставил стол и честерфилд, как она указала, больше для развлечения, чем надеясь что-нибудь изменить к лучшему. На западную стену повесил картину с изображением заката, а в юго-восточный угол поставил вазу с сухими цветами. Ким сама покрасила дверь в зеленый цвет, а на подставке снаружи разместила кашпо с папоротником, чтобы он отражал дурной инь, вливающийся по прямому лестничному пролету. Она посоветовала ему завести какое-нибудь домашнее животное, предпочтительно кошку, однако Барни никогда не держал домашних животных и, черт подери, не собирался браться за это сейчас. Тем не менее он согласился закрывать крышку унитаза в ванной и переставил кровать в угол комнаты.

Ким сообщила, что скорее всего добрый цы начнет вливаться только через несколько дней, и Барни в глубине души решил, что все-таки у нее не все дома.

Однако всю следующую неделю дела постепенно налаживались. Появились выгодные контракты, удалось довести до благополучного конца несколько случаев, с которыми они возились неделями. И даже ишиас успокоился. Барни говорил себе, что внезапный успех в делах объясняется скорее всего возрожденным интересом к жизни у Хола. Уже несколько недель Барни видел, что Хол шаг за шагом освобождается от привычной апатии, начинает чувствовать вкус к жизни и работе.

Изменения, происходящие с его партнером, заставили Барни осмыслить то, что он уже долгое время пытался спрятать где-то на задворках сознания. Пусть со смерти Эстеллы прошло уже почти шесть лет, пусть он сумел убедить себя, что кое-как справился со скорбью, на самом деле он все еще нестерпимо тосковал о ней.

Тут много всего было намешано, не только очевидное с первого взгляда. Когда Хол лишь познакомился с Ким, онЦ сначала проводили вместе почти все свободное время: вместе ходили обедать, посещали голодраму, пару раз даже ездили в горы покататься на лыжах. Конечно, Барни тосковал о том, что, собственно, составляет суть супружества, но еще больше он тосковал о мелочах, которые разделял с Эстел-лой. Когда Барни замечал эти мелочи в отношениях Хола и Ким, он с какой-то безнадежной завистью осознавал, как хотелось бы ему, чтобы Эстелла была по-прежнему здесь, с ним. Все эти взгляды,

прикосновения, когда они считали, что никто на них не смотрит; только двоим понятные фразы, которые значили для них так много…

Господи, она все еще нужна ему, и ее отсутствие – открытая, незаживающая рана!

Со времени ее смерти он ни на кого не смотрел. Для него не существовало такого решения. Другие женщины были лишь бледной имитацией его Эстеллы. Если ему случалось встречаться с женщинами по делам, он неизбежно сравнивал их с женой, и всегда в ее пользу. Они прожили тридцать пять лет, с кануна Нового, двухтысячного года, познакомившись на вечеринке в честь нового века, нового тысячелетия. Ему – двадцать, ей – семнадцать. Он никогда не утверждал, что это была любовь с первого взгляда, но что-то все-таки было, влечение, интерес. До женитьбы они встречались целый год. Барни тогда только что поступил в полицию, а Эстелла была секретаршей в юридической фирме. Они жили в крохотной сырой квартирке многоэтажного дома в Бруклине, и для Барни за двадцать один год жизни это время стало самым счастливым и безмятежным.

Брак оказался прочным, хотя проблемы, разумеется, возникали. У них никогда не было детей, и сначала это их разделяло, но потом они примирились с бездетностью и нашли утешение друг в друге. Эстелла была особенной, самой доброй женщиной из всех, кого он встречал, спокойной и мягкой, никогда не сказавшей ни о ком ни единого дурного слова. Господи, и что только она нашла в нем, человеке, обладавшем полным набором этих самых дурных качеств! Барни помнил, как она рассмеялась, когда он сказал ей об этом. Рассмеялась и ответила, что он настолько увлекся своей игрой в железобетонного копа, что просто не в состоянии признать в себе наличие обыкновенной человечности; и кто знает, может, она была права?

Тридцать пять лет…

В следующем марте будет шесть лет, как она умерла от почечной недостаточности, а до этого год болела и все время надеялась, что успеет получить трансплантат вовремя… Но в Джорджии взорвалась атомная электростанция, в Нью-Йорк хлынули беженцы. Система здравоохранения функционировала с перегрузкой, а в ту неделю, когда Эстелле стало по-настоящему плохо, в больнице Сент-Винсента как раз принимали пострадавших от радиационного облучения. Таким образом, поиск донора для Эстеллы выпал из списка приоритетных задач, и она умерла на руках у мужа ранним утром холодного, солнечного воскресенья.

Он сам признавался, что в этом еще одна причина, почему он отдавал Холу ночные смены. Эти холодные, тихие часы перед рассветом были просто невыносимы.

Барни взглянул на часы. Уже десятый час, а Хол все еще не объявился. Барни снова набрал на компьютере код Хола и долго слушал длинные гудки. Ответа не было.

Он нахмурился и отключил связь.

С месяц назад Барни встретил одного из управляющих фирмы Мантони, которого знал прежде. Когда дела в агентстве шли неважно, ему время от времени случалось работать на него в качестве телохранителя. На него, а также на самых красивых актрис концерна. Вот он и зашел с этим парнем выпить пару пива и поболтать о старых добрых временах. Пара пива обернулась полудюжиной. Барни явно перекрыл месячную норму и, видно, поэтому стал рассказывать практически чужому человеку об Эстелле, о том, как тоскует о ней.

А через несколько дней этот парень звонит Барни в офис:

– Слушай, Барни, насчет того, о чем мы тогда говорили… У меня есть то, что нужно…

– Только никаких знакомств. Я это уже проходил.

– Нет, нет, что ты! Ничего подобного! Доверься мне и попробуй. Идет? Значит, слушай…

Вот Барни и послушал, ему понравилось, и последние два месяца раз в неделю он встречался с этим парнем и его командой в модернистском здании главного офиса концерна Мантони.

Барни оставил на экране сообщение для Хола, сказав, что вернется около часа, подхватил свою куртку и запер дверь. Придется взять такси. Вчера вечером Хол забрал “форд” – в наше время это уже роскошь, и в конце месяца придется скорее всего подумать, могут ли они это себе позволить.

Он окунулся в яркий, холодный солнечный свет. Не обращая внимания на уличные толпы и крики торговцев, подозвал такси, сел на заднее сиденье и отправился на встречу с руководителями технологической службы “Мантони Эн“ тертеймент”.

Барни вспомнил, что говорил Холу вчера вечером про ВР, что плел ему последние несколько недель о необходимости идти в ногу со временем, не отставать от новейших технических разработок. Ход не дурак, наверняка он задумывается, к чему приведет увлечение этими так называемыми ВР-курсами. Барни отчасти чувствовал себя виноватым за то, что приходится врать Ходу, но он просто не мог заставить себя сказать правду. Пока такси пробиралось по Бродвею, запруженному вылезшими на проезжую часть беженцами, Барни размышлял, чего он, собственно, опасается, почему не расскажет Ходу о том, что

происходит в “Манто-ни Энтертеймент”. Насмешек он не боится – Ход не такой парень. Вероятно, он не может поделиться с партнером потому, что в глубине души, где-то на самом дне, сознает: то, что он делает, – неправильно.

Главный офис “Мантони Энтертеймент” занимал весь пятидесятиэтажный небоскреб, чей застекленный фасад отражал небесную синеву, как некий безупречный интерфейс виртуальной реальности.

Серджио Мантони, миллионер, президент концерна “Мантони Энтертеймент”, начинал свою деятельность продюсером популярных голодрам и за десять лет сумел создать разветвленную компанию, которая протянула щупальца в каждую отрасль индустрии развлечений по всему миру. Теперь же, чтобы не отстать от требований времени, концерн находился на переднем крае исследований и разработок в области виртуальной реальности. Барни некоторым образом, и исходя из собственных соображений, помогал компании достичь этой цели. Именно эти соображения, плата, которую он получал, беспокоили его совесть.

Он вышел из такси и перешел тротуар. Успев ступить лишь на первую из двенадцати ступеней, ведущих к раздвижным стеклянным дверям, он вдруг услышал, как кто-то вышедший из здания назвал его имя:

– Барни? Барни Клюгер?

Барни поднял глаза. Воплощение всего самого совершенного в женщине стояло на верхней ступени, элегантно придерживая на голове большую белую шляпу. На красавице было соболиное манто, темное, как полночь в Париже, а ноги ее, как всегда, производили сенсацию.

– Барни, это ты! – Она стала спускаться ему навстречу. Барни чувствовал, как в толпе у него за спиной разинули рты, словно увидели спускающегося с неба ангела.

Ванесса Артуаз была одной из самых знаменитых актрис голодрамы и, по скромному мнению самого Барни, безусловно, самой красивой. Семь-восемь лет назад он несколько месяцев работал ее телохранителем, успел за это время неплохо узнать изнанку звездного существования и понял, что, невзирая на блеск и великолепие, жизнь наверху – это нф только Сен-Тропез и шампанское.

– Ванесса… Вот это встреча! Семь лет прошло… Ты, как всегда, просто великолепна!

Она сошла на тротуар и стала рядом с Барни. Ему пришлось задрать голову, чтобы взглянуть в безупречное лицоˆ тонущее в водопаде черных как смоль волос.

– Ты и сам неплохо выглядишь, Барни.

– Ну, ну. Я чувствую себя на свой возраст, Ванесса. – Он поднялся на три ступени, сровнялся с ней и заглянул в глаза. – Ну, как дела, малышка? По-прежнему в голодраме?

– Я смотрю, ты отстал от жизни. – Артуаз картинно всплеснула руками.

– Ну, ты же знаешь меня, откуда у меня время баловать себя драмами.

– На самом деле, – отозвалась Артуаз, – сейчас самая модная штука – виртуальная реальность. Я собираюсь сменить карьеру, хочу добиться успеха в ВР.

– Ты все еще с Мантони?

– Ну, если ты спрашиваешь, есть ли у меня контракт – да, есть. А если… – она обхватила пальцами свою идеальную шею, – ты имеешь в виду наши романтические отношения, то скажу тебе по секрету, из этого я как раз пытаюсь выбраться.

– Послушай старика, малышка, найми хорошего адвоката и избавься от него.

Ему никогда не нравился Серджио Мантони. Этот парень был самоуверенной сволочью, который считал работающих на него звезд фишками в глобальной игре бизнес-интересов. Если бы с собакой хозяин обращался так, как он прежде обращался с Артуаз, его бы просто посадили в тюрьму. Работая на Мантони, Барни такого навидался, что временами раздумывал, не устроить ли магнату несчастный случай. Ирония состояла в том, что сейчас он в долгу у этого негодяя.

– А ты-то занимаешься все тем же? – спросила Ванесса.

– Моя основная специальность – розыск пропавших. Теперь у меня есть партнер, помоложе меня, вся беготня – на нем. Он – один из лучших. Если захочешь кого-нибудь найти, Ванесса, иди прямиком к нам.

Он протянул ей одну из своих карточек, она сунула туда носик и картинно улыбнулась.

– Знаешь, Барни, может, я и приду, – пробормотала она и спрятала визитку в крохотную сумочку.

Великолепный лимузин длиною с автобус подкатил к ступеням.

– Боюсь, это за мной, Барни. Привет Эстелле, не забудешь?

И, быстро помахав пальчиками, она исчезла внутри роскошного автомобиля прежде, чем Барни успел рассказать ей, что Эстеллы нет на свете уже более пяти лет.

Когда лимузин, словно лайнер, отплывал от тротуара, Барни поднял на прощание руку, но за тонированными стеклами Ванесса Артуаз была невидима.

Несмотря на то что Барни всегда восхищался Ванессой, не

только ее красотой, но непривычной в этой среде прямотой и открытостью, он в глубине души почему-то жалел ее. Он вспомнил, как рассказывал о своем долгом и счастливом браке с Эстеллой и какой грустью наполнились при этом ее неправдоподобно красивые глаза.

Барни зашел в вестибюль и на лифте поднялся в комнату R amp;D на двадцать пятом этаже.

Когда он вошел, Лью с несколькими инженерами стоял у большого экрана.

– Как дела, парень? – спросил Лью.

– Чудесно, чудесно, – отозвался Барни. – Ну как, продвигаетесь?

Лью кивнул.

– Помнишь те параметры, с которыми мы возились на прошлой неделе? Теперь там полный порядок! У нас уже два дня идут пробные прогоны.

– Ты имеешь в виду… Лью снова кивнул:

– Ты готов – значит, и мы готовы.

– Господи! Ну и сюрприз! Я думал, требуется еще пара недель, может, даже больше… И не надеялся, что все будет готово так скоро.

Весь последний месяц он знакомился с техническими аспектами виртуальной реальности, правда, по большей части методом подслушивания и наблюдения за тем, чем занимаются инженеры, пока он болтается где-то на заднем плане, да ориентируясь на редкие объяснения Лью. Новый бизнес развивался с бешеной скоростью, в компаниях царил параноидальный страх перед тем, что конкуренты могут опередить, пусть даже совсем незначительно. А потому все просто помешались на секретности.

Команда ученых и инженеров, возглавляемая Лью Крамером, работала над созданием в пределах виртуальной реальности искусственных личностей, основанных на реально существующих прототипах. Лью мечтал создать сайт в Ман-тони ВР, населенный великими и знаменитыми людьми из истории (для начала) двадцать первого века. И вот тут-то нашлось дело для Барни.

– Ну что ж, готовься.

Барни кивнул. В голове беспорядочным облаком роились панические мысли. Он привык думать, что все это будет еще не скоро, через несколько недель. В системе постоянно возникали какие-то неполадки, отсрочки накапливались. Временами Барни думал, что ВР окажется просто фантазией, которая ни к чему так и не приведет, но сделает его разочарование не таким острым. Как ни станно, он чувствовал сомнения именно тогда, когда Лью

уверял его, что дело движется. Тогда Барни задавался вопросом, не приведет ли его добровольный порыв к беде.

И вот наступило наконец время проверить, окажется ли созданный образ действительно таким правдоподобным, как обещал Лью. Барни прошел к кабине в дальнем углу помещения. Сердце бешено колотилось от волнения и предвкушения. Он разделся и повесил одежду в шкафчик. Подошел техник и помог ему с электродами и маской для лица.

В последние три недели он каждое утро пятницы проводил в виртуальной реальности, проникая в нее через ванну с гелем – неприятная процедура, дающая чрезвычайно приятные результаты. Реальность сайтов, на которые он попадал, его ощущения там заставляли Барни в буквальном смысле терять голову. В этих экспериментах Барни выступал просто подопытным кроликом, сообщающим Лью и его инженерам об успехе или недостатках программы. В ВР он встретил пару известных политиков, одну-две звезды из голодрамы…

Но сегодня должна произойти встреча, о которой он мечтал все эти недели.

Барни вошел в сосуд с гелем. Вязкая жидкость сомкнулась вокруг его тела. Кожа покрылась мурашками. Лью как-то объяснил Барни, что это желе содержит анестетик, который помогает снизить тактильную чувствительность.

Барни сел, а потом, по сигналу техника, лег на спину и всплыл, ощущая, как гель начинает действовать на тело, притупляя чувствительность.

На долю секунды, пока разум приспосабливался к новой ситуации, Барни потерял ориентацию, а потом вдруг понял, что не лежит, а стоит. Его с самого начала удивляло это перемещение перспективы с горизонтальной на вертикальную.

Сначала он был полностью слеп, но вот зрение вернулось. Многообразие цветов и солнечного света просто ошеломляли. Реальность окружающего мира, полная правдоподобность его собственного пребывания в нем вызывали благоговейный трепет. Он непроизвольно поднял руку к лицу, ощупал его контуры и, пораженный, стал озираться.

Прежде он не бывал на этом сайте. Барни стоял в саду рядом с привольно раскинувшейся виллой, посреди зеленого, окаймленного цветами газона. На абсолютно синем небе сверкало солнце, а воздух наполняли цветочные ароматы.

Барни наклонил голову и оглядел более юную версию своего тела, которую запрограммировал для него Лью.

А затем, в отчаянии и надежде, стал искать взглядом ее, С бьющимся сердцем он двинулся к увитой цветами беседке в

самом конце газона.

Многое из того, чем он здесь занимался с Лью и его командой, не давало ему покоя. Удастся ли ему психологически адаптироваться к этому? Верен ли он Эстелле или это все-таки какая-то форма измены?

Скамья в беседке оказалась пуста. Он разочарованно отвернулся и тут… увидел ее.

Сердце пропустило такт и заколотилось с удвоенной силой. Голова закружилась. Барни протянул руку, открыл рот, но слова застряли в горле.

Она шла к нему по газону и улыбалась… а он мог лишь молчать и смотреть.

– Вот ты где, Барни, – проговорила Эстела. – А я-тск хожу, ищу тебя. Правда, здесь красиво?

Барни кивнул.

– Красиво, – пробормотал он, словно во сне. – Красиво.

Когда Барни передавал Лью видеозаписи своей жены, магнитофонные кассеты с ее пением, фотографии, собранные за множество лет, даже кое-что из одежды и духи, с которыми так и не смог расстаться, он не рассчитывал, что она будет настолько похожей на оригинал, настолько убедительной.

– Как я рада видеть тебя, Барни, – продолжала Эстел-ла. – Ты хорошо выглядишь.

От звука ее голоса у него на глазах выступили слезы. Это действительно была Эстелла, такой он ее и помнил. Здесь ей было около сорока – самый расцвет. Стройная светловолосая женщина с улыбчивым загорелым лицом, слегка тронутым морщинами, которые приносит жизненный опыт, но это лишь увеличивало ее обаяние.

Прежде он беспокоился, что ее вид может вернуть всю боль понесенной им утраты, но реальность была такова, что даже зная о технологическом происхождении стоящей перед ним Эстеллы, он мог чувствовать одну лишь радость оттого, что теперь она существует не только в его памяти.

И он стал просить жену – где уж она сейчас пребывает? – простить ему эту слабость.

Барни протянул руку и вдруг заколебался. Не может быть, чтобы она оказалась такой же теплой и живой, как настоящая Эстелла. Он боялся коснуться ее руки, уже протянувшейся ему навстречу, боялся, что иллюзия разлетится вдребезги, оставив ему только страдание.

А потом она взяла его руку обеими ладонями, обхватила ее, притянула к себе, и Барни ощутил тепло и силу ее пальцев.

– Пойдем в дом, Барни, – мягко проговорила Эстелла. – Мне

так много надо тебе показать.

И Барни обнял ее за плечи и пошел с нею к вилле. Душа его пела.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Встреча с Киа в джунглях “Пены”… Оплавленные консоли… Ужас, который он испытал, потеряв ориентацию в темной комнате… Погоня в переулке, потом на крыше… Человек с изменяющимся лицом!

Холлидей лежал на спине и, мигая, смотрел в яркое синее небо.

Сначала он вообще не мог вспомнить, что произошло этим вечером, но потом воспоминания словно вломились ему в мозг. Он перебирал обрывки впечатлений о вечерних событиях – все вроде бы было логично, имело смысл, ну по крайней мере до какой-то степени. Но лишь до встречи с латиноамериканцем. Мысль о нем подняла в душе остатки пережитого ночью страха, которые осели на самом дне сознания.

Последнее, что он помнил до того, как потерял сознание, была уверенность, что либо мороз, либо потеря крови непременно его убьют. Ну что же, оказывается, он выжил, не истек кровью, не замерз: мусорные мешки, кучами лежащие вокруг него, уберегли тело от самого страшного ночного холода.

Холлидей попробовал шевельнуть руками – просто для эксперимента. Сначала поднял правую, затем левую. Вроде бы действуют. И боли нет. Попытался согнуть ноги – они тоже работали, как обычно. Он сел, точнее, хотел сесть, но тут же пожалел об этом: в голове будто взорвался тугой шар боли.

Холлидей поднял руку и коснулся левого виска – пальцы стали липкими от свернувшейся крови.

Тогда он с величайшей осторожностью перевернулся на рок, потом на живот и лишь из этой позиции встал на четвереньки. Опустив голову и закрыв глаза, Холлидей подождал, пока хоть чуть-чуть уймется боль, затем глубоко вздохнул и медленно поднялся на ноги. Переулок ходуном ходил перед глазами, но боль, как ни странно, утихла. Она по-прежнему была здесь, тупая и неотступная, но все же не та разрывающая голову мигрень.

Солнце высоко стояло в чистом, без единого облачка небе. Холлидей взглянул на часы. Почти полдень. Он вспомнил о просьбе Ким к десяти быть дома. Достанется же ему, когда он вернется. В гневе Ким просто ужасна.

Интересно, примет ли она во внимание его оправдания?

Холлидей опять вспомнил о латиносе. Неужели тот решил, что падение должно непременно убить сыщика, и даже не стал проверять? А может, он и сам потерял сознание? Холлидей помнил, как ударил противника по лицу рукоятью пистолета.

Парень умудрился подняться и кинуться на него еще раз, но на ногах он стоял уже нетвердо. Кто знает, может, именно сейчас он очнулся на крыше и готовится к дальнейшим действиям? Эта мысль заставила Холлидея прибавить шагу и поскорее свернуть из переулка на площадь, где он прошлым вечером оставил “форд”.

Пока он, повернув за угол, шел вдоль многоэтажных домов, в одном из которых жила Сисси Найджерия, одна часть его существа рвалась закончить начатую работу, пересмотреть вещи Найджерии в поисках любых улик, которые могли бы указать на причины ее исчезновения, уничтожения компьютеров, нападения латиноса и его настойчивого преследования. Другая же, охваченная ужасом часть души желала лишь одного: оказаться как можно дальше от места нападения и никогда не касаться этой тайны. Позже, решил он. Сначала надо все обсудить с Барни и, возможно, с Джеффом Симмонсом из департамента. Тогда он скорее всего вернется и закончит расследование.

Мысль о латиносе заставила его потянуться к пистолету. Кобура оказалась пуста. Холлидей помнил, как стукнул бандита рукояткой, но что случилось с оружием потом, он не имел ни малейшего понятия. Оно все еще может находиться на крыше… или в переулке… Сыщик почти решился вернуться и поискать, но инстинктивный страх одолел этот порыв. В самом деле, что такое пистолет по сравнению с безопасностью? У Барни целый арсенал этого барахла.

Холлидей перешел улицу, залез в “форд” и включил двигатель. Он медленно объехал площадь, чувствуя облегчение оттого, что убирается прочь, и двинулся к дому мимо озабоченных горожан, делающих утренние субботние покупки, мимо вечных толп бездомных мужчин, женщин и детей.

Через пять минут он проезжал ВР-бар на Пятой авеню. Голограмма, рекламирующая чудеса тропического пляжа, лепилась к выцветшему козырьку, сверкая в лучах яркого зимне1-го солнца. Очередь по-прежнему тянулась на целый квартал и” пожалуй, стала еще длиннее. Холлидей покрепче ухватился за руль: по телу прокатилась дрожь внезапного осознания, что он все-таки выжил; отступающий страх еще давал о себе знать.

Холлидей оставил машину у китайской прачечной. Вытянувшиеся вдоль улицы киоски распространяли аромат жареного мяса, и детектив тут же вспомнил, что не ел уже це* лую вечность. Он вылез из машины и пошел по тротуару, пряча лицо, чтобы киоскеры задавали меньше вопросов. Прачечная на первом этаже работала на полную мощностьй из дверей валил пар, от стука и лязга прессов стоял невообразимый шум, как

будто в помещении заперли дракона. Холлидей быстро прошел к лестнице, пытаясь избежать встречи р Барни до тех пор, пока удастся принять душ и обработать синяки и царапины. Дверь офиса оказалась открытой, и когда Холлидей проскользнул мимо и поднялся на первый пролет, Барни успел его окликнуть:

– Эй, Ход, это ты? Где, черт возьми, тебя носило? Холлидей остановился, размышляя, не проигнорировать ли этот зов, но ведь Барни все равно поймет: что-то произошло, и обязательно поднимется следом. Он спустился вниз и вошел в офис.

– Господи, если бы ты знал, как разозлилась Ким, что ты… – Но тут Барни поднял глаза и замолчал.

Барни раскачивался в кресле, положив на стол свои короткие ноги. Увидев Холлидея, он поспешно вскочил и при этом чуть не опрокинулся на спину.

– Бог мой, Хол, ты что, попал в переделку? Ну-ка, сядь. Господи, ну и вид! Просто ужас! – Отшвырнув окурок сигары, он взялся рассматривать раны Холлидея.

– Со мной все нормально, не хлопочи. Барни почти толкнул его на диван-честерфилд.

– Сиди здесь. Я сейчас принесу, что нужно. – Он вышел в соседнюю комнату и появился с аптечкой первой помощи.

– Барни, я в норме. Мне нужен только душ.

– Заткнись и запрокинь голову. Как это, черт возьми, случилось?

– Долго рассказывать, Барни.

– Ну, времени у меня хватает.

Пока Барни промывал рану антисептиком, Холлидей, не пропуская ни единой подробности, пересказал события прошедшей ночи.

Такое у них было правило: каждые два дня обсуждать случай, над которым они в данный момент работали, шаг за шагом рассматривать свои действия, возвращаться к деталям, которые на первый взгляд выглядели абсолютно несущественными, перепроверять факты, обмениваться идеями и версиями до тех пор, пока тема не будет полностью исчерпана, а у них не возникнет более ясной картины событий.

Добравшись до встречи на крыше, Холлидей помолчал. Он вдруг впервые осознал, что кто-то действительно пытался его убить. Там, в городе, остался кто-то, желавший, чтобы он умер… Кто и теперь может этого хотеть.

– Мне бы кофе…

– Конечно. Сейчас. – Барни налил из кофейника горячего, крепкого напитка и присел на честерфилд рядом с Холлидеем, рассматривая рану. – Вроде нормально. Выглядит неважно, но

неглубокая. Можно позвать дока Сайм-за, чтобы…

– Забудь. Все будет о'кей.

Барни снова зажег окурок своей сигары.

– Итак, ты на крыше… Что дальше?

Холлидей вернулся мыслями к драке на крыше. Вспомнил" как стукнул того парня рукояткой пистолета прямо в лицо.

– Ну, значит, я врезал ему по морде, а потом… потом случилось… – Он помолчал.

– Продолжай!

– Ты не поверишь, Барни.

– Посмотрим. Холлидей пожал плечами.

– Я и сам почти не верю. – Он взглянул на Барни и рассмеялся. – Его лицо… оно изменилось, то есть только что он был парнем, пуэрториканцем, может, кубинцем, потом я его ударил, и лицо изменилось. Он стал женщиной, блондинкой. – Правая рука Холлидея дрожала, и он обхватил ею колено, чтобы унять дрожь.

Лицо Барни абсолютно ничего не выражало.

– И что потом?

Холлидей рассказал про бег до края крыши, про свой страх.

– Потом парень, он снова был латиносом, бросился на меня и столкнул с крыши.

Барни во все глаза уставился на товарища.

– Ты упал с трехэтажного здания?!

– И приземлился на кучу мусорных пакетов, скатился на тротуар, стукнулся головой и потерял сознание. Когда очнулся, был уже полдень.

Барни покачал головой. Он вынул окурок изо рта, внимательно его осмотрел, потом поднял глаза на Хола.

– Надо сказать, что ты – самый удачливый сукин сын на Манхэттене. Нет, во всем штате Нью-Йорк!

Холлидей нервно рассмеялся.

– Думаешь, я этого не понимаю? За прошлую ночь столько всего было…

Барни пересел во вращающееся кресло и набрал код на клавиатуре.

– Позвоню Джеффу, может, он сумеет прислать кого-нибудь потолковее. Теперь, когда появился потенциальный убийца, они могут заинтересоваться. Попрошу Джеффа прислать файл с делом.

Телеком засветился, и Барни заговорил с дежурным.

– Лейтенант Симмонс сейчас на брифинге, мистер Клюгер.

– Попросите его позвонить мне, как только он появится. – Он отсоединился и посмотрел на Холлидея. – Значит, говоришь,

Кэрри Виллье так вчера и не показалась?

– Ее друзья беспокоились. Она договорилась встретиться с ними в “Пене” около десяти – годами не пропускала ни одной пятницы. Когда она так и не пришла, я отправился в Солано-Билдинг с женщиной по имени Киа Йохансен.

– Говоришь, эта лесбиянка сбежала, когда появился латинос?

Холлидей кивнул:

– Думаю, да. Она была ближе к двери, чем я. Уверен, она успела выбраться до того, как он стал палить.

– Надо опросить ее о событиях вчерашнего вечера, о ее отношениях с Виллье и Найджерией, – заметил Барни. – Говоришь, вы нашли сожженный компьютер, что еще? Признаки вторжения, грабежа?

Холлидей покачал головой.

– Я не заметил. Но у меня почти не было времени до того, как погас свет и началась веселуха.

Барни качнулся в кресле.

– Ну и какие идеи?

– Нужен эксперт, чтобы осмотреть сожженную консоль. Выяснить, над чем работала Найджерия.

– Попрошу Джеффа этим заняться, – отозвался Барни, помолчал и взглянул на Холлидея. – А насчет этого парня… и того, что ты видел… Не кажется ли тебе…

– Что? Что мне почудилось? – Он уставился на кофейную гущу у себя в чашке. – Давай разберемся. Прямо сейчас. Мне бы и самому хотелось в это поверить. Это хорошее объяснение. Я чувствовал бы себя куда лучше, если бы знал, что это была галлюцинация. – Он покачал головой. – Но, Барни, все так и было. Я видел. Это не галлюцинация. Парень изменил внешность прямо у меня на глазах. Я испугался.

Барни кивнул, но воздержался от комментариев. “Он -“ хороший парень. Наверняка ведь считает, что мне все померещилось”, – подумал Холлидей и, почувствовав присутствие постороннего, поднял взгляд.

В дверном проеме стояла Ким.

– Чего ты испугался, Хол? – спросила она, впиваясь в него глазами. – Опоздать домой, правда?

Как ни странно, весь ее вид – розовая стеганая куртка, милое овальное личико в обрамлении меховой оторочки шляпы – наполнил душу Холлидея внезапным приступом нежности.

Он рассматривал сердитую линию плотно сжатых губ и знал, что скоро она будет выражать не гнев, а озабоченность. Все-таки шаг в сторону от ярости, которая может кипеть в ней несколько дней.

– Солнышко, – льстиво обратился к ней Барни, – прошлой ночью на Хола напали, хорошо, что жив остался.

Холлидей видел, как меняется выражение ее лица: она восприняла слова Барни, обдумала их и перестроила мысли, отказавшись от желания накричать на него. Глаза ее расширились, она бросилась в комнату к дивану, на котором лежал Холлидей, присела рядом и схватила его за руку. Увидев оцарапанный висок, погладила его по щеке.

– Хол, что случилось? Кто это сделал?

Он вкратце пересказал ей события ночи, стараясь не выделять опасные моменты. Ким слушала, покусывая нижнюю губу с видом человека, пытающегося справиться со страхом, словно ребенок, которому рассказывают страшилку.

Ее глаза всегда завораживали Холлидея. Огромные, с широкой, плоской поляной между ними. Сейчас, наполненные и затуманенные слезами, они сияли, как омытые дождем бриллианты.

Хмурясь, Ким обдумывала его слова.

– Я слышала, ты сказал: “парень изменился, и я испугался”, так?

Холлидей быстро взглянул на Барни, но тот просто пожал плечами.

– В драке я ударил его, и у него изменилось лицо. Одну-две секунды он выглядел… как женщина. Я понимаю, это звучит дико… – Холлидей замолчал, увидев выражение лица Ким.

Она замотала головой и выглядела такой же напуганной, как он сам вчера вечером.

– Хол, я верю тебе. – Она сжала его пальцы. – Я знаю, что ты видел.

– Ты? – Неужели она вечно будет его удивлять?

– Меняющий Тело, – прошептала она, – дух зла. Барни приподнял брови и передвинул окурок из одного уголка рта в другой.

Пораженный Холлидей повторил как попугай:

– Дух зла?

Ким с серьезным видом кивнула.

– Ужасный дух зла. В Сингапуре мы знаем о Меняющих Тело. Они овладевают людьми, заставляют их действовать против собственной воли. Изменяют внешность людей, чтобы те могли справиться с такими делами, вливают в них сверхчеловеческую силу.

Холлидей улыбнулся и взял в ладони ее лицо.

– Знаешь, Ким, этот парень был не так уж силен. Мне удалось его обезоружить.

– Тебе повезло. – Слезы наконец выкатились из глаз и потекли по щекам. Холлидей почувствовал себя виноватым за слабую попытку пошутить.

– Хол, – прошептала она, – пожалуйста, оставь это дело. Духи зла, они никогда не сдаются. Если их разозлить, они никогда не оставят тебя в покое, будут преследовать до конца и обязательно добьются своего. Оставь это дело, о'кей?

Ким, словно ища поддержки, перевела взгляд с Холли-дея на Барни.

– Уверен, что должно быть какое-то рациональное объяснение, солнышко, – отозвался Барни. – Не надо так волноваться.

Ким ответила с раздражением и даже отчаянием:

– Как раз надо! Вы не знаете, насколько опасны Меняющие Тело.

Холлидей протянул руку и стер слезы с ее лица.

– Если ты так этого хочешь, Ким, я брошу это дело. Пусть им занимается полиция.

Она обняла его, и тепло ее тела убедило его, что ложь того стоила.

Ким поднялась.

– Ты в состоянии куда-нибудь сегодня идти, Хол? Большой сюрприз, не забыл?

– Мне только надо принять душ и переодеться. Она улыбнулась лучистой улыбкой.

– Сюрприз означает секрет, Хол! Ты узнаешь все на месте, о'кей?

Экран издал мелодичный сигнал. На Барни смотрела дежурная из департамента полиции.

– Лейтенант Симмонс на связи, сэр, – сообщила она. – Соединяю.

Ким сжала руку Холл идея:

– Я пошла переодеваться.

– Хорошо, я через минуту тоже приду, – сказал он ей вслед, глядя, как она выбегает из офиса.

В это время Барни спросил:

– Ты и правда собираешься, как обещал ей, бросить… Холлидей прижал палец к губам и прошептал:

– А ты как думаешь, Барни?

Экран снова вспыхнул, появилось лицо Джеффа Сим-монса.

– Барни! Хол! Рад вас видеть. Чем могу помочь?

– Помнишь дело Сисси Найджерии, Джефф? Баша справка… – Барни включил меню и набрал номер справочного материала.

Джефф Симмонс, крупный, седоволосый ирландец, хорошо за

пятьдесят, прослужил в полиции тридцать пять лет и готовился вскоре отправиться на пенсию. Говорил он всегда мягко и размеренно; за те десять лет, которые они вместе прослужили в полиции, Холлидею ни разу не довелось услышать, как он повышает голос, никогда он не видел, чтобы Симмонс впадал в панику или двигался с неподобающей поспешностью. Его разумный, взвешенный подход к проблемам внушал уверенность и ощущение надежности.

Вот и сейчас он спокойно кивнул в ответ:

– Я помню это дело, Барни. Кэрри Виллье обращалась к нам с неделю назад… – Он взглянул куда-то мимо экрана, очевидно, на другой компьютер. – Я тогда назначил Фернандеса. Пришлю вам его отчет. Он практически ничего не обнаружил.

Барни улыбнулся.

– Видимо, поэтому Виллье пришла к нам. Сказала, что вы никуда не продвинулись.

– Так и есть. Но вчера вечером был звонок.

– Расскажи, – быстро отозвался Барни. – Хол был там. – Барни коротко пересказал события прошлой ночи.

Симмонс откинулся в кресле и слушал, массируя щеки своими большими руками. Он вопросительно взглянул с экрана на Хола:

– Этот парень, латинос… Говоришь, ты видел, как он изменил лицо?

Холлидей приподнялся с честерфилдского дивана.

– Я знаю, в это трудно поверить, Джефф. Я и сам сразу не поверил. А теперь вот думаю, что…

– Расскажи, как все было. Я имею в виду, опиши в подробностях. Барни говорит, ты ударил этого парня?

Холлидей утвердительно кивнул.

– Врезал ему рукояткой пистолета по правой щеке. Почти наверняка сломал кость.

– И только тогда он изменил внешность?

– Именно так.

– Господи боже мой! – прошептал Джефф, откидываясь в кресле и вытягивая ноги.

– Понимаю, понимаю. Говорю же, я сам начинаю сомневаться.

Джефф покачал головой:

– Не в этом дело, Хол. Я верю тебе.

– Правда? – Хол перевел взгляд на Барни.

– А я-то надеялся, что это нас обойдет, – мрачно проговорил Джефф.

Барни протянул руку, слегка подстроил экран и во все глаза уставился на полицейского: ~ Ты о чем? Джефф пожевал губами.

– Я думал, что здесь они не появятся. Разумеется, я слышал о них.

На мгновение Холлидею показалось, что обычно такой надежный и трезвомыслящий Джефф Симмонс собирается разразиться речью о неких духах зла, способных менять форму. От Ким такого вполне можно было ожидать, весь ее образ мысли, ее прошлое оставались для него экзотической тайной. Но услышать подобные разговоры от Симмонса? Такое вполне способно подорвать взгляды Холлидея на всеценную как на рациональную и логическую систему.

– Когда-нибудь слышал о гамаках? – спросил Джефф.

– А как же, – отозвался Барни, заслонив Холлидею экран. – У меня и самого где-то один валялся.

– Все такой же клоун, – проворчал Джефф. – Я не о том. Но эти гамаки тоже для развлечения. Это сокращение. ГМК.

– Черт возьми, лейтенант, объясни, что ты имеешь в звиду! – воскликнул Барни.

– ГМК или голографические модули (капиллярные) – это в скобках – представляют собой тонкую сеть голографической пленочной оптики. Я слышал, что некоторые крупные компьютерные компании ведут с ними эксперименты. Честно говоря, я надеялся, что они разорятся. Страшно подумать, что получится, если они добьются успеха.

– Ты считаешь, – медленно начал Холлидей, – что этот парень носил такой гамак словно маску?

Джефф кивнул.

– Это нечто вроде эластичного капюшона или чехла, очень плотно облегающего голову. Его можно запрограммировать на проецирование нескольких отдельных личностей. Когда ты этого парня стукнул, программа сбилась, отсюда и быстрое изменение внешности.

– Господи! Значит… – Холлидей пытался осмыслить последствия того, что говорил Джефф. – Значит, даже первоначальная, латиноамериканская, внешность этого парня тоже может быть маской.

– Именно так. Еще одна спроецированная личность. Теперь понимаешь, почему я надеялся, что эти штуки никогда не окажутся на улице?

– Но ведь они должны быть очень дорогими, так? – спросил Барни. – То есть их нельзя просто купить в отделе электротоваров ближайшего универмага?

– Сейчас существуют только единичные экземпляры, Барни. Но ты же знаешь, как это бывает. Через год-два любой мелкий жулик будет иметь такую штуку в кармане.

Барни покачал головой.

– Да, наша работа от этого легче не станет. Только представь, каково это – ловить человека в таком гамаке, если он не хочет, чтобы его нашли.

Холлидей откинулся на спинку честерфидда. Такое объяснение, несмотря на возможное криминальное применение этого изобретения, лично ему казалось обнадеживающим. Оно угомонило тихий, вкрадчивый голосок, который нашептывал ему, что вчерашние приключения могут и не иметь рационального объяснения.

Потом он вспомнил о Ким и подумал, что в действительности знает ее очень мало. Каким должен выглядеть мир в глазах человека с несокрушимой верой в духов и власть оккультного начала?

Уже не в первый раз противоречия, из которых, казалось бы, целиком состояла Ким Лонг, привели его в изумление. На первый взгляд она выглядела настоящей женщиной двадцать первого века, с материалистическими убеждениями, острым умом и деловой хваткой. Но под утонченной внешностью скрывалась неразрывная связь с бесчисленными поколениями предков, уходящих корнями в мистические времена Поднебесной империи и даже еще глубже.

Джефф Симмонс между тем продолжал:

– Я сам займусь этим расследованием. Обойдем жильцов и расспросим людей, знакомых с Найджерией и Виллье.

– Хорошо бы выяснить, откуда взялся ГМК.

– Будь спокоен, я займусь этим, узнаю, что известно в крупных компаниях. Поговорю с ребятами из группы борьбы с промышленным шпионажем. Они могут знать об утечках. – Прощаясь, Джефф махнул собеседникам рукой. – Барни, Хол, как только что-нибудь узнаю, дам вам знать.

Экран погас.

Барни улыбнулся.

– Эй, Хол, значит, ты не сумасшедший. Доволен?

– Неплохо было убедиться. – Он помолчал, размышляя. - Jарни, почему же этот тип так настойчиво хотел меня убить?

Его напарник пожал плечами.

– Ты совал нос в дело Найджерии, – ответил Барни, поднимая глаза на Холлидея. – Слушай, а ты не думаешь, что он может как-нибудь тебя выследить?

Холлидей почувствовал, как тошнотворный страх вновь подступает к сердцу.

– Нет, нет… Не думаю. Он понятия не имеет, кто я такой. К тому же он считает, что я погиб, так?

Барни решил сменить тему:

– Эй, ты собираешься рассказать Ким про ГМК или я сам ее обрадую?

Холлидей встал и потянулся.

– Знаешь, что я думаю? Даже если я все расскажу, она мне не поверит. Ей легче поверить в злых духов, чем в го-лографический модуль.

С этими словами Холлидей вышел из офиса и поднялся в мансарду. Ким выбирала платье: приложила его к себе и, хмурясь, смотрела в зеркало.

Холлидей с наслаждением встал под душ, горячая вода вымывала усталость и боль из утомленных мышц. Когда он вышел из сушилки и направился к стенному шкафу, где висела его одежда, Ким все еще не могла придумать, что надеть. Словно воплощение нерешительности, она, обнаженная, стояла, закусив нижнюю губу, перед длинной перекладиной с платьями и юбками. Его всегда поражало, как много времени она способна потратить, решая, что бы надеть, а когда выбор сделан, все равно горько о нем сожалеть. Его сестра, без сомнения, нашла бы что сказать по поводу недостатка сочувствия с его стороны.

– Что за место мы собираемся посетить, Ким? Официальное или нет?

Казалось, ее мысли витают где-то совсем далеко. Она рассеянно отозвалась:

– Что? Это не важно.

Он посмотрел на ее стройную, как у мальчишки, фигуру: маленькие груди – единственная округлость на теле, вместо живота – гладкая, нежная впадина.

Холлидей рассмеялся.

– Что ты имеешь в виду? “Не важно” – это как?

– Не имеет никакого значения, что мы наденем. Если захотим, можем пойти даже голыми.

Тогда он стянул с вешалки черные джинсы и белую рубашку и быстро оделся. Потом подкрался к ней сзади и поймал в свои объятия.

– Иногда я думаю, на какой планете ты обитаешь, Ким?

Он выпустил ее, и она наконец приняла решение: короткое красное платье и длинное черное пальто, гармонирующее с ниспадающими, черными как вороново крыло волосами. Одевалась она все так же рассеяно, словно думала о чем-то далеком и непостижимом.

В конце концов она все же спросила:

– Хол…

Он пристально посмотрел на нее.

– Что такое?

– Как ты думаешь, почему Меняющий Тело хотел тебя убить?

Холлидей вздохнул. Если объяснить все, что сказал Джефф Симмонс, это вызовет в ней протест и беспокойство.

– Вероятно, потому что я заявился на его территорию без приглашения, а ему не понравилось, – ответил он.

Ким застегнула пальто до самого подбородка и очень серьезно посмотрела ему в глаза.

– Обещай мне, что никогда больше не подойдешь к этому месту, Хол! Ну скажи, что не подойдешь!

– Обещаю, если ты обещаешь улыбнуться.

Тогда она указательными пальцами обеих рук подтянула уголки рта вверх.

– Так лучше?

В ответ он снова обнял ее.

Когда они вышли, Холлидей прихватил в одном из принадлежащих Ким ларьков пакет с копчеными ребрышками и жареной картошкой. Радио голосило в полную мощь, и между музыкальными клипами они услышали обрывки новостей. Война между Таиландом и Китаем все разгоралась. Расширялась марсианская колония беженцев из Европы. Он задумался о жизни на Марсе: надо же, люди занимаются своими обыденными делами на другой планете! Трудно поверить!

Они поели в “форде”, прямо на ходу. За руль села Ким, несмотря на то, что ей пришлось снять пальто и, свернув, подложить его под себя – иначе не хватало роста. Холлидей любовался ею, пока она выворачивала на Парк-авеню.

– Ну а теперь-то скажешь, куда мы едем?

Она промолчала – управление машиной требовало от нее полного внимания. Потом бросила на него быстрый взгляд и сказала:

– Потерпи.

– Ну хоть подскажи! Я когда-нибудь был там? Она покачала головой.

– Неа.

– То есть я там никогда не бывал? Это не хоккей? Скай-болл? – Он сунул ломтик картошки ей в рот.

– Ты же ненавидишь спорт, – прожевывая, отозвалась она.

– А ты там бывала?

– И снова – нет. – Она лукаво улыбнулась. – Я тебе уже дала хорошую подсказку. Сказала, что, если хотим, можем пойти туда голыми.

Холлидей удивленно поднял брови:

– Я думал, ты шутишь.

– Никаких шуток, Хол.

Уж не направляются ли они в один из секс-клубов, которые в последнее время расплодились вокруг Бэтгери-парка?

– Господи! Ким, но это не секс-клуб? Неужели тебе пришло в голову…

Она повернулась к нему со смущенной улыбкой:

– Да нет, не секс-клуб. Но мы, если захотим, можем там заниматься любовью.

– Значит, это какое-то частное заведение и мы будем одни?

– Не обязательно, там будут и другие.

– Ким, ради бога, просвети меня!

Ким свернула с Бродвея на Фултон-стрит и направилась к громадным монолитам близнецов Всемирного торгового центра. Через пару минут она уже приткнула машину на обочине у ряда голографически увеличенных зданий. Их обычно яркие фасады померкли от нестерпимого солнечного света. Там, где лучи падали на реальные окна спрятанного за изображением дома, голографическая проекция колыхалась, и возникало впечатление призрачной размытости.

– Вот мы и приехали, Хол. Холлидей выглянул из окна.

– Куда приехали? Здесь ничего нет.

– Вон там. – Она указала на очередь, растянувшуюся вдоль тротуара. Холлидей пробежал глазами по цепочке людей до ее истока.

– Господи! Это же ВР-бар!

Ким смотрела на него с ожиданием.

– Ну и что ты думаешь по этому поводу?

Он попытался изобразить должный энтузиазм.

– Прекрасно… Но ведь придется сто лет стоять в очереди.,,, Ким извлекла золотой конверт из кармана свернутого пальто и помахала им перед лицом приятеля:

– Управляющий – мой знакомый. Он дал мне пригласительный. Мы можем идти без очереди.

Холлидей был измотан, меньше всего на свете он хотел погружаться в ванну с гелем, чтобы испытать сомнительные удовольствия какой-то фальшивой реальности.

– В последнее время столько работы, Хол, – начала объяснять Ким. – Я тебя совсем забросила. Это мой маленький подарок.

Он потянулся к ней и поцеловал.

– Мне уже не терпится, дорогая. Пошли.

Отделка в фойе бара напоминала лобби дорогого отеля: мягкие толстые ковры, папоротники в горшках (искусственные, как заметил Холлидей), зеркала в тяжелых бронзовых рамах. Плакат с завитушками над стойкой администратора гласил:

“Добро пожаловать в ВР-бар КиберТек!” Ким предъявила билеты у стойки, и через минуту из стеклянных дверей появилась улыбающаяся девушка в голубой униформе. Холлидею она напомнила стюардессу.

– Будьте любезны, пройдите за мной, – проговорила она, указывая на двойные двери. – Это ваш первый визит в ВР-бар?

Ким кивнула головой, озираясь широко раскрытыми глазами, словно ребенок на ярмарке. Холлидей чувствовал, как она от волнения стискивает его руку. Их проводили в длинную комнату, отделанную в том же стиле, что и фойе: эрзац-пальмы и голубой ковер с рисунком из перевитых К и Т логотипа корпорации. На кушетках и в креслах сидели клиенты, листающие журналы и брошюры компании.

По всем стенам помещения тянулись двери “под дерево” в ВР-кабины. Служащая провела их через комнату и распахнула одну из дверей.

– Просто выполняйте инструкции программы на экране. Если потребуется помощь, не стесняйтесь, нажмите кнопку вызова на панели.

Они вошли, дверь захлопнулась. Холлидей с сомнением огляделся.

– Господи, и что теперь?

Они оказались в каморке размером с гостиничную ванную. Белая плитка на стенах, яркое освещение, в углу – душевая кабина. А в центре комнаты, на самом почетном месте – два сосуда, аквариума, наполненных жидкой субстанцией медового цвета.

А Ким уже читала инструкции на стенном экране, нажимала клавиши, вызывая меню.

– Хол, иди сюда, здесь перечислены опции. Холлидей подошел.

– Сначала все места, которые можно посетить, больше пятидесяти вариантов.

Холлидей стал рассматривать череду появляющихся на экране панорам, начиная от картин, выглядящих как пейзажи других планет, до более знакомых земных сцен: горы, пустыни, волнующиеся травами саванны. В следующем меню перечислялись десятки исторических эпох. Древняя Греция, Египет, Южная Америка времен владычества инков…

Ким снова коснулась клавиш.

– Это меню личности. Видишь, надо обозначить тип тела, который ты хочешь иметь: вес, возраст, цвет кожи, даже пол.

– Ты имеешь в виду, что можно стать кем-то другим?

– Так здесь написано. Или можешь отказаться и быть самим

собой. И даже тогда можешь изменить любую деталь своей внешности.

– Я, пожалуй, останусь таким, как есть, – решил он. Ким нахмурилась.

– А я не знаю… Хочется попробовать другое тело. Хол, тебе понравится заниматься любовью с высокой, фигурно” той блондинкой?

Он засмеялся.

– Ты имеешь в виду, что здесь я могу спокойно изменить тебе?

– Просто тело будет другое, но под кожей все равно буду я.

Он покачал головой:

– Не верю, что это будет похоже на настоящую любовь.

– В рекламе говорится, отличить очень трудно.

– Оставайся как есть, Ким. Я хочу попробовать это с тобой, а не с твоим манекеном.

– Даже если у меня будет фигура, как у звезды голодрамы? – лукаво улыбнувшись, спросила Ким.

Эта мысль неприятно царапнула Холлидея.

– Особенно если ты превратишься в звезду, Ким, – отозвался он. – Ты совершенна сама по себе.

– О'кей, – ответила она, касаясь экрана. – А тебе я выбрала прежнюю внешность.

– Откуда программа знает, как мы выглядим?

Ким указала на четыре камеры, установленные по углам комнаты.

– А одежда? – спросила она. – По умолчанию будет синее одеяние. Мы можем выбрать в меню любую другую одежду или остаться в чем есть.

– Мне это подходит. – Холлидей поднял глаза на Ким. – Надеюсь, ты не станешь тратить весь день на выбор…

В ответ она его ущипнула.

– Итак, куда ты хочешь отправиться, Хол?

– Сюрприз за тобой.

Она снова дотронулась до экрана.

– Теперь все. Осталось только раздеться, подключить провода и надеть на лицо маску.

Они подошли к сосудам, разделись и сложили одежду в шкафчики. Подсоединили к рукам и ногам нечто похожее на электроды, натянули на головы маски. Холлидей почувствовал, как чуть-чуть щекотно находят место отверстия для носа и рта, и неуверенно взглянул на ванну – очевидно, пора погружаться… Посмотрел на Ким, стоящую в одной только смешной маске.

– Ты не представляешь, как смешно мы выглядим, –

приглушенным голосом сказал он.

– Ты готов? – словно издали спросила Ким.

Он смотрел, как она перелезла через стенку ванны, встала в ней, по бедра погрузившись в янтарную жидкость, потом осторожно села и поманила его пальцем.

Холлидей неловко залез в собственный резервуар, размышляя над тем, что здесь имеется очевидная возможность для усовершенствования: ванны надо сделать вровень с полом, как в плавательных бассейнах.

Жидкость оказалась вязкой и на удивление теплой. Она липла к ногам, не вызывая никаких ассоциаций с чем-либо испытанным прежде. Он сел, потом лег, оставив на поверхности одну только голову. В соседней ванне Ким уже полностью погрузилась в жидкость. Не ведая, чего ждать, Холлидей сделал то же самое и почувствовал, как гель над ним сомкнулся. Он свободно плавал в жидкости, словно заключенное в янтарь насекомое, а примерно секунд через десять заметил, что постепенно теряет контакт со своими физическими ощущениями. Он ничего не слышал, а в поле зрения маски сгустилась тьма. Потом ушли и все осязательные сигналы. Мгновение он, будто лишившийся тела дух, плавал в абсолютной темноте.

Затем наступило второе рождение. Впечатления затопили все его чувства. Впервые в жизни Холлидей окунулся в виртуальную реальность. Он никогда особенно не верил утверждениям Барни, что эта технология способна создать нечто весьма правдоподобное. Холлидей ожидал, что скорее всего столкнется с улучшенной версией голодрамы. Думал, придется смотреть на мир из глазниц некоего лязгающего металлическими ступнями робота, с неточными движениями и смазанными чувственными впечатлениями.

Холлидея особенно поразила абсолютная реальность окружающего мира и его собственного места в нем.

Он стоял на скальном выступе, теплый бриз ласкал кожу лица. Перед ним раскинулся зеленый лесной ковер парковой зоны, а вдалеке сияли под солнцем почти знакомые очертания какого-то города.

Холлидей осмотрел свое тело, одежду, которую носил в реальном мире. Коснулся руки, почувствовал ее тепло и упругость. Согнул пальцы. Поднял руку, ощупал лицо, колкие от уже отросшей щетины челюсти, услышал, как щекотно бьется на шее пульс. Абсолютная достоверность ощущений путала его. Мозг не допускал мысли, что он все еще пребывает в ванне с гелем. Мир выглядел таким настоящим, просто почему-то изменившимся.

Холлидей всмотрелся в очертания города. В синеву неба впивались зубцы зданий, которые возвышались над знакомыми небоскребами. Новые сооружения, казалось, были отлиты из какого-то прозрачного вещества, как будто выдуты и вытянуты из расплавленного стекла. Он заметил в небе мечущиеся искорки, разглядев их, понял, что это авиакары. Еще выше с величественной грацией кашалота двигалась махина колоссального космического корабля. Внизу по улицам спешили люди, парк заполняли горожане, они прогуливались, катались на роликах и скейтбордах, играли в теннис. Картина была одновременно знакомой и странной, еще бсь-лее причудливой оттого, что он знал: ничего этого на самом деле не существует.

– Ну и как тебе, Хол?

Он стремительно обернулся. Рядом стояла Ким. Ее крас-, ное платье пожаром горело в полуденных лучах солнца, черные, будто покрытые лаком волосы, ниспадали до талии сияющей волной.

Холлидей слабо махнул рукой.

– Где мы?

– Это Нью-Йорк через пятьдесят лет, – ответила Ким, Холлидей видел, что она поражена не меньше его самого. – Представление программиста о 2100 годе.

Он все смотрел на Ким и не мог отвести от нее глаз. Все та же женщина, которую он так хорошо знал, но в чем-то изменившаяся. Он протянул руку, почти ожидая, что видение рассеется прямо на глазах, взял ее тонкие пальчики и почувствовал их тепло. Ким взволнованно сжала его ладонь.

– А про меня новую ты что думаешь? – с улыбкой спросила она.

Ким увеличила размер груди и сделала линию бедер более роскошной – только слегка, но Холлидей тут же затосковал по прежней Ким.

Ей не раз случалось жаловаться, что она хотела бы быть другой, иметь тело настоящей женщины, и Холлидей всегда убеждая ее, что она и так само совершенство. Вот теперь у нее более пышные формы, однако он не собирается портить ей развлечение и сообщать, что перемена выглядит почти гротескно.

Он притянул ее к себе и обнял, всем телом отзываясь на ее теплую, гибкую грацию. Господи! Втянув носом воздух, он отчетливо почувствовал даже ее особый запах, запах своей Ким: мыло, шампунь, теплая кожа и слабый намек на кипящую в чане лапшу.

Холлидей рассмеялся.

Ким отстранилась и спросила:

– Ты что?

– Я не могу в это поверить, – воскликнул он. – Черт возьми, просто не могу поверить, насколько все реально. Надо извиниться перед Барни.

– Я тоже никогда не думала, что будет до такой степени хорошо. Правда, правда, Хол.

Он коснулся ее лица, потом своего.

– Как, черт возьми, они это делают? Ну, я же в этой чертовой маске, как тогда я дотрагиваюсь до лица?

Она тоже стала ощупывать свое лицо, изящный подбородок, широкий нос, потом засмеялась:

– Не знаю, Хол. Я же не техник. Может, это магия? Холлидей улыбнулся.

– Я думал, здесь будут всякие железяки, острые углы. – Он оглянулся на футуристический Централ-парк.

Ким снова засмеялась:

– Это только начало, Хол. Пошли! – Она схватила его за руку и потянула вниз с холма.

Шагая по траве к извилистой тропинке, Холлидей не переставал поражаться ощущению ходьбы, движениям тела, мускулов, связок.

– Куда мы идем, Ким?

– Я прочитала в брошюре. Нам сюда, – отозвалась девушка.

Они спускались к Бетезда-террас – просто парочка среди толпы гуляющей публики, которая вышла подышать воздухом и насладиться воскресным теплом и солнцем. Он оглядел поднимающиеся со всех четырех сторон башни города.

– Кажется, я заметил, что у них тут не так! – воскликнул он.

– Ну, ты, конечно, заметишь! – со смехом откликнулась Ким.

Холлидей остановился и показал на футуристический город.

– Думаешь, через пятьдесят лет Нью-Йорк будет таким? Будущее никогда не бывает таким благополучным и сияющим, как его рисуют книги и фильмы. Оно всегда почти такое же, как настоящее, только более мрачное.

Ким опять рассмеялась и шлепнула его ладошкой.

– За что я вас люблю, мистер Холлидей, так это за способность во всем видеть темные стороны!

– Но я не критикую программистов, – стал оправдываться он. – Кто захочет выбраться из одного дерьмового Нью-Йорка, чтобы попасть в такой же?

Ким задумчиво и серьезно смотрела куда-то вдаль.

– Может, будущее и не будет таким уж плохим, а, Хол? Может, все наладится?

Холлидей притянул ее к себе, обнял и поцеловал в макушку.

– Ну да. Может, ты и права, – успокаивающе пробормотал он.

Они пересекли площадь, где собралось с десяток отдельных групп людей. Каждая кучка толпилась вокруг короткой шестиугольной колонны, на всех гранях которой демонстрировались различные сцены. Холлидей заглянул через головы собравшихся и различил на одной картине кусочек неба, на другой – горный пейзаж.

– Вот оно, Хол! – воскликнула Ким.

– Что? – спросил он. Ким помотала головой.

– Подожди и увидишь!

Они присоединились к толпе. Ким не пыталась пробиться вперед и полнее увидеть изображение на колонне. Холлидей нахмурился и пожал плечами.

– И что теперь?

Похоже, ей нравилось его недоумение.

– Просто жди.

Как ни странно, люди вокруг них постепенно продвигались вперед, как будто длинная очередь куда-то утекала. Они с Ким тоже делали мелкие шажки по направлению к картине. Теперь перед ними стояла цепочка не шире трех шеренг. Холлидей не мог понять, куда девались остальные. Он оглянулся на Ким, но та сжимала губы, сдерживая улыбку, и ничего не желала объяснять. Толпа у них за спиной росла, Холлидей стал смотреть вперед, следя за парой, которая обходила колонну, рассматривала картины и о чем-то тихонько перешептывалась. Наконец они, видимо, приняли решение и шагнули к сцене, изображающей пустынный пейзаж" Холлидей видел, как они вошли в картину, уходя от реальности Централ-парка, и не спеша двинулись к оазису.

Ким сжала его руку:

– Наша очередь.

Она повела его вокруг шестиугольной колонны от одной картины к другой: сказочные города, сельские пейзажи, виды чужих, незнакомых земель… Каждые десять секунд сцены на всех экранах менялись, представляя богатейший выбор местностей.

– Куда ты хочешь отправиться, Хол? Он покачал головой:

– Не знаю… Выбирай сама.

– О'кей. – Она поджала губы. – Как насчет этого? Картина тропического рая, тихая лагуна, сверкающий песок пляжа, зеленое буйство растений. Холлидей кивнул:

– Следую за тобой.

Ким подошла к порталу, на миг замешкалась, переступила порог и тут же оказалась на пляже. С его точки зрения, переход унес ее прочь от него, замкнул в далеком нереальном мире. Она

обернулась и махнула ему рукой из своего открыточного рая, Холлидей шагнул вперед, помедлил и прошел сквозь портал, будто перешел из одной комнаты в другую. В тот же миг теплые лучи солнца коснулись его кожи, в лицо подул соленый бриз, в ушах зазвучал стрекот цикад и счастливый смех Ким, наблюдающей за его мимикой.

Он пошел с ней вдоль пляжа, потом обернулся. Интерфейс между этим миром и миром Централ-парка висел в воздухе как фрагмент картины Сальвадора Дали. Пока он смотрел, пейзаж изменился.

– А как мы вернемся? – начал было он.

– При желании мы можем просто подождать, пока парковый цикл совершит полный круг, или можем перейти в другое место.

– А как вернуться в ВР-бар? – продолжал выспрашивать Холлидей.

– У нас билет на один час. После этого мы снова окажемся в ваннах. – Ким подняла руку. – Если захотим вернуться раньше, надо коснуться красной точки на тыльной стороне ладони.

Холлидей посмотрел на алый кружок у основания указательного пальца.

– Значит, у нас только час времени? – Он старался спрятать разочарование.

Ким рассмеялась.

– И это говорит человек, который утверждал, что не одобряет идею виртуальной реальности!

Он пожал плечами.

– Я ошибался и признаю это. Думаю, Барни должен поблагодарить тебя за то, что ты меня обратила в свою веру.

Она уже убегала по пляжу, потом вдруг остановилась и стала лихорадочно стаскивать одежду. Сбросила туфли и завела руки за спину, пытаясь расстегнуть платье.

– А если кто-нибудь… – начал он.

– Здесь никого нет, Хол. Весь пляж – наш. Давай поплаваем.

Она стащила платье через ноги, перешагнула его, рао стегнула бюстгальтер и выпустила на свободу свои пополневшие груди. Затем сняла трусики, отбросила их в сторону и шагнула к лагуне.

Холлидей смотрел, как она шла, и ее нагота, несмотря на изменившуюся фигуру, казалась ему воплощением совершенства. Он оглянулся на далекий портал. Никого. Они. по-прежнему были одни.

Он быстро разделся, бросил свою одежду рядом с платьем и бельем Ким и кинулся за нею в волшебную воду лагуны. Ким зашла по колено, потом обернулась и ждала, пока он

приблизится.

Они стояли в метре друг от друга. Холлидей посмотрел вниз на свое тело и улыбнулся:

– Черт возьми, Ким, откуда программа знает, как он выглядит? – с удивлением спросил он.

– Они же тебя снимали, когда ты раздевался, разве не помнишь?

Он с удовольствием отметил, что она не дополнила свои женские атрибуты более густыми кудрями. Ким продолжала его разглядывать.

– Ну и как? – спросил он. – Тебе хочется, чтобы он был больше?

Она покачала головой, как будто не находя слов. В реальном мире, Ким, возбуждаясь, теряла способность выражать свои чувства на английском и в постели кричала на мандаринском наречии, но Холлидей понимал. Сердце застучало сильнее, он шагнул вперед и опустился на колени в теплое мелководье. Она забросила правую ногу ему на плечо, он языком раздвинул нежные губы, отыскал розовую жемчужину клитора и покрепче охватил ее бедра, пока она ритмично двигалась в его объятиях.

Он впивался в нее, пока китайские восклицания не довели его почти до экстаза, потом двинулся по ее телу вверх, покрывая поцелуями живот и такие незнакомые холмы грудей. Они попали в неудержимый водоворот желания, губы и языки на мгновение слились в неистовой встрече, и на сей раз она пустилась в обратный путь – вниз по его телу. Он откинул голову, сердце бешено колотилось. Ким нежно впилась в его плоть совершенным жемчугом мелких, ровных зубов, мягко пробежалась по всей длине, словно сдерживая ярость бьющегося в клетке желания дикого зверя.

И вдруг Ким сдалась и поплыла к берегу, на четвереньках заползла в мелкую впадину, улеглась на живот, раздвинула ноги и обернулась с мольбой во взгляде. Он бурей налетел на нее, едва удержавшись, чтобы не растоптать. Пальцы нащупали таинственные врата и раздвинули губы на входе. Она дотянулась до его плоти и точным движением направила к цели.

Потом они, обнявшись, лежали на пляже. Холлидей гладил ее волосы и, не отрываясь, смотрел в мерцающую глубину глаз. У него в голове бродил иррациональный вопрос. Неужели и здесь, в этой стране технологических чудес, она все еще верит в духов? Но он так и не решился спросить и погубить совершенство мгновения.

Ким приподнялась на локте и положила подбородок ему на грудь.

– Час почти кончился, – с сожалением прошептала она.

– Откуда ты знаешь? – сонно спросил Холлидей. Она подняла руку, и он увидел, что диск у основания указательного пальца превратился в тоненький алый серп, похожий на солнце во время затмения.

– Когда круг станет совсем белым, – объяснила она, – гуд бай, виртуальная реальность.

Холлидей сел и потянулся к одежде. Ким подсунула локоть под голову и негромко рассмеялась, следя за ним ленивым взглядом.

– Очнись, дурачок. Зачем одеваться?

Холлидей улыбнулся. Не так-то легко отказаться от старых привычек. Он снова лег, пристроившись поближе к ее телу, и закрыл глаза.

Сначала он решил, что это воздействие перехода с пляжа обратно в ванну с желеобразной субстанцией, и задумался" почему не испытал ничего подобного при погружении. Чточ то будто взорвалось в его голове. Мысленным взором он отметил серебристую вспышку, мимолетное видение, которое тут же пропало, оставив после себя ноющую, болезненную тоску, словно депрессия целой жизни слилась в одно мгновение и всю ее пришлось испить в одночасье. Холлидей с криком сел, думая, что окажется в ванне с гелем.

Однако он все еще был на пляже. Открыв глаза, он заметил призрачную, исчезающую фигурку маленькой девочки, которая мистическим образом убегала вдаль прямо по водам лагуны. Девочка на мгновение оглянулась, посмотрела на Холлидея и вдруг пропала.

– Хол! – Рядом сидела Ким, с тревогой заглядывая ему в лицо. – Что случилось?

От тоски, эхом отдающейся в голове, Холлидей не мог произнести ни слова. Постепенно он вернулся мыслями на этот пляж, вернулся к Ким, и черная меланхолия отступила, но что-то в душе говорило ему: она ушла не совсем, отголоски еще долго будут его преследовать, словно незабытое горе.

– Ничего. Все о'кей. Мне что-то привиделось. Ерунда.

Она стала растирать ему спину, невнятно бормоча успокаивающим речитативом, и вдруг Холлидей обнаружил, что больше не лежит на этом волшебном пляже. Картина померкла, солнце уже не согревало разнежившуюся кожу. Он снова оказался в ванне с вязкой золотистой жидкостью. Сел, с горечью ощущая, что испытанное им в последние секунды на тропическом пляже похитило у него драгоценные воспоминания об уединении с Ким.

Холлидей поднялся на ноги, с усилием вырывая тело из

цепких объятий липкого геля, и, покачиваясь, выбрался из ванны. Обернувшись, он увидел, что студенистая масса убегает в сток – готовится место для следующего клиента.

Холлидей снял маску и отстегнул электроды. Ким уже была снаружи, ее стройное тело блестело от ручейков янтарного желе. Девушка бросилась к нему, обегая резервуары, и легким движением коснулась его руки.

– Хол, что там с тобой случилось? Ты в порядке?

Он улыбнулся, пытаясь справиться с проснувшимся страхом:

– Все нормально, правда, правда. Это ерунда, – ответил он и, чтобы вернее убедить ее, притянул Ким к себе. – Все было чудесно. – Он поцеловал девушку в лоб. – Спасибо, милая.

Они отправились в душ, с мылом освобождаясь от остатков геля. Раз или два Ким с полуулыбкой ловила его взгляд, словно ожидая знака, что он по-прежнему хочет ее, но странные события на пляже опустошили его душу, лишив желания, и Холлидей внезапно ощутил страшную, ломающую кости усталость.

Они встали под фен, спокойно оделись и покинули ВР-бар. Холлидей сам вел машину домой. После футуристической версии города в программе ВР Манхэттен казался жалким и неухоженным. Было почти четыре часа. В сгущающихся сумерках начинали кружиться снежные вихри. Ким содрогнулась, нашла его руку и сильно сжала.

Когда они вернулись, в офисе было темно. Барни ушел, и Холлидей почувствовал, что рад этому. На него навалилась смертельная усталость, и длительная дискуссия с Барни была совсем ни к чему. Вслед за Ким Холлидей поднялся в мансарду, присел на пуфик, вяло стянул с себя джинсы и рубашку. Потом поставил будильник на полночь – начало новой смены.

Ким раздевалась, стоя прямо перед ним, и смотрела на Холлидея с непонятным выражением. Обычно они раздевались, сидя на кровати спина к спине, а потом, обнаженные, встречались в уютном тепле термоодеяла. Сейчас поза Ким говорила о ее неуверенности и тревоге.

Она переступила красную лужицу своего платья, быстро избавилась от трусиков и бюстгальтера и продолжала стоять в леденящем воздухе мансарды, дрожа от холода и глядя на Холлидея так по-детски трогательно, будто хотела немедленно получить от него подтверждение, насколько она ему нужна.

Ким все стояла и смотрела.

– Что с тобой?

– Я тебе нравлюсь, Хол? – наконец спросила она.

– Нравишься? – Холлидей чуть не рассмеялся. – Конечно, ты мне нравишься.

– Я имею в виду… Ну, так же нравлюсь, как та, другая?.. – Она замолчала, потупив глаза. – Так же, как другая я?

– О господи! – Холлидей протянул руку, схватил ее голени и притянул к себе. Она словно нехотя поддалась. Холлидей обнял ее ноги и положил голову на бедро.

– Ким, я люблю тебя! О'кей? – сказал он и почувствовав, как что-то шлепнулось ему на спину, быстрое и теплое: слеза.

– Но… но ведь нам никогда не было так хорошо, как на этом пляже, Хол! Абсолютно хорошо!

Он медленно провел взглядом по ее телу, поднял глаза к мокрым от слез щекам.

– Ким, нам и раньше было так же хорошо… по крайней мере мне…

Она рассмеялась сквозь слезы.

– Ты просто так говоришь, – пробормотала она. – Мое улучшенное тело тебе больше понравилось.

У него рвались с языка слова, что она может думать, как хочет, что все доводы бесполезны, она не поверит, что бы он ни говорил. Но он обуздал этот внезапный приступ гнева и зарылся лицом в ее волосы.

– Я считаю тебя совершенством, девочка, – мягко шепнул он. – Я люблю тебя такой, как ты есть, и не хочу никого другого, мне не нужна даже сотня твоих улучшенных версий.

Он говорил, едва сдерживая смех. Ну не забавно ли – пытаться уговорить ее не ревновать к своему виртуальному alter ego?

Холлидей чувствовал, что она трясется. Вот и еще один знак того, как плохо он ее знает, как переменчивы ее настроения, ведь он не мог сказать наверняка, плачет она или смеется. Он поднял глаза. Она плакала.

– Господи, Ким!

Слова были почти неразличимы.

– Ты… ты не выбрал меня, – рыдала Ким.

– Что? – вытаращил глаза Холлидей.

– Я говорю, что ты не выбрал меня! Я просто зашла в твою жизнь, решила, что люблю тебя. Ты не выбрал меня, ты принял меня. – Ким помолчала, потом сквозь слезы добавила: – Как же я могу быть для тебя совершенством?

Холлидей снова попытался унять свою злость.

– Ким, но когда мы встретились, у меня был выбор: остаться с тобой или нет. И я выбрал. Ты можешь это понять?! Вот он я! Здесь! И ты здесь! В чем проблема?

Она покачала головой, не в состоянии или не желая ответить. За последние шесть месяцев он давно потерял счет случаям, когда

она бралась объяснить ему, почему он ее не любит. Холлидей никак не мог взять в толк, зачем ей нужны эти мучительные инквизиторские допросы, почему она не желает удовлетвориться самим фактом его присутствия, его поступками, зачем ей слова?

Он потащил ее вниз, закатил в постель, накрыл термоодеялом и крепко обнял, потом выключил свет и гладил по спине, пока придушенные всхлипы не стихли, и она не заснула.

Десять месяцев назад Ким свалилась ему как снег на голову. Он встретил ее в излюбленной продовольственной палатке. Заказывал цыпленка под сладким соусом, рис и лапшу. Из-за прилавка на него смотрела невысокая девушка. Ее восточные черты хранили почти мученическую серьезность; раскосые, черные как ночь глаза над острыми скулами напряженно следили за каждым его движением, Холлидей уже видел ее. Никогда она не работала, а, кажется, только стреляла зорким глазом вдоль череды ларьков, вытянувшихся по обочине. Холлидей думал, что она скорее всего владелица этих дешевых забегаловок.

– Вы – постоянный клиент, мистер?

– Да, хожу каждый день последние… черт возьми, пять лет, наверное.

Молодая женщина бросила еще один быстрый взгляд, осмотрела Холлидея с ног до головы, оценила и словно бы приняла какое-то решение. Она быстро заговорила с мальчишкой, прислуживающим в лавке, – переливающиеся, плаксивые гласные и горловые согласные.

– Сегодняшний обед за мой счет. – Она ловко упаковала покупки Холлидея навынос. – У вас ведь детективное агентство, да?

Холлидей кивнул:

– Шила в мешке не утаишь.

– Никогда раньше не встречала детективов, – задумчиво протянула она. – И детективного агентства тоже никогда не видела, – добавила женщина, сохраняя на лице странное выражение.

Холлидей тотчас ухватился за предоставленную возможность.

– А давайте я вам покажу, а?

– О'кей, почему нет? – отозвалась женщина. Перейдя улицу, они вошли в подъезд и поднялись по лестнице; на втором этаже Холлидей открыл дверь и пригласил ее в офис. Из соседней комнаты доносились мощные раскаты храпа – Барни спал после смены.

– Это наша контора – ничего интересного, – развел руками Холлидей.

Женщина фыркнула и быстро обвела помещение взглядом.

Сейчас, в ретроспективе, Холлидей понимал, что она оценивала негативную энергию комнаты и уже обдумывала, куда бы переставить письменный стол.

– А живу я там… – быстро добавил он, указывая на мансарду. – Как насчет чашечки кофе?

Она согласилась, они сидели, болтали, вместе съели принесенную еду. Она рассказала про бегство из Сингапура десять лет тому назад, о том, как начинала новую жизнь в Америке. За разговором она словно забылась, потеряла обычную напыщенную серьезность и вела себя вполне по-человечески, а улыбаясь, становилась, как подумалось Холлидею, просто очаровательной.

Затем она быстро попрощалась, так же коротко и решительно, как с ним познакомилась: много дел, много-много. Он смотрел ей вслед, качал головой и сам себе удивлялся. Потом целую неделю высматривал ее на улицах, но ни разу не увидел. Но однажды вечером, когда подошло время собираться на работу, его разбудил настойчивый стук в дверь мансарды. Холлидей открыл, Ким, с пакетом еды в руках, решительно прошла прямо в комнату, они поужинали, она тем временем рассказывала ему о своих проблемах с хитрыми и корыстными оптовиками, потом вдруг замолчала, рассматривая Холлидея все тем же оценивающим и бесстрастным взглядом, быстро разделась, обняла его и потянула к софе.

И вот теперь он лежал без сна, смотрел сквозь потолочное окно на темнеющее небо и думал, что, несмотря на возникшую за эти десять месяцев близость, несмотря на все бесконечные и доверительные разговоры о проблемах в торговле, Ким оставалась для него тайной за семью печатями, и не было ему пути в ее мучимую странными комплексами душу. Он ничего не знает о Ким Лонг, и ее нервозность его пугает.

Позже Холлидей проснулся от ночного кошмара. Обливаясь потом, сел в кровати. Он не мог вспомнить содержание сна, но разум пронзило уже знакомое ощущение нестерпимой тоски. Вот оно чуть померкло, оставив в голове слабый, болезненный отзвук.

Холлидей быстро повернул голову и заметил у самой двери слабую, будто призрачную тень, тем не менее он отчетливо понимал, что это не галлюцинация, а вполне реальное существо. Он скатился с кровати и бросился к привидению, но оно уже исчезало в дверном проеме: легкий изгиб тела – и все, таинственная фигура пропала. Холлидей рывком распахнул дверь, высунулся из комнаты и увидел, как она сбегает по лестнице. Крик замер на его губах. Тень обернула к нему бледное лицо и улыбнулась.

Холлидей рванулся вперед и застыл:

– Элоиза… – прохрипел он, и при звуке этого имени видение поблекло, Холлидей остался один.

Он понятия не имел, сколько времени простоял, прислонившись к стене и уставившись в пространство на верхней площадке лестницы в леденящей стуже подъезда. Наконец холод вынудил его вернуться в мансарду. Было почти полдвенадцатого, Ким мирно спала. Холлидей нащу-нал свою одежду, быстро натянул ее и спустился в офис. Там он включил на полную мощность обогреватель, заварил крепкий кофе, уселся в единственное кресло перед громко потрескивающим компьютером и пробежался пальцами по клавиатуре. Бог знает сколько времени он не давал себе труда связаться с отцом. Действительно, сколько? Лет пять, а то и больше… Так давно, что он с трудом мог вспомнить подробности, разве что знал: вероятно, все кончилось, как обычно, непроходимым молчанием, когда обе стороны осознают невозможность выразить словами что-либо действительно важное.

Холлидей сидел и слушал долгие гудки зуммера. Отец наверняка еще не ложился. Любовь Холлидея работать по ночам – одно из, к счастью, немногих качеств, которые он унаследовал от отца.

Прошла целая минута прежде, чем ему ответили, но экран по-прежнему оставался темным, только ворчливый голос спросил:

– Кто это?

Холлидей кашлянул, прочищая глотку:

– Это я, папа, Хол. Решил вот позвонить. Мне нужно с тобой поговорить.

– О господи! Десять лет прошло, а потом ты, черт подери, звонишь чуть не в полночь!

Холлидею хотелось его поправить. Не больше шести лет, и сейчас еще нет половины двенадцатого.

– Извини, я знаю, ты не спишь… Я тут работал и…

– Я читал, Хол. Ты же знаешь, терпеть не могу, когда меня прерывают.

Холлидей помолчал. Какая-то часть его души желала лишь одного – немедленно прекратить тягостный разговор.

– Ты не включишь видеосвязь?

Он услышал вздох, потом молчание, потом экран вспыхнул и появился узколицый, седоволосый мужчина – за семьдесят, который сидел с подчеркнуто выпрямленной спиной, как будто правильная поза служила единственной гарантией полноценного долголетия.

– Что тебе нужно, Хол? Холлидей все разглядывал старика.

– Ты давно видел Сью? Она тебе не звонила?

– Сью? Сто лет ее не видел. Она все еще… – Старик замолчал, запоздало оценив нелепость вопроса, и закончил совсем иначе: – Вы оба годами даже не звоните, а уж навестить-то – и подавно не соберетесь. “Оно и неудивительно, – подумал Холлидей. – Ты так стремился поскорее от нас избавиться, а до этого с таким презрением относился к нашим увлечениям и занятиям”.

– Отец, я хочу поговорить об Элоизе…

Лицо старика словно захлопнулось, ворчливая готовность уделить единственному сыну несколько минут своего драгоценного времени куда-то исчезла.

– Если ты позвонил только за этим, я отключаюсь.

– Нет! Ну пожалуйста! Мне необходимо узнать, что случилось!

– Хол, ты представить себе не можешь, насколько мне больно об этом говорить, иначе ты не посмел бы звонить. Прощай! – Он протянул руку к клавишам. Протянул очень быстро. И отключился.

Не сводя глаз с потухшего экрана, Холлидей откинулся в кресле, протянул руку за кофейной чашкой и обхватил ее ладонями. Подумал, не попробовать ли отыскать Сью, и сам себе улыбнулся. Что за ирония: он человек, занимающийся розыском пропавших людей, натыкается на каменную стену каждый раз, когда пытается установить место нахождения собственной сестры! Скорее всего нечто подсознательное не позволяет ему предпринять достаточно эффективные меры.

Холлидей подтянул клавиатуру поближе, открыл новый файл и начал составлять официальный отчет Джеффу Симмонсу о событиях прошлой ночи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Барни проснулся поздно, принял душ и остановился в дверном проеме, разглядывая офис.

Перестановка мебели по указанию Ким была единственным изменением, которое Барни впервые за много лет внес в интерьер. Когда восемь лет назад он подписал договор аренды, то вместе с офисом к нему перешел и ковер, столетний, темно-зеленый, выношенный. Пятна от дыма бесконечных сигар расплывались на стенах. Не мешало бы пройтись по ним краской. Да и вообще, контора имела убогий вид кабинета управляющего в дешевом магазинчике.

Барни всегда находил аргументы для своего нежелания как-то украсить помещение. В конце концов, говорил он, если клиент идет в детективное агентство в Эль-Баррио, едва ли его смутит подобный интерьер. Но времена меняются, и район постепенно стал повышать социальный статус. Многие дома подверглись перестройке; теперь там дорогие квартиры для специалистов компьютерного бизнеса, которые работают дома. Когда это дело закончится, надо будет поговорить с Холом насчет ремонта, посмотрим, что он скажет.

Барни приготовил кофе, но потом передумал. Черт возьми, он уже целую неделю придерживается дисциплины: пива не пьет, диету соблюдает. Неужели он не может позволить себе приличный завтрак?! Отправится-ка он к Ольге, прихватит с собой документы и поработает на старенькой машине, спрятанной у Ольги за стойкой.

Сыщик собрал в папку, сделанную Холом, копию отчета, дневники Сисси Найджерии и… кристаллик иглы с компьютерной записью, которую вчера дал ему Лью, когда осоловевший Барни вынырнул из ванны с гелем. Потом запер офис и прошел с полквартала пешком. Ольгин подвальчик славился самым богатым выбором импортного пива во всем районе. Там Барни заказал украинское пшеничное пиво и ветчину на черном хлебе с корнишонами, затем перетащил старенький компьютер Sony к своему столику под окошком, выглядывающим наружу на уровне тротуара. После уличной стужи тепло в баре показалось ему особенно гостеприимным, в углу приглушенно работал телевизор – шла трансляция футбольного матча с Западного побережья. И снова Барни задумался над идеей изменить интерьер офиса, завтра он спросит, как Хол отнесется к мысли временно перенести деятельность в заднюю комнатку Ольгиного бара.

Следующую пару часов он просматривал дискету с дневником

Сисси Найджерии, постепенно проникаясь пониманием ее натуры, но так и не найдя ни единого намека на то, что с ней произошло. Судя по всему, она являлась высококлассным специалистом в компании КиберТек – одним из основных конкурентов “Мантони Энтертеймент” в области виртуальной реальности. О работе Сисси упоминала лишь мимоходом, говорила в основном о коллегах. В дневнике было полно иллюстрированных описаний ее многочисленных интрижек с женщинами, которых она цепляла в баре “Пена”; присутствовал там и анализ ее отношений с “сожительницей”, как она называла Кэрри Виллье. Подобный стиль жизни был абсолютно чужд старомодным представлениям Барни, но кто он, черт возьми, такой, чтобы судить? Очевидно, возможность делить любовь и секс с несколькими партнерами тоже дает какие-то преимущества… Господи, конечно, это прекрасно – прожить всю свою взрослую жизнь бок о бок с единственным любимым человеком, но в какой ад превращается твое существование, когда ты этого человека теряешь! Он заставил себя погасить такие мысли, сделал большой глоток пива и занялся сандвичем.

Он ел и пробегал глазами строчки отчета Холл идея. Тот писал, как всегда, обстоятельно, не пропуская даже мелких деталей, которые скорее всего вовсе не относились к делу, но могли и оказаться жизненно важными. Барни вспомнил, как совсем недавно считал, что этот случай, вероятнее всего, закончится просто ничем: любовная ссора, Найджерия сбежала – пусть подруга помучается, через пару дней вернется, – и все. Однако никакие разногласия с Виллье в дневнике не упоминались, а ночной случай с Холом ясно указывал: происходит что-то серьезное.

Беда в том, что пока они практически ничего не знают, нет ни улик, ни версий, непонятно, что произошло с Найджерией, почему расплавилась аппаратура у нее в доме, зачем тот латинос хотел убить Хола. Требуется передышка, нужна информация извне, чтобы расследование получило новый толчок. Попозже он сам съездит в Гринвич, потолкается вокруг Солано-Бидцинг, поговорит с людьми, может, что и выплывет.

Барни закончил отчет Хола и заказал еще пива. Сандвич он тоже доел и подумывал о втором, но решил проявить силу воли. Если он ограничится одним и парой пива, тогда и завтра вполне можно позавтракать здесь. Он зажег окурок ригары и перебрал иглы, которые принес с собой.

Осталась только та, что дал ему Лью.

Лью вручил ему эту иглу, когда детектив вылез вчера из йанны с гелем. Барни удивился, но Лью объяснил:

– Думаю, тебе будет приятно иметь этот сувенир на память о первой встрече в ВР.

Барни взял иглу.

– Значит, вы следили?

– Только до того момента, когда вы вошли в виллу. Итак, Барни взял иглу, и его не оставляла мысль, что где-то в файлах Мантони хранится запись того, что произошло между ним и Эстеллой.

И вот сейчас он нехотя вставил иглу в порт Sony и с тревогой ожидал появления картинки. Интересно, как бы прореагировал Хол, узнай он, что его циничный, битый жизнью партнер встречается в виртуальной реальности с призраком Эстеллы? Поймет ли он, что после всех этих лет он, Барни, нуждается хоть в ком-то, что это компьютерное подобие Эстеллы для него дороже любой живой женщины, которая все равно не смогла бы сравниться с образом, сохранившимся в его памяти? Наверное, Хол сказал бы, что Барни должен больше бывать на людях, встречаться с женщинами и пытаться не делать неизбежного сравнения… и, возможно, Барни бы согласился… Потому-то он и мучается от чувства вины.

Но, черт подери, то, что произошло вчера в ВР, было так прекрасно!

Игла скользнула в гнездо, и экран наполнился светом. Восхитительный сад, трепет цветов, солнечные лучи, изумрудный газон. Казалось, место съемки или то, что можно назвать углом обзора камеры, располагается со стороны виллы и дает панораму всего сада. Барни увидел, как на дорожке мгновенно возник он сам: его более стройный и более молодой вариант. Он шел к беседке (Барни помнил – так и было), потом обернулся к вилле и вдруг побежал, споткнулся, чуть не упал и тянул, тянул к чему-то руки…

Эстелла вышла из виллы и попала в поле зрения – такая сияющая и полная жизни, но все же только эрзац, созданный инженерами из Мантони, который вчера был для Барни по-настоящему живым и реальным. Они соприкоснулись руками, и Барни вспомнил, какой теплой была кожа ее ладони. Он видел, как эти двое поднялись по ступеням, “камера” проследовала за ними в холл, где они сели и заговорили.

Барни был потрясен физической реальностью этой Эстеллы, но еще более поражала ее психологическая достоверность и сходство с той женщиной, которую он знал и любил тридцать пять лет. Четыре недели Лью и его команда составляли досье личности Эстеллы, ее привычек, взглядов, предпочтений, нелюбимых предметов. Лью выспрашивал о подробностях их

брака, о событиях, которые помнил Барни, с помощью этого каталога компьютер сумел снабдить эрзац-Эстеллу памятью о прожитых вместе годах.

Они говорили целый час, и Барни не покидало ощущение, что время повернулось вспять. Это действительно была Эстелла, какой она была двадцать лет назад. Он не заметил ни одного изъяна, ни физического, ни психологического. Снова и снова он повторял себе, что это не реальная личность, не его жена, но все чувства восставали против такого знания.

Это ощущение конфликта с самим собой заставило Барни задать вопрос:

– Эстелла, ты знаешь, где мы находимся?

– Конечно. Разве ты не помнишь? Ты же сам хотел перебраться в Калифорнию!

Барни был поражен изобретательностью Лью. Они частенько говорили с Эстеллой, что хорошо бы переехать из Нью-Йорка куда-нибудь на запад, и десять лет назад почти решились, но тут Эстелла получила повышение, и они остались.

И вот теперь, в виртуальной реальности, он переживал то, что могло бы случиться, если бы они тогда не передумали.

– Выйдем на пенсию, – мечтательно продолжала Эстелла, – будем бродить по пляжу, обедать в дорогих ресторанах…

Барни не рассчитывал, что эта встреча приведет к чему-либо интимному. Достаточно было просто побыть вместе, вспомнить прошлое. Но что-то такое в ее глазах подсказало ему: будет иначе!

И вот теперь он видел, как более молодой его вариант обнял Эстеллу. Они поцеловались, она взяла его за руку и потянула вверх по лестнице, в спальню. Барни окунулся в воспоминания о том, что испытал, когда они упали в постель и соединились. Как в самый первый раз, с той же остротой и страстью.

Он быстро переключил программу. Достаточно, что события следующего часа живут в его памяти.

Когда Барни вынырнул из желеобразной ванны, Лью сказал ему, что в качестве гонорара за потраченное им время и разрешение воспроизвести образ Эстеллы в ВР ему выделят час в неделю, который он сможет проводить с Эстеллой в их общем калифорнийском гнездышке.

Барни уговаривал себя, что это – вовсе не уход от реальности, просто еще одна разновидность развлечений, что благодаря ВР он станет более счастливым… Господи, лишь бы дождаться следующего сеанса в той ванне с гелем!

Дверь распахнулась, ворвался холодный ветер, по лестнице застучали шаги. Барни поднял глаза. Кейси, девчонка-беженка,

которая работала в лавке у Ким, заглядывала в его кабинку. На ней была засаленная розовая куртка, которую Ким отдала ей несколько месяцев назад.

– У вас клиенты, Барни. Спрашивали меня, где Клюгер и Холлидей. Два здоровенных парня в шикарной машине. Остановились возле прачечной.

Барни поставил на место Sony, сунул Кейси пятерку и вышел следом за ней на улицу. Машина оказалась последней моделью "линкольна". Огромная коричневая "дельта" с парой бугаев внутри. Барни поднялся по лестнице, открыл офис и уселся за письменный стол.

Ему совсем не понравились парни в "линкольне". Нечто в этой комбинации: дорогая "дельта" и два хлыща – навело его на мысль о добившихся успеха мелких гангстерах. Головорезы и рэкетиры – вот кто они такие. Будь Хол на месте, Барни чувствовал бы себя спокойнее.

Компьютер на столе засветился, долларовый значок в правом углу стал мигать. На экране появилась лестница, ведущая к офису. Те парни поднимались по ней с таким видом, как будто пришли по делу.

Один из пришельцев, белый коротышка, выглядел как боксер: стриженые волосы и лицо, которому пришлось встретиться не с одним кулаком, но которое выдержит и еще порцию. Второй был высоким негром не менее угрожающей внешности.

Белый постучал в матовое стекло двери и, не дожидаясь приглашения, распахнул ее… и в этот миг подвел экран. Изображение приближающихся быков вдруг затуманилось и погасло. Барни протянул руку и отключил экран. Оставалось надеяться, что поломка не помешает компьютеру записать встречу, да и тяжесть пистолета под курткой придавала кое-какую уверенность.

Он продолжал сидеть и смотреть на вошедших, которые остановились против стола. Потом чернокожий уселся в кресло, скрестил ноги и молча улыбнулся.

Белый продолжал стоять с мрачной физиономией.

– Барни Клюгер. Чем я могу вам помочь, джентльмены? – спросил Барни, переводя взгляд с белого посетителя на черного, который улыбнулся еще шире и указал на своего стоящего партнера:

– Мистер Куласски все объяснит, – насмешливо протянул он и подул на пару толстенных золотых колец размером с настоящий кастет.

Барни кивнул:

– Итак, мистер Куласски?..

Белый коротышка продолжал в упор разглядывать Барни.

– Как давно вы работаете в этой области, мистер Клюгер? – Голос у него оказался сродни лицу: неприятный и весьма потасканный.

Барни продолжал гнуть свою линию, хотя мысленно сказал себе: “Это будет не обычная твоя консультация”. В нижнем вцике стола есть баллончик с фризом… вот только успеет ли он до него добраться, если дело обернется совсем плохо?

– Дайте-ка подумать, – пробормотал он. – Стареют мозгин, знаете ли. Доживете до моих лет, сами увидите. Похоже, весной будет восемь лет.

– Ну и как идут дела, мистер Клюгер?

– Да, пожалуй, неплохо, если учесть все обстоятельства. Не жалуемся, знаете ли. Клиенты приходят, мы разбираем их случаи, работа делается.

– И каков, по вашим данным, процент раскрываемости и вообще положительных результатов?

А действительно, каков? – задумался Барни.

– Процентов семьдесят-восемьдесят, – соврал он. Ну кто, в самом деле, будет считать?

Кулласки утвердительно склонил голову, обводя глазами замызганный ковер и никотиновые пятна на стенах офиса.

– Вы ведь специализируетесь на поиске пропавших, так?

– Я вижу, вы навели справки. Но, знаете ли, мистер Кулласки, мы не ограничиваемся одной проблемой. Занимаемся также сопровождением, охраной, обычными расследованиями.

– Значит, “Разнообразные услуги, инкорпорейтед”, – прокомментировал визитер без тени сарказма.

– Ну, мы стараемся соответствовать, – пожал плечами Барни. – Большинство клиентов нами довольно.

Кулласки снова кивнул, потом перевел взгляд на своего улыбающегося партнера и бесстрастно заметил:

– Уверен, что довольны. Барни прочистил горло:

– Э… Так чем я могу вам помочь, джентльмены? Кулласки наконец сдвинулся с места, прошел к стене и привалился к окрашенной поверхности. Барни следил за ним взглядом, понимая, что одновременно теряет из виду сидящего гостя. Неприятная ситуация.

Кулласки внимательно разглядывал свой изуродованный ноготь.

– Насколько я понял, вы работаете над делом Найджерии, так?

Барни постарался скрыть удивление.

– Я не уполномочен обсуждать конфиденциальные сведения о

других клиентах, – отрезал он.

Кулласки посмотрел ему прямо в глаза.

– Послушайте, Клюгер, если вы занимаетесь этим делом, то советую вам быстренько его бросить, ну просто с гребаной скоростью. Pronto, pronto! Ясно?

Барни нашел в пепельнице последний дюйм старой сигары, неторопливо изучил его состояние и сунул в уголок рта. Потом занялся непростым делом разжигания своего окурка.

Выдохнув ядовитое облако и широко улыбнувшись собеседнику, он вежливо поинтересовался:

– Советуете… Правда советуете?

Глаза коротышки стали колючими, будто гвозди.

– В интересах вашего агентства поступить именно так, – бесстрастно произнес он.

– Скажите-ка мне, Кулласки, в чем состоит ваш интерес в деле Найджерии?

– Я и мой партнер… – Кулласки указал на сидящего негра, – мы представляем агентство, работающее на очень богатого клиента, друга Сисси Найджерии, он нанял нас ее разыскать. Второсортная конкуренция занюханных лавочек вроде вашей нам ни к чему, ясно, Клюгер?

– Ну, если мы и правда второсортная лавочка, то какая от нас конкуренция?

– Не желаем, чтобы всякие любители мутили воду. Дошло, папаша?

Барни помолчал, стараясь сдержаться, потом спросил:

– Сколько существует ваше агентство, Кулласки? Неделю, две? Вы что, никогда не читали Хартию нью-йоркских агентств по частным расследованиям? Вам следует ознакомиться со статьей 55, приложение о “неэксклюзивности” дел. На случай, если не читали, могу процитировать. Там говорится, что расследование любого совершенного в городе преступления не является эксклюзивной прерогативой какого-либо агентства или органа следствия, включая полицию Нью-Йорка. Другими словами так: мы работаем над этим делом, и нам насрать на вас и ваше агентство.

Кулласки бросил быстрый взгляд на своего молчаливого спутника, который продолжал невозмутимо разглядывать кольца.

– Похоже, Клюгер, ты не понимаешь. В твоих интерес сах бросить это дело, о'кей?

– Это угроза, Кулласки?

– Ну, если вы станете продолжать это дело, дружок, вам мало не покажется.

– Уверен, власти с удовольствием примут меры против ваших

угроз, когда получат доказательства…

Впервые за все время Куласски улыбнулся. Нечто, отдаленно похожее на веселье, расползлось по физиономии, явственно не приспособленной к подобным эмоциям. Зрелище получилось жуткое.

– Ну и где же эти гребаные доказательства, Клюгер?

Барни коснулся клавиатуры, открывая файл, регистрирующий ход этой встречи. Вывел его на стенной экран и забеспокоился: кто знает, как среагирует этот Куласски, когда увидит свои угрозы увековеченными для потомства?

По экрану поплыли хлопья снега. Барни проверил файл. Какие-то неполадки. Файл оказался пуст. Запись даже не начиналась.

Барни поднял глаза.

– Так что ты там говорил насчет доказательств, Клюгер? – Куласски достал что-то из нагрудного кармана пиджака. Маленькая серебристая коробочка вроде портсигара.

Барни постарался сохранить хладнокровие. Неприятно, конечно, выглядеть дураком, но ничего. Посмотрим, кто будет смеяться последним. Он всегда делал страховочную запись каждой встречи с клиентами, но Куласски об этом знать не обязательно.

Коротышка отлепился наконец от стены.

– Если ты или твой компаньон еще раз сунете нос в дело Найджерии, то оба пожалеете, что познакомились с моей милой мордашкой.

Барни расхохотался:

– Ты, конечно, думаешь, что я от страха обделался… Разумеется, ему следовало бы знать, что чернокожий не удовлетворится ролью пассивного свидетеля этой словесной дуэли. Краешком глаза он успел заметить движение в углу комнаты, но было поздно.

Гангстер с быстротой рыси обогнул стол, ухватил Барни за шею, сдавил и вытащил детектива из кресла. В следующее мгновение Барни почувствовал, как мощные руки прижали его к стене. Ноги болтаются на весу. Губы судорожно хватают воздух.

– Мне не нравится, когда оскорбляют моего партнера, мистер Клюгер. Это невежливо.

Последовал молниеносный, как бросок кобры, удар. Барни увидел раззолоченные костяшки, почувствовал резкую боль. Негр хмыкнул и отпустил свою жертву. Барни мешком свалился на пол.

Куласски с партнером неспешно двинулись к двери. Там белый коротышка обернулся и процедил:

– Можешь считать это гонораром. А если мы узнаем, что вы

крутитесь вокруг дела Найджерии, то добавим еще.

Они вышли из офиса, а Барни стал ощупывать лицо. Из носа текла кровь, но перелома, кажется, не было. Он с трудом поднялся на ноги. Колени дрожали. Барни достал платок и вытер лицо.

Ничего, он выживет, он видал кое-что похуже, куда как хуже. Тем не менее Барни был потрясен и понимал это. Он растянул разбитые губы в улыбке: эти подонки не представляют, с кем связались, если считают, что его так просто запугать.

Барни собрался с силами и вышел из офиса. Спустился с лестницы и помедлил у выхода. “Линкольн дельта” отъехал уже на полквартала и сейчас пробирался среди толп, снующих между киосками и забегаловками.

Черт подери, зачем Куласски хочет, чтобы он бросил дело Найджерии? Барни задумался: а вдруг это и есть тот самый перелом, которого он ждал?

Пожалуй, это надо отпраздновать кружечкой пива! Он вызвал из киоска Кейси. Она со страхом уставилась на заляпанную кровью рубашку.

– Эй, Барни, с тобой все о'кей?

– Все чудесно, золотко. Беги к Ольге и притащи мне украинского пшеничного, о'кей? – Он протянул ей десять долларов, разрешил оставить себе сдачу и смотрел, как она стремглав несется вдоль квартала, зажав в кулаке купюру.

– Эй, – крикнул Барни, – я буду наверху.

Сам себе улыбаясь, Барни повернулся и медленно поднялся по лестнице, возвращаясь в гостеприимное тепло офиса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Холлидей резко проснулся. Его разбудил сон. Снилось, будто Ким играет в голодраме, ее бюст и бедра раздались до дурацких размеров. Она все время подходит к краю площадки и в упор смотрит на Холлдея.

– А теперь ты любишь меня, Ход?

Он с содроганием очнулся. Гротескный образ померк. Холлидей протянул руку к Ким, желая поскорее вернуться к реальности, но постель оказалась пустой и холодной. Острота разочарования удивила его самого – он так хотел, чтобы она была здесь, рядом. Им не удалось поговорить со вчерашнего вечера, когда с ней сделалась истерика и она стала обвинять Холлидея, что он ее не любит.

Холлидей хотел заглушить будильник и только тут осознал, что разбудил его не сон, а сигнал интеркома. Достав его из кармана пиджака, Холлидей снова лег и отозвался:

– Холлидей слушает.

– Хол, – хриплым голосом пророкотал Барни. – Ты спишь как убитый. Быстро спускайся.

– Что случилось?

– Дело Найджерии начало двигаться, – сообщил он и отключился.

Холлидей нехотя вылез из-под одеяла и сразу замерз. Посмотрел на часы, оказалось, три по полудни. Мансарду наполнял бледный, безликий свет. Холлидей оделся, зашел в ванную и, пытаясь окончательно проснуться, плеснул в лицо ледяной водой.

Он лег на рассвете после того, как несколько часов составлял отчет для Симмонса. Рухнув в постель, сыщик вдруг отвлекся от бесконечных размышлений о деле и обратился мыслями к Ким, к собственным переживаниям на пляже в ВР. У него возникло впечатление, что встреча с виртуальным миром запустила в его разуме какой-то неисследованный механизм, и так давно похороненные воспоминания об умершей сестре снова поднялись на поверхность. И неизвестно, чего больше страшиться: внезапной и неудержимой волны отчаяния или вида призрачной Элоизы, когда она от него убегала.

А потом, как будто этого мало, он вспомнил еще и об убийце-латиносе и своем чудесном спасении в прошлую ночь. Холлидей стал уговаривать себя, что беспокоиться не о чем, в конце концов, враг считает его погибшим.

Холлидей поспешил вниз.

Барни сидел в кресле, подавшись вперед и не сводя глаз с деск-кома – настольного компьютера. Окурок сигары беспрестанно метался из одного уголка рта в другой.

– Садись, – торопливо бросил он. Холлидей посмотрел внимательнее:

– Эй, что случилось?

Барни коснулся своего носа, распухшего и красного.

– У меня были гости, около часа назад. Парочка горилл пыталась нагнать страху.

Налив на ходу кофе, Холлидей обогнул стол и уселся на диван-честерфилд.

– Ты-то как?

– Переживу. – Барни не сводил глаз с мутного образа на экране. Холлидей узнал интерьер офиса и различил две смутные фигуры напротив Барни. Это была не обычная контрольная запись, которую они делали при любых встречах с клиентами, а очень некачественная видеосъемка. Сейчас Барни прогонял ее через программу очистки изображения.

– Черт возьми, ты расскажешь, что произошло, или нет?! – с раздражением рявкнул Холлидей и сделал большой глоток кофе.

Барни развернулся в кресле.

– Час или около того назад заявились эти двое. Белый назвал себя Кулассси.

– Что им надо?

Барни перемотал кассету и поставил ее с начала. На экране появились громилы. Вот они входят в офис. Белый парень, Кулассси, что-то сказал. Слова сливались в неразборчивое бормотание.

– Проклятье! – Барни еще раз прогнал пленку через программу очистки.

– А почему на видео? – поинтересовался Холлидей. – Что с… – Он махнул рукой в сторону экрана.

– С этим мы разберемся, – буркнул Барни и переключил программу на работу через видеокассету. – Значит, этот Кулассси пытается отпугнуть меня от дела Найджерии, говорит, чтобы мы его бросили. Вот и все дела.

– А ты послал его в задницу, так?

Барни неопределенно поводил в воздухе рукой.

– Ну, не так экономно, Хол. Но я спросил, в чем их интерес. Ну, в общем, коротко говоря, они – частные детективы, по делу Найджерии работают на богатого клиента, а мы путаемся под ногами.

– Абсолютно непрофессиональное заявление.

– Вот именно. Значит, я зачитываю Кулассси статью Хартии

об этике, кусок о неэксклюзивности расследований. Он только отмахнулся, сказал, что, если мы не оставим это дело, он выбросит нас из бизнеса. Ну тут я и говорю: “Это угроза, которая не очень понравится комиссии, когда она получит доказательства”. Тут он развеселился и спрашивает: “Какие доказательства?” Я, значит, переключаю контрольную запись на экран, точнее, хочу переключить. Он повредил программу. – Барни улыбнулся. – Но эти скоты не рассчитывали, что у нас есть и старомодная видеозапись, ну не идиоты?

– А я-то хотел избавиться от нее еще несколько лет назад! Барни пожал плечами.

– Если мне удастся получить четкое изображение и саундтрек, мы сможем притянуть этих чучел к ответу.

– Ты проследил за ними? Барни покачал головой:

– Спешить некуда. – Он улыбнулся и потер нос. – Перед уходом черномазый решил оставить мне кое-что на память. Я и не заметил, как этот подонок подошел. Десять лет назад такого бы не случилось.

– Мы все не молодеем, – усмехнулся Холлидей. Барни снова занялся видеозаписью, пытаясь усилить видеосигнал и отфильтровать звуковую дорожку. Холлидей наблюдал, как Барни еще раз прогнал программу, и тогда комнату наполнил приглушенный, но вполне различимый голос:

– Похоже, Клюгер, ты не понимаешь, о чем я толкую. В ваших интересах не совать нос в дело Найджерии.

– Так, теперь мы их сцапаем, Хол! – потер руки Барни, скопировал кассету на видеоиглу и сунул ее в нагрудный карман рубашки.

Холлидей подошел к столу и включил экран на стене, Он вызвал полицейские камеры наружного наблюдения, размешенные в их районе, и установил время на десятиминутный интервал за час до настоящего момента.

Через секунду в помещение хлынул водянистый свет и виды улицы с точки обзора контрольных полицейских камер на фонарных столбах. Вывеска китайской прачечной указывала точку, где должны появиться на сцене незваные визитеры.

– Вот они! – воскликнул Барни и поспешил к столу. Он стал перед экраном и окурком сигары указал на Куласски и его компаньона.

Холлидей наблюдал, как оба парня пересекли тротуар и скользнули в коричневую “Линкольн дельту”, которая тут же тронулась от обочины и направилась к северу. “Линкольн” доехал до конца улицы и повернул направо.

Холлидей вошел в меню времени и места, и следующие

десять минут они с Барни наблюдали, как контрольные полицейские камеры ведут автомобиль, как он покидает Эль-Барио, въезжает в Бронкс, поворачивает в переулок и тормозит.

Парни вылезли из машины и зашли в трехэтажный дом.

Барни пощупал свой нос.

– Как ты насчет того, чтобы проявить вежливость и нанести нашим гостям ответный визит, Хол? Думаю, подошло время вернуть долг. Мы захватим с собой фриз и выясним, кто послал этих шутников.

Холлидей вооружился пистолетом и баллончиком с фризом, который он спрятал в рукаве. Барни сунул пистолет в подмышечную кобуру и вынул из ящика кастет. Время платить долги.

Они вышли из офиса, Холлидей сел за руль “форда” и направил его на север, в Бронкс.

Через пять минут он уже поворачивал в переулок. Остановившись и припарковав “форд” позади “линкольна”, Холлидей выглянул из окна и осмотрел вывески у подъезда. “Кулассси и Гейне. Охранное агентство” помещалось на третьем этаже. Они находились в нищем районе, населенном в основном безработными и беженцами. Временные обиталища бездомных загромоздили все тротуары. Шалаши из рекламных щитов, палатки из поликарбонной пленки, изорванной, лохматой и грязной… Мужчины, женщины, дети группами грелись вокруг горелок прямо посреди улицы. Холлидей, не поворачивая головы, чувствовал их враждебные взгляды. Он вздохнет свободнее, когда они получат что нужно от Кулассси и Гейнса и уберутся отсюда восвояси.

Барни закодировал свой наручный комп, чтобы изменить голос, и набрал номер, указанный на вывеске. Через секунду он произнес:

– Эй, приятель, ты Гейне?

– Ты кто, парень?

– Называй меня “друг”, у меня есть для тебя ценная информация.

– Кто говорит? – не унимался Гейне.

– В прошлом году вы неплохо помогли моей фирме, а знаешь, как говорят: долг платежом… Слушай, твоя девочка водит тебя за нос, ты в курсе?

– Молли? – растерянно спросил Гейне. – Эй, чтоб тебя! Ты кто?

– Я же говорю: друг. У меня и фотки есть.

– Ты где?

– Знаешь бар Бреслина? Пара кварталов отсюда. Я буду там.

Жду тебя через пять минут. О'кей?

– Чего ты хочешь, парень? Сколько за фотки?

– Это мы обсудим за пивом, ты как?

Гейне отключился. Барни кивнул, Холлидей выскользнул из машины, перелетел через тротуар и скрылся в подъезде. Перед ним оказалась вонючая лестница, к счастью, довольно темная. Холлидей поискал взглядом видеокамеры. Ни одной. Он поднялся на второй этаж, вошел на площадку и сделал вид, что поворачивает ручку двери в туалет. Через мгновение с третьего этажа донеслись шаги. Холлидей оглянулся. На верхней площадке появилась высокая фигура. Негр, очевидно, Гейне быстро скользил по ступеням.

Когда Гейне спустился с пролета и поворачивал на следующий, Холлидей обернулся и пробормотал:

– Простите…

Гейне нетерпеливо бросил: – Ну…

Холлидей быстро поднял руку, выпустил облако фриза прямо в удивленное лицо негра, задержал дыхание – самому бы не нанюхаться аммиачной вони, дотянулся до Гейса и схватил его за куртку. Потом распахнул дверь в туалетную комнату, втащил чернокожего бугая внутрь, открыл кабинку и сунул Гейнса на унитаз. Тот был неподвижен от области груди и вверх: мышцы лица болезненно стянуты, из глаз градом катятся слезы. Холлидей стянул с вешалки полотенце и обернул им голову пленника. Затем вышел на площадку и связался с Барни.

– Гейне готов, – отрывисто сообщил он.

– Иду, – отозвался Барни.

Через десять секунд Барни, задыхаясь, ступил на площадку. Холлидей указал на дверь туалета. Барни скользнул внутрь, Холлидей услышал короткий хруст, а затем удовлетворенное хмыканье. Вышел Барни, сунул в карман кастет и кивнул Холлидею.

Они поднялись на третий этаж.

Офис “Куласски и Гейне. Охранное агентство” был еще меньше и непрезентабельнее, чем их собственный. Дверь оказалась распахнута, и Холлидей увидел развалившегося в кресле Куласски, который жевал гамбургер и не отрываясь смотрел в экран подвешенного к потолку старенького компьютера.

Сыщик решительно шагнул в помещение, дружелюбно кивнул хозяину. Куласски сразу понял, что дело нечисто, вскочил и протянул руку, чтобы отключить экран, но до клавиш не дотянулся – Холлдей прыснул ему в лицо дозой фриза. Куласски издал придушенный хрип и повалился на пол, судорожно дрыгая

ногами.

Холлидей ботинком перекатил Куласски на бок, потом на живот. Выглянул из двери, кивком пригласил Барни. Присев на краешек стола, он поставил ногу на голову поверженного хозяина и спустил пониже древний компьютер. Пока Барни разбирался с бумагами на столе, Холлидей просматривал файлы. Время от времени Куласски издавал сдавленный хрип, пытаясь справиться с парализующим действием фриза, тогда Холлидей надавливал ногой чуть сильнее.

В файлах содержались сотни досье по различным делам практически за десять лет. В основном работа для двух охранников в местных компаниях, иногда перепадал заказ на телохранителя, изредка – слежка. Эта парочка была типичным примером неквалифицированных боевиков, которых нанимали из-за дешевизны для грубой, не требующей профессионализма работы. Чаще всего просто для устрашения.

Однако нигде не нашлось информации, что кто-то поручил им отпугнуть Клюгера и Холлидея от дела Найджерии. С другой стороны, такой заказ они могли и не заносить в компьютер.

– Ага, – наконец промычал Барни, не вынимая сигары изо рта. – Кажется, нашел.

Он склонился над открытой папкой и рассматривал обрывок бумаги с почти неразборчивыми каракулями.

Холлидей обошел стол и прочитал у него через плечо: “Клюгер и Холлидей. Вильсон-стрит” и ниже “Сисси Найджерия”.

Барни поднял глаза:

– Ну и что это нам дает?

– Такое впечатление, что записывали в спешке. Знаешь, когда диктуют по телефону или с компьютера…

Он подтянул компьютер поближе и открыл файл входящих вызовов. Просмотрел интервью с полудюжиной каких-то опустившихся типов, толкующих практически ни о чем, но наконец обнаружил кое-что существенное. Изображения не было, только звук.

– Чак, – произнес уверенный, хорошо поставленный голос. – У меня есть кое-что интересное. Может тебя заинтересовать.

– Я уже обратился в слух, Веллман.

– Это нужно сделать без свидетелей. Клюгер и Холлидей. Я хочу, чтобы они…

– Подожди, Веллман. Давай встретимся и потолкуем с глазу на глаз, все обсудим, о'кей? – На этом запись внезапно обрывалась, на нее набегала следующая.

– Черт подери, – сплюнул Барни.

Холлидей снова открыл файл с досье. Он набрал имя

“Веллман” и нашел с полдюжины упоминаний. Кулласки и Гейне работали на Веллмана около трех лет. Чаще всего слежка, негласное изучение отдельных лиц.

Холлидей открыл файл с финансовыми документами Кулласки и нашел, что искал. Месяц назад Кулласки подписал с “КиберТек и Веллман Индастриз” контракт на расследование в тысячу долларов.

– КиберТек, – пробормотал Барни. – Господи, там же работала Найджерия, так?

Холлидей утвердительно кивнул и вошел в Сеть, задавая поиск информации о КиберТек. Экран засветился буквально через мгновение. Холлидей подался вперед и стал читать.

– КиберТек, – стал рассказывать он. – Здесь говорится, что они являются ведущим предприятием в области кибернетических исследований и ВР-разработок. Секретность и все такое. Им принадлежат самые первые ВР-бары в городе. Главный офис расположен на Ривер-драйв, Арчвилл, округ Вестчестер. – Холлидей отключил экран.

Барни посмотрел на партнера.

– Так чего мы ждем? Давай поедем туда и нанесем этому мистеру Веллману визит вежливости, о'кей?

Перед уходом Холлидей проверил состояние Кулласки. Парень дышал ровно, но все еще сражался с парализующим действием фриза. Он оправится через час-другой, но дьявольская головная боль ему обеспечена.

Спускаясь, Холлидей навестил и Гейнса. Тот все еще сидел на унитазе; на белом полотенце, покрывающем голову, расползлось красное пятно – должно быть, Барни не промахнулся.

Вынырнув из здания прямиком в объятия ледяного ветра, Холлидей ощутил острый запах съестного из ближайшей тайской лавочки. Он взял для Барни копченых ребрышек, а себе жареного цыпленка и сел на пассажирское сиденье “форда”. Барни взял упаковку с едой, поместил ее между колен я отъехал от обочины. Он правил одной рукой, а другой совал ребрышки в рот.

Они двигались на север, прочь из Бронкса.

Холлидей довольно хорошо знал побережье Гудзона – район когда-то лесистых холмов и уединенных бухточек, где богатые строили загородные шале и держали прогулочные катера и яхты. Его отец тоже снимал домик в маленьком городке в пяти километрах к югу от Скарборо. Он помнил, как, спасаясь от спазматической заботы отца, убегал в лес и проводил долгие часы, обследуя окрестности. Разумеется, это было еще до того, как массовые болезни скосили деревья практически по всей Америке. На побережье, к северу от города и сейчас еще

сохранилось довольно много деревьев, но в основном мертвых, а те, которые только находились в процессе умирания, тщетно выбрасывая каждую весну молодые побеги и листья, давали лишь слабое представление о той красе, которую он помнил по детским годам.

Путешествие разбудит болезненные воспоминания об ушедшем.

Холлидей думал об Элоизе и решал, не навестить ли отца на Лонг-Айленде, не поговорить ли с ним всерьез. Идея совсем не привлекала его, однако, если привидение сестры будет продолжать являться ему, он смирится с любыми усилиями, лишь бы выяснить, что происходит.

Они двигались по федеральному шоссе № 87, проехали Йокерс и оказались за городом. По обе стороны дороги тянулись сотни гектаров мертвых и умирающих деревьев. Холлидей смотрел на тысячи стволов, прямых и голых, словно корабельные мачты.

Барни покончил с ребрышками, вытер губы и подбородок салфеткой и искоса взглянул на товарища.

– Ну и как тебе понравилось вчера в ВР-баре? Ким говорила, что поведет тебя.

– Великолепно. Мы прекрасно провели время. – Холлидей невесело рассмеялся. – Потом мы отправились домой, и она обвинила меня, что ее образ в ВР мне понравился больше, чем реальность. Ким сказала, что я не люблю ее.

– Ну, ты и сам говорил вчера, будто не знаешь, что чувствуешь к ней.

Холлидей рассматривал своего жареного цыпленка.

– Чувства меняются, – с трудом проговорил он, пытаясь вложить в слова нечто большее, чем простую констатацию факта. – Большую часть времени я просто не могу представить жизни без Ким, но иногда она меня просто бесит. Это любовь?

Барни покачал головой. Было видно, что мысли его далеко-далеко.

– Просто цени, что малышка так к тебе привязана, Хол. Цени, что получил ее, о'кей?

Холлидей ввел данные о Ривер-Драйв в компьютер “форда”. Через секунду на дисплее появились дорожные указатели.

– Нам сворачивать через два километра.

Солнце уже пустилось по наклонной дорожке, когда они сделали левый поворот и направились к западу, прямо в закатное небо, полыхающее кроваво-красными и оранжевыми облаками. Линия мертвых деревьев на горизонте казалась на этом фоне чередой горелых спичек.

Они добрались до прибрежного шоссе и снова повернули на север. Слева от них лежала просторная гладь Гудзона, темнеющего в близких сумерках. Время от времени какая-нибудь лодка ловила солнечный луч и загоралась на сером атласе реки, словно круглая золотая бусина.

По правую руку тянулись мертвые леса, придававшие пейзажу жуткий, апокалиптический оттенок. Они проехали мимо полудюжины загородных вилл. Их владельцы отправились на запад сразу после того, как первые взрывы рассеяли свою радиоактивную пыль над северо-восточным побережьем.

– Ривер-Драйв начинается за милю до Арчвилла, – пояснил Холлидей. – То есть в любой момент… “Форд” приблизился к перекрестку, и Барни сбросил скорость. Внизу, на широком изумрудном газоне раскинулось просторное одноэтажное здание медового цвета. Создавалось впечатление, что это недавнее сооружение, из тех, которые строились множеством молодых компаний, порожденных городом в последние годы.

Барни скатил “форд” с холма и затормозил рядом с серебристым треугольным щитом у начала подъездной аллеи: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В “КИБЕРТЕК И ВЕЛЛМАН ИН-ДАСТРИЗ”. МЫ – ПИОНЕРЫ БУДУЩЕГО.

Они свернули на дорожку и пересекли парковочную площадку. Фасад здания смотрел на мир длинной наклонной плоскостью темного матового стекла, создавая впечатление сдержанной замкнутости и уединения.

Детективы вылезли из машины и через скользящие двери черного стекла прошли в холл. Блондинка-администратор улыбнулась им и с ног до головы окинула быстрым оценивающим взглядом. На фоне совершенного дизайна фойе Холлидей сразу почувствовал, что неплохо было бы побриться и переодеться. Но к чести администраторши улыбка ее сохранила прежнюю искренность.

– Чем могу вам помочь, джентльмены?

– У нас встреча с мистером Веллманом, – пояснил Барни. Блондинка посмотрела на экран. Чуть заметная тень омрачила ее безупречные черты.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Клюгер и Холлидей, частные детективы. Мы прибыли, чтобы задать мистеру Веллману несколько вопросов по поводу неких незаконных действий, в которых он оказался замешан сегодня.

Она улыбнулась и снова занялась экраном.

– Минуточку, сэр.

Судя по ее бесстрастной реакции, Веллмана сплошь и рядом

могли обвинять в самых гнусных поступках.

– Боюсь, что в данный момент мистер Веллман находится на совещании.

– Мы с удовольствием поговорим с его заместителем.

– Это мистер Косинский. – Она повернулась и, понизив голос, заговорила в микрофон. – Мистер Косинский выйдет к вам через минуту.

Они шагали туда-сюда вдоль вестибюля. Барни вытащил из кармана куртки толстенную сигару и занялся нелегким делом ее раскуривания.

– С Косинским говори ты, Хол. Узнай, чем она у них занималась. – Он выдохнул облако ядовитого дыма. – А я пока погуляю.

Барни вернулся к гостеприимной блондинке:

– Которая здесь машина Веллмана, золотце? Женщина мигнула.

– Серебристый “Бенц”, но почему…

Барни проигнорировал вопрос, вышел наружу, подошел к “Бенцу” и, заслонив -глаза ладонью, заглянул внутрь.

Двумя минутами позже стройный парень лет двадцати в выцветших зеленых джинсах и черной футболке вынырнул из стеклянных дверей.

– Мистер Клюгер и мистер Холлидей?

Холлидей кивнул и представился, не вынимая рук из карманов куртки.

– Я – Джо Косинский. Э… вице-президент “КиберТек и Веллман Индастриз”. – Он пожал плечами. – Понимаю. Мне и самому это кажется несколько странным. Пройдемте в офис.

Косинский подбирал свои длинные, до плеч, волосы в хвост, завязанный чем-то вроде куска оптико-волоконного кабеля. А в профиль кадык его адамова яблока торчал не меньше, чем острый клюв горбатого носа.

Холлидей проследовал за ним в офис, одну стену которого занимало громадное окно в рабочее помещение, расположенное на нижнем уровне. За мониторами сидели ряды служащих. Противоположная стена была целиком занята множеством экранов, на которых в бешеном танце крутились чистые, первородные краски. Холлидей сумел различить кусочки странных ландшафтов, тающих в бесконечном водовороте цветов.

Косинский улыбнулся.

– Это прототипы будущих ВР-пейзажей, – объяснил он. – Вы бывали в ВР? Садитесь, пожалуйста.

– Вчера – первый раз. – Холлидей присел на широкий подоконник, повернувшись спиной к работающим на ниж” нем

этаже.

Косинский оторвал руки от колен и взмахнул ими характерным, нервическим жестом:

– Мне рассказывали, что впечатление просто поразительное!

– Вы имеете в виду, что сами никогда не…

Джо Косинский выглядел как студент-переросток или рассеянный молодой ученый; неловкость сочеталась в нем с несоциализированной приветливостью. Он уселся во вращающееся кресло, скрестил ноги и сделал выразительный жест рукой:

– Видите ли, я с этим вырос. Попал в ВР еще на нулевом цикле, поэтому с самого начала знаю все ее тайны. Для меня не было первого раза. Точнее, первый раз я попал в прототип ВР, настолько же реалистичный, как компьютерные игры конца прошлого века. Последние пять лет я практически живу в ВР, так что прогресс мне не заметен. – Он засмеялся и поднял худую руку. – Можно сказать, что ВР – это моя реальность. Как вы думаете, почему я такой тощий?

– А я думал, что в ВР нельзя за раз проводить больше двух часов.

– Между нами говоря, в общественных ВР-барах мы просто проявляем осторожность. На самом деле четыре-пять часов – абсолютно безопасный срок. Если дольше – появляются побочные эффекты: при возвращении ухудшается зрение, появляется тошнота. Я каждый день провожу в ВР предельно разрешенное время. – Он шлепнул обеими ладонями по коленкам. – Но это все обо мне. Чем могу вам помочь, мистер Холлидей? Сэлли что-то сказала о неправильном поведении Веллмана, так?

– Можно выразиться и так. У вас здесь работает одна женщина, Сисси Найджерия, правда?

Косинский пожевал губами и кивнул.

– Правильно. Я не знаю ее лично, но знаком с ее работой.

– Чем именно она у вас занимается?

– Она работает в команде дизайнеров и программистов. На самом деле она – свободный художник. Очень талантливая женщина!

– Что она разрабатывает и программирует? Виртуальную реальность?

– Ну, не непосредственно. Видите ли, она – специалист по системам распознавания и конденсации данных.

– И что это такое? Косинский мигнул.

– Как вам сказать… это связано с работой над машинным интеллектом, мистер Холлидей.

– Известно ли вам, что неделю назад она исчезла? Косинский

смущенно передернул плечами, точно факир, обнаруживший, что гвозди его ложа уж слишком остры.

– Э… понимаете. – Он все же кивнул. – На самом деле мне сказали, что она не появлялась уже несколько дней.

– И у вас нет никаких предположений, что с ней могло случиться?

Косинский замахал руками:

– Нет, нет! К сожалению, я ничего не знаю. Видите ли, я, конечно, вице-президент, но, между нами говоря, я плевать хотел на должность. Я работаю здесь потому, что люблю технологические проблемы, а вот с людьми… – Он замолчал и виновато взглянул на Холлидея. – Для меня это такая мешанина лиц…

Холлидей улыбнулся.

– Как прекрасно любить нечто чистое и рациональное, любить науку.

На лице Косинского явственно проступило облегчение и даже благодарность оттого, что Холлидей его понял. Он энергично закивал:

– Вот, вот!

– Люди временами действуют так нерационально. – Холлидей помолчал. – Какие у вас отношения с Веллманом, Джо?

– Э… Дело в том, что мы не так уж много общаемся. Видите ли, он ведает деловой стороной, людьми и дает мне возможность заниматься R amp;D, то есть одними только исследованиями.

– У вас нет никаких мыслей, зачем ему понадобилось нанимать громил, чтобы помешать мне и моему партнеру искать Сисси Найджерию?

Косинский сглотнул и покачал головой.

– Неужели он это сделал? Нет, видите ли, человеческие мотивы… нет, это не моя область.

– Веллман сейчас занят, не хочет с нами встречаться, так что передайте ему: мы не привыкли, чтобы нам угрожали, хорошо?

Косинский снова кивнул:

– Передам.

– Кроме того, передайте, что мы все еще ее ищем и либо найдем, либо выясним, что с ней произошло. – Он выудил из кармана куртки карточку. – Возьмите. Если услышите что-нибудь о Найджерии, что угодно: слухи, сплетни, какие-нибудь происшествия, словом, что угодно, позвоните, ладно?

Косинский взял карточку и, шевеля губами, прочитал надпись, поднял глаза и пробормотал:

– Никогда раньше не встречал частного сыщика.

– Значит, мы квиты, я тоже никогда не видел ВР-вундеркинда.

Раздался зуммер интеркома.

– Хол, Веллман только что уехал. Двигаем за ним.

– Спасибо, что уделили мне время, Джо, а теперь мне надо спешить.

Он покинул офис и выбежал в вестибюль. Серебристый “Бенц” как раз выворачивал с подъездной дороги на прибрежн ное шоссе. Барни уже сидел в “форде” рядом со входом.

Холлидей прыгнул на пассажирское сиденье, и машина рванулась с парковочной площадки. Барни отпустил “Бенц” метров на триста и начал слежку.

– Узнал что-нибудь от Косинского? Холлидей улыбнулся.

– Странный парень, слегка не от мира сего, но безвредный. Самый дурацкий вице-президент, какого я только видел.

– Ну и что он говорит?

Холлидей коротко передал ему смысл разговора с ученым.

– Утверждает, что почти ничего не знает о Найджерии, но у меня сложилось впечатление, что он не все мне сказал. Она не работает в ВР, по крайней мере не непосредственно. Специализируется по машинному интеллекту.

Барни хмыкнул.

– Ну, от Веллмана мы должны узнать больше, надо только его достать.

Задние габариты “Бенца” ярко светились в наступающей тьме, машина двигалась со скоростью примерно сорок миль в час. Барни прибавил газу и сократил дистанцию до тридцати метров. Холлидей почувствовал, как сердце застучало сильнее. Большую часть его работы составляла рутина, дела незамысловатые и легко прогнозируемые: пропавшие подростки, сбежавшие супруги и тому подобное. Разве такое может заинтересовать или заставить напрягать дедукивные способности? Загадка, составляющая самую суть этого дела, подсказывала, что здесь случай совсем иной.

Они проехали за Веллманом еще пять километров, а потом он свернул от берега на грязный проселок. Барни притормозил и повернул следом. “Форд” медленно полз в глубоких колеях. Дорога пошла вверх, петляя по склону холма.

Впереди, за частоколом мертвых деревьев, Холлидей разглядел огни большого здания, многоэтажной виллы, выходящей широкими окнами на далекую реку.

Вилла пряталась за высокой оградой из металлической проволоки с заостренным верхним краем и коваными железными воротами, которые как раз открывались, пропуская “Бенц”. Барни прибавил скорость, догнал его и пристроился в хвост в тот момент, когда “Бенц” заезжал во двор. Кто бы ни управлял

воротами, он попытался преградить “форду” дорогу, захлопнув створки у него перед носом. Барни выругался, когда металлические створки с размаху ударили по бокам автомобиля, и душераздирающе заскребли по корпусу. “Форд” резко затормозил прямо перед “Бенцем”, Холлидей распахнул пассажирскую дверцу и выскочил. Веллман был уже во дворе и что-то кричал в темноту справа от дома. Холлидей услышал бешеный лай и выхватил из кобуры пистолет.

Барни бросился к Веллману, расправив плечи и всем своим видом выражая воинственную решимость.

Президент компании, высокий худой мужчина в безупречном кремовом костюме и щегольском алом галстуке, явно дрогнул.

– Что вы себе позволяете, врываетесь, как… – начал было он, но Барни его оборвал:

– Помолчите, Веллман. Мне тоже не понравилась та парочка громил, которых вы послали ко мне.

В одном из окон вспыхнул свет. Стеклянная дверь скользнула в сторону, и в патио появилась темноволосая женщина в вечернем платье.

– Дорогой, – с тревогой позвала она, – у тебя все в… Веллман обернулся, коротко глянул на женщину и отрезал:

– Все отлично, дорогая. Я справлюсь.

Холлидей обнаружил охранника за минуту до того, как тот решил броситься в атаку. Охранник двигался по темному гравию подъездной дорожки, то и дело выдавая себя хрустом мелких камешков под ногами. Холлидей устроился поудобнее, сумев не насторожить охранника, и тот не понял, что сыщику известно о его приближении. Веллман тем временем говорил:

– Уверен, мы можем уладить это дело цивилизованным образом.

– Рад, что вы так считаете, – съязвил Барни. – Знаете, после сегодняшних событий уже хочется немного цивилизованности.

Охранник прыгнул, Холлидей развернулся и выбросил вперед кулак. Попал парню в грудь, удар получился так себе, скорее подействовала внезапность, а не реальный вред. Следующий удар Холлидея попал в челюсть, а когда охранник полетел вниз, завопив от внезапной боли, сыщик нацелил ботинок прямо ему в ребра – и не промахнулся. Поверженный противник корчился на земле, хватая ртом воздух и издавая нечленораздельные стоны. Холлидей повернулся лицом к Веллману, готовый схватить его за грудки и доставить на виллу под дулом пистолета.

Собака вцепилась в него внезапно, когда он на секунду потерял бдительность. Холлидей услышал угрожающий рык, а когда в панике развернулся, пес, обнажив мощные клыки, был уже

в полете. Сыщик услышал оглушающий грохот выстрела, пес сделал невероятный кульбит, в воздухе мелькнули лапы, поникшая шея, и зверь шлепнулся к его ногам. Он стоял и молча смотрел на мертвое животное, в почти комическом изумлении, но потом опомнился и занялся поиском других источников опасности.

Барни засовывал пистолет в кобуру.

– Слушайте, Веллман, эту проблему можно решить одним из двух способов. Либо мой партнер силой потащит вас в дом, а вы будете визжать и брыкаться и в таком виде предстанете перед своей хорошенькой женой, либо вы, как воспитанный человек, сами нас пригласите.

Веллман стоял спиной к дому, и струящийся оттуда свет не позволял разглядеть выражение его лица. Ответил он лишь через несколько секунд, и голос его выдавал смятение.

– Хорошо. Заходите. Но я занят…

– Мы тоже, – оборвал его Барни. – Нам надо задать вам несколько вопросов, а потом мы отправимся восвояси. О'кей, пошли!

Веллман развернулся на каблуках и, поправляя галстук и одергивая рукава своего кремового костюма, направился к вилле.

Холлидей догнал Барни.

– Неплохой выстрел, – похвалил Холлидей.

– Повезло, что я поглядывал в ту сторону. Ты – о'кей? Холлидей утвердительно мотнул головой и потер ободранные костяшки пальцев.

Когда они вошли в патио, женщина выбежала навстречу, обняла Веллмана и уставилась на Барни и Холлидея со смесью злобы и страха, но муж быстро подтолкнул ее к дверям.

Веллман провел их в длинную комнату, обильно декорированную фрактальными элементами Мандельброта. Холлидей вспомнил, что видел такое же оформление в офисе КиберТека. Он стал рассматривать Веллмана. Похоже, тот придавал настолько большое значение собственной внешности, что это граничило почти с манией. Холлидей обратил внимание на золотые кольца, изящные запонки, драгоценный камень в мочке левого уха.

– Я бы предложил вам выпить, – развел руками Веллман, – но у нас, кажется, кончилось спиртное.

– Мы явились не со светским визитом, – рявкнул Барни. – Ваш способ управляться с делами мне пришелся совсем не по душе. Вот я и решил прийти и заявить вам об этом. Весьма непрофессионально.

Пока Барни говорил, Холлидей обошел комнату, рассмотрел

украшения, голографические картины. Сыщик всей кожей ощущал напряжение хозяина.

– Куласски просто выполнял мой приказ, – осмелев, выкрикнул Веллман. – У моей организации достаточно мощи, чтобы…

– Веллман, – с ленивым терпением стал объяснять Барни, – не пытайтесь запугать меня таким дерьмом. Если вы еще раз попробуете выкинуть подобный трюк, я напущу на вас полицию за действия, препятствующие осуществлению правосудия, ясно?

– Ваше слово будет против моего, и только, Клюгер.

– Да-а? – насмешливо протянул Барни.

Холлидей следил, как Барни вынул иглу из нагрудного кармана и бросил ее Веллману. Тот неловко, у самого подбородка, поймал ее и затравленно посмотрел на сыщиков.

– Я записал встречу с Куласски на видео. Если вы только пальцем пошевельнете, копия тотчас отправится к властям.

Веллман опустил наконец иглу, сунул ее в карман и нервическим жестом одернул манжеты.

– Полагаю, в данных обстоятельствах, джентльмены, – с трудом выдавил он, – мне следует принести вам свои извинения…

То, как этот человек выбирал слова – наверное, с не меньшей тщательностью, чем одежду, – направило мысли Холлидея по ложному пути.

– В задницу гребаные извинения! – оборвал его Барни. – Интересно, за кого вы нас принимаете? С чего вы решили, что можно послать к нам громил, объявить свои требования и считать, будто мы сложим лапки и отправимся играть в фантики?

Холлидей переместился по комнате так, чтобы оказаться в паре метров от хозяина, и присел на подлокотник кресла из натуральной кожи.

– А что с Найджерией? – спросил он.

Веллман сглотнул. Холлидей пристально рассматривал его мимику и заметил, что на лице собеседника заблестели капельки пота.

Барни продолжал:

– Почему вы хотели, чтобы мы бросили это дело?

– Может быть, вам известно что-либо, чего мы не знаем? – поддержал товарища Холлидей. – Вы знаете, где она? Вы виноваты в ее исчезновении? – быстро спрашивал он.

– Нет! Разумеется, нет! Дело вовсе не в этом…

– А в чем, Веллман? – подался вперед Барни.

– Я… Когда она исчезла… Я отдал распоряжение внутренней группе расследований навести справки. Не хотел, чтобы сведения

о ее исчезновении просочились наружу.

Холлидей и Барни обменялись взглядами.

– А почему? – поинтересовался Барни.

– Потому что я… – Он взглянул на Холлидея. – Не возражаете, если я присяду? – Веллман сделал рукой жест в сторону высокого табурета у пианино-синтезатора.

Холлидей кивнул:

– Располагайтесь как дома.

Веллман, будто в изнеможении, влез на табурет.

– Найджерия занималась весьма специализированной областью деятельности. Она очень талантливый инженер. Мы высоко ценим ее вклад в некоторые продукты КиберТек.

– Она занималась машинным интеллектом, так? – вставил Холлидей.

Веллман с удивлением на него уставился:

– Кто вам сказал? Подразумевается, что это информация ограниченного доступа, для служебного пользования.

– У нас свои источники информации, Веллман, – подал голос Барни. – Продолжайте.

– Не знаю, понимаете ли вы, джентльмены, насколько революционной работой мы занимаемся у себя в КиберТек. – Он помолчал. – У нас имеются проекты, на много лет опередившие сходные достижения конкурентов.

– Машинный интеллект? – спросил Холлидей. Веллман вытер лоб красным платком.

– Это только одна из областей наших исследований. Ее" и другие, в которых Найджерия тоже участвовала. И разумеется, когда она исчезла…

– Вы опасались самого страшного, так? – предположил Холлидей.

Веллман кивнул.

– Она владеет бесценными секретами, просто бесценными. Если они попадут в руки конкурирующих компаний… – Он с отчаянием тряхнул головой. – КиберТек будет отброшена на Десять лет назад. Наши акции превратятся в дым.

– Вы решили не обращаться в полицию? – поинтересовался Холлидей.

– Да, решили, что лучше провести сначала собственное расследование.

– Как вы считаете, что с ней случилось? – задумчиво проговорил Барни.

Веллман безнадежно махнул рукой.

– Откуда я знаю. Разумеется, есть несколько вариантов…

– Например?

– Ну, самое простое: конкуренты могли заплатить, чтобы ее уничтожили. Такую вот она имела для нас ценность. Но, честно говоря, это маловероятно. Живая, она имела бы для них большее значение, чем мертвая.

– Значит, вы полагаете, кто-то ее похитил?

– Я и сам не знаю, что думать. Это представляется весьма и весьма возможным. Или она могла добровольно перейти к нашим соперникам, продать секреты и исчезнуть.

– Вы ее достаточно хорошо знали, чтобы понять, способна ли она на такое? – продолжал допрос Барни.

Веллман пожал плечами:

– Я, конечно, неплохо ее знал и считаю, она не пошла бы на предательство, но с другой стороны, я полагаю, что любой имеет свою цену.

– А ваше внутреннее расследование, – спросил Холлидей, – оно что-нибудь дало?

– Нет. Ничего. Абсолютно ничего. – Он помолчал, рассматривая Барни и Холлидея. – Я слышал, вас наняла Кэрри Виллье, чтобы расследовать пропажу Найджерии. Но я боялся, что вам платят конкуренты.

– И потому решили нас отпугнуть, – закончил Барни, покачав головой.

– Теперь я вижу: это было ошибкой, – пробормотал Веллман, а Холлидею подумалось, что в его тоне проскользнула хорошо рассчитанная льстивость. – Возможно… – Веллман помолчал, размышляя. – Оглядываясь назад, я думаю, мне, возможно, стоило попробовать откупиться от вас?

Холлидей бросил взгляд на Барни.

– Если нас наняли, – раздельно проговорил Барни, – мы продолжаем работать, пока дело не закончено. Я никогда не позволял от меня откупиться и не собираюсь начинать сейчас.

Веллман поджал губы и кивнул.

– Тем не менее у меня есть другое предложение, – продолжал Барни.

Взгляд Веллмана метался между Холлидеем и Барни.

– И какое?

– Вы будете нам платить, а мы будем на вас работать. Вы узнаете все, что мы обнаружим по делу Сисси Найджерии. Так вы можете быть уверены, что информация останется у вас.

– Откуда я могу знать, что вы не работаете на кого-нибудь из конкурентов? Мантони или Тайдмана?

– Разве ваши дознаватели сообщали, что мы работаем на другую компанию?

– Разумеется, они проверяли, но ничего не обнаружили.

– Потому что мы работаем на Виллье, и только на Виллье, – отрезал Барни. – Даю вам мое слово, насколько бы вы его ни ценили.

Веллман не отвечал, растягивая молчание, размышляя и оценивая ситуацию.

– Каков ваш гонорар, мистер Клюгер?

– Вполне разумный. Пятьсот долларов в час каждому плюс расходы.

– Это довольно быстро составит солидную сумму.

Барни улыбнулся:

– Спишите ее на R amp;D – исследование и развитие производства.

– Пятьсот долларов в час каждому плюс накладные расходы, а вы предоставляете мне ежедневный отчет. Если вы наткнетесь на что-либо, касающееся работы Найджерии в моей компании, то не имеете права сообщать ее никому, кроме меня, это понятно?

– Четко и ясно.

– Вам требуется подписанный контракт?

– Вы не поверите, – улыбнулся Барни, – но некоторым клиентам мы доверяем. Я буду присылать вам счет с подробным отчетом о расходах каждые три дня.

Теперь улыбнулся Веллман.

– Я не мог и рассчитывать, что наша беседа закончится соглашением о найме, – заметил он. – Может, я все-таки найду что-нибудь выпить, если вы, конечно, ко мне присоединитесь.

– Уже поздно, мистер Веллман, а нам еще нужно работать, – ответил Барни. – Еще одна вещь. Куласски и его напарник… Я думаю, они очень недовольны, что мы их сегодня заморозили. Будет неразумно, если они решат рассчитаться, ведь мы теперь по одну сторону баррикад.

Веллман утвердительно кивнул:

– Не беспокойтесь, джентльмены. Я с ними поговорю. Барни шагнул к окну в патио, Холлидей шел рядом. У самого выхода Барни обернулся и пробормотал:

– Сожалею, что с собакой так вышло…

Веллман не двинулся с места и не сказал ни слова, пока они не скрылись из виду.

Холлидей тоже молчал и заговорил только в машине:

– Ну и что ты об этом думаешь?

Барни положил руки на руль и развернулся на подъездной дорожке.

– Думаю, он говорил правду. У него задница трясется от страха, что какие-нибудь секреты попадут к конкурентам. Насколько я понимаю, у нас беспроигрышная позиция, Ход. Он

может все потерять, а мы только выиграть.

Барни вырулил на прибрежное шоссе и направил машину к городу – к Нью-Йорку. Холлидей решил позвонить Ким и повести ее куда-нибудь поужинать. После ночных разговоров он хотел с ней объясниться и удостовериться, что у них все по-прежнему, все нормально.

А потом, несмотря на данное Ким обещание, он отправится в город и побеседует с завсегдатаями бара “Пена” о Сисси Найджерии и Кэрри Виллье.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Холлидей просидел в баре “Пена” почти до утра, все время заводя с различными женщинами разговоры о Найд-жерии и ее любовнице. Ничего существенного он так и не узнал, просто выяснил, что Сисси строго разделяла общение с “сестрами” и свою профессиональную жизнь. Она лишь изредка и мимоходом упоминала о сотрудничестве с Кибер-Тек, что, в общем, естественно для человека, работающего на переднем крае новой технологии.

На сей раз Длиннолицая не стала учинять ему допрос, да и маленькая Мисси Стальная Клешня тоже не появлялась, а он надеялся расспросить ее о похищенной той ночью обойме. Вообще-то Холлидей не думал, что девчонка как-то связана с латиносом, но чего на свете не бывает.

Пораньше вечером он повел Ким в маленькое итальянское бистро недалеко от офиса, и они поболтали, угощаясь лазаньей и запивая ее бутылкой кьянти. Ее прежнее, настроение испарилось без следа. Ким выглядела вполне беззаботно, с энтузиазмом рассказывала ему о задуманной бизнес-экспансии: еще двух точках в соседнем квартале, – и Холлидей отлично понимал, что нет смысла возвращаться к ее истерике прошлой ночью. Он чувствовал облегчение, но одновременно и беспокойство оттого, что она даже не упомянула об этом инциденте, о своих слезах, не извинилась и вела себя так, словно не помнила о том, что между ними произошло.

Довольный, что их отношения снова выровнялись, Холлидей отвел Ким в мансарду и отправился в город.

Было почти четыре утра, когда он наконец вышел из “Пены” и медленно поехал к Вашингтон-сквер, сам не понимая, зачем это делает. Он свернул на площадь и припарковал “форд” под деревьями напротив Солано-Билдинг.

Соседнее здание перестроили в соответствии с новой модой: теперь его голографический фасад выглядел как мраморная вилла с колоннами времен рабовладельческого Юга. По сравнению с ним Солано-Билдинг со своими исчерканными граффити стенами казался темным, закопченным и почти зловещим. Холлидей прочитал одну из надписей: “Ви-рекс против виртуального империализма!” Интересно, что это значит?

На улицах было по-прежнему многолюдно. Народ валом валил из ресторанов и баров, группы студентов околачивались на перекрестках. Несколько стариков собрались на площади поиграть в шахматы на старых бетонных столах вокруг печки.

Беженцы и бездомные кучами спали под деревьями.

Повинуясь непонятному импульсу, Холлидей вылез из машины и пошел через площадь к игрокам за шахматными столиками. Земля под ногами сверкала изморозью, а дыхание вылетало изо рта облачком пара, похожим на нарисованный пузырек в комиксах, куда надо вписать фразу.

Худенький чернокожий мужчина сидел, кутаясь в тяжелое зимнее пальто и обхватив обеими ладонями кофейную кружку.

– Эй, парень, в шахматы играешь? – хрипловатым голосом поинтересовался он.

– Не очень хорошо. Человек рассмеялся.

– Ну, я тоже не очень. Как насчет партии? На десять долларов…

Холлидей присел и вынул банкноту. Мужчина установил часы на пятиминутный матч, и вскоре Холлидей уже попал в неприятности: за четыре минуты ему поставили шах и мат. Он пожал сухонькую, морщинистую руку противника и спросил:

– Вы здесь все время? Негр усмехнулся:

– Черт подери, я практически живу здесь, сэр.

– Не видали в прошлую ночь моего приятеля? Кубинец, длинные черные волосы, вот здесь шрам?

Шахматист нахмурился и поглубже нырнул в свое пальто.

– Не помню такого, парень. И вообще стараюсь держаться от них подальше. Еще партию?

– В другой раз, о'кей?

Холлидей прикрыл глаза. Перед мысленным взором возникло видение: вот он играет в шахматы с сестрой – Элоизой, и, как всегда, проигрывает. В этот момент ему показалось, что кто-то вскрикнул, и Холлидея вдруг охватило давешнее чувство всепоглощающей тоски, высасывающая душу боль, которая, казалось, не имела ни причины, ни источника.

Он огляделся, почти готовый увидеть, потом встал и заспешил через окаймленную деревьями площадь, абсолютно уверенный, что заметит некое мимолетное движение, какую-то тень вдали. И вдруг резко остановился.

В пяти метрах от него, не более, стояла и смотрела сквозь ледяную ночь она, Элоиза.

Она была все такой же, какой он помнил ее все эти годы: очень тоненькой и бледной, как лилия. Хрупкая, большеглазая, она напоминала какую-то актрису былых времен, Фей Рей, что ли? В детстве он видел фильм “Кинг Конг”, и сходство героини с сестрой поразило его больше, чем страх перед чудовищем.

Она была одета в короткий белый халатик, и хотя Холлидей сознавал, что это только галлюцинация, но какой-то

иррациональной частью своего мозга он ощущал беспокойство оттого, что она так неуместно одета этой морозной ночью.

– Элоиза?

Она улыбнулась. А потом, к его неописуемому удивлению, заговорила:

– Привет, Хол! Как дела?

– Я… – Она казалась такой реальной, что он огляделся вокруг, как будто надеясь убедиться, что другие рядом с ним тоже видят это дитя. Несколько беженцев действительно уставились на него, но другие прохожие спешили мимо, не желая встречаться взглядом с идиотом, который разговаривает сам с собой.

Он шагнул ей навстречу и остановился. Она выглядела такой реальной, такой настоящей! Светлые волосы изящными короткими локонами облегали голову…

Она поставила каблучок красной туфельки на носок другой и, казалось, внимательно их рассматривала, время от времени бросая на Холлидея быстрый взгляд огромных голубых глаз.

Он хотел броситься к ней, обнять, но понимал, что образ от этого сразу развеется.

– Почему ты здесь, Элоиза? Что ты делаешь?

– Но ты же знаешь! Ты сам меня позвал.

– Я? Я позвал? Как? Она хихикнула в кулачок.

– Откуда я знаю как, дурачок! Позвал, и все.

Он рассматривал ее во все глаза. Когда она умерла, он был вдвое старше ее – четырнадцать лет, – по мнению отца, почти мужчина. И очень близок со своими сестрами-близняшками. Они были еще слишком маленькими, чтобы возникало соперничество, и в то же время достаточно взрослыми, чтобы оценить его жизненный опыт.

– Что случилось, Элоиза? – шепотом спросил он.

– Ты имеешь в виду пожар? Что случилось на пожаре?

Холлидей кивнул. Пожар он помнил. Мысленным взором он видел пламя, взметнувшееся над родным домом вместе со всем, что было ему дорого, но он не мог вспомнить ни одного конкретного эпизода этого драматического дня. Он знал, что в них кроется ключ к воспоминаниям, которые сознание подавляло все эти годы.

– Я не могу тебе рассказать, дурачок, – пропела Элои-за. – Я не могу этого помнить, ведь так? – Она посмотрела на него с внезапной серьезностью. – Ты должен спросить папочку и Сью, спросишь?

Сказав это, она повернулась и пошла прочь. Он бросился следом, побежал. Но все было как во сне: он гнался за ней, но не догонял, двигался медленнее и медленнее… Он видел, как

призрачное дитя несется с неестественной скоростью и наконец скрывается за толстым стволом дерева. Хол-лидей рванулся вперед, подбежал… и застыл в неподвижности. Она исчезла.

Он стоял посреди заледеневшей площади, в бессмысленной мольбе протягивая руки в пустоту и чувствуя на себе враждебные взгляды бездомных. Наконец он очнулся и пошел через площадь, отыскивая глазами машину. Забрался на водительское сиденье, включил обогреватель на полную мощность и, согреваясь, стал думать: неужели он сошел с ума? В виртуальной реальности что-то произошло с его головой. Что-то проникло туда и растревожило память, глубоко похороненную в подсознании. Потом задумался над тем, что посоветовал призрак, механическим движением завел мотор “форда” и заметил, что уже движется по городу с некоей целью, прибавляет скорость на мосту Квинсборо, въезжает на Лонг-Айленд, несется по шоссе № 495 через Квинс. Далеко к югу сияло облако света над аэропортом Джона Фицджеральда Кеннеди. Еще выше огни снижающихся самолетов составляли причудливый светящийся лабиринт. Целый час он ехал по этому шоссе и не встретил ни одного автомобиля. Холлидей прибавил скорость и откинулся на сиденье, слушая по радио негромкую классическую музыку.

Прошло много лет с тех пор, как он в последний раз ехал этим путем, но когда они с отцом договаривались о встрече, Холлидей настоял на ресторане, чтобы только не появляться в доме. Естественно, дом уже был другим, после пожара его перестроили иначе, но в том же стиле. Холлидею никогда не нравилось жить в нем. Новый дом казался самозванцем, в нем не было очарования того, прежнего жилища. Новое дерево, оседая, скрипело и стонало, а он приписывал это прогулкам неуспокоившегося духа.

По шоссе № 97 он свернул к берегу, а через двадцать минут сбросил скорость, проезжая мимо Блю-Поинт и череду дорогих вилл, выходящих фасадами к морю. Его отец жил в трех километрах дальше по побережью, у заросшей травой дороги, которая упиралась в дюны у самого уреза воды. Последние мили Холлидей буквально полз, как будто его разум не желал осуществлять то, что наметило подсознание.

Дом появился внезапно, и сначала Холлидей не поверил, что это узкое, строгое здание – тот самый дом, где он провел последние три года своей юности. Должно быть, дом снова горел и его опять перестроили. И выглядит он куда меньше, чем прежде…

Холлидей поставил “форд” на другой стороне улицы и остался сидеть, рассматривая дом и пытаясь под этими мрачными

линиями уловить контуры другого, давно умершего жилища, где ребенком он играл со своими сестрами.

Над морем появилось солнце, и небо на востоке побледнело, превратив дом в зловещий, четко очерченный силуэт на серовато-золотистом фоне. Холлидей все ждал, что внутри появится хоть какой-нибудь признак жизни. Его отец, привыкнув к военному распорядку, всегда вставал очень рано. Вот и сегодня ровно в шесть часов на первом этаже вспыхнул оранжевый прямоугольник. Холлидей подождал пять минут, затем еще пять и наконец заставил себя выйти из машины.

Он прошел по неогражденному ухоженному газону, но так и не решился позвонить с парадного крыльца, а потому обогнул дом и пошел к черному ходу, как будто это могло сделать визит менее формальным. На углу он помедлил, оглядел сад и нашел глазами старинный дуб, на который часто забирался в детстве. Он любил это дерево, чувствовал, как близка ему душа могучего зеленого исполина, но, разумеется, не умел выразить словами свои ощущения и предпочитал о них помалкивать.

Теперь дуб был мертв. Холлидей медленно пошел к дереву, словно скорбящий друг к могиле близкого человека. Дуб все еще возвышался над садом, поражая своими величественными размерами, но ствол его расщепился, а многие ветви, одряхлев и размякнув, обломились и сейчас устилали землю.

Как явственно Холлидей помнил игры в зеленой чащобе кроны! Элоиза и Сью носятся по саду, а он прячется в непроницаемом, густом переплетении веток… Он всегда почему-то больше любил Элоизу. Без всякой причины, только с чувством вины, которое не развеялось по сей день. Его сестры, двойняшки, были совсем не похожи: Элоиза – высокая для своих лет и светловолосая, а Сью – маленькая и темная. Холлидей очень хотел одинаково любить обеих, но неизменно предпочитал Элоизу, несмотря на то что Сью остро чувствовала несправедливость, и это его очень расстраивало.

Внезапный крик вывел его из задумчивости.

– Черт возьми, что ты делаешь на этом холоде? – Такова уж была манера его отца – даже искреннюю заботу маскировать поучением.

Холлидей развернулся и пошел к дверям. Отец уже вернулся в дом. Холлидей поднялся по ступеням и вошел внутрь.. Вспомнив, о чем ему предстоит расспросить отца, он почти потерял дар речи и даже сейчас не исключал возможности, что просто извинится за нежданный визит и побыстрее уедет.

– Легко добрался?

Интересно, это упрек, что он так долго здесь не был?

Холлидей пожал плечами:

– На дороге пусто. Еще очень рано.

– Налей себе кофе и пошли в гостиную, – пробурчал отец и исчез за дверью.

Холлидей огляделся. Налить себе кофе – почти непосильная задача, на самом деле ему хотелось выбежать прочь из кухни и уехать в город.

Но он вспомнил об Элоизе и о том, что говорил ее призрак, отыскал чашку, налил из кофейника кофе и пошел с ним в гостиную. Она мало изменилась с тех пор, как он жил здесь. Изысканная, слегка мрачноватая атмосфера fin de siecle создавала впечатление музейной экспозиции. Холлидей осмотрел комнату внимательнее, но так и не обнаружил современных усовершенствований: никаких компьютеров или стенных экранов. Единственной данью эпохе был маленький переносной экран телекома на кофейном столике перед древним газовым камином.

Да и сам отец, подобно этой комнате, совсем, кажется, не изменился. Он восседал в кресле с прямой, высокой спинкой. Худой, седой и несгибаемый, словно лезвие стального меча.

Холлидей присел на краешек дивана и отхлебнул кофе.

– Если ты приехал насчет того дела, о котором говорил вчера… – начал отец.

Холлидей покачал головой. Молчание затягивалось. Ему хотелось спросить у отца, чем он, его сын, так разочаровал своих родителей. Только тем, что не стал служить на флоте? Но он рано понял, что его предназначение – действовать в качестве индивидуальности, отдельной личности, а не безымянной частицы вооруженных сил. Он проучился два года в юридическом колледже, но учеба его не занимала. Он бросил это дело и, видимо из духа противоречия или чтобы шокировать своего отца, подал заявление в полицейский департамент Нью-Йорка. Но скорее всего мотивы были все-таки иными. Два года бессмысленных занятий разбудили в нем жажду действий, а полиция казалась потенциальным источником приключений.

И естественно, ни его отец не был так уж поражен, ни жизнь нью-йоркского полицейского не оказалась такой уж волнующе интересной.

Когда пять лет назад Холлидей уволился и стал сотрудничать с Барни, это дало его отцу повод проворчать:

– В полиции ты по крайней мере служил обществу.

– А в агентстве мы занимаемся розыском пропавших. В полиции я делал то же самое.

– Но теперь ты будешь делать это для тех клиентов, которые платят, – возразил отец. – Только для тех, кто в состоянии

заплатить.

– Кроме того, мы будем разбирать старые случаи, на которые полиция махнула рукой.

В этом месте диалог прервался, потому что отец перестал слушать. С его точки зрения, он уже выиграл спор. В очередной раз он сумел доказать никчемность своего сына.

Холлидей поднял глаза от кофейной чашки.

– У меня стали появляться галлюцинации, – бесстрастно, словно разговаривая со стеной, сообщил он, не задумываясь над тем, как среагирует его отец. – Вот уже пару дней мне является привидение.

Отец подался вперед, и Холлидею показалось, что в голосе его мелькнула тень беспокойства.

– Но ты ведь не болен, а, Хол?

– Со мной все нормально. Очевидно, я очень долго подавлял какую-то мысль, похоронил ее в подсознании. И вот теперь она вырвалась наружу. Я вижу Элоизу.

– Так я и знал. Так и знал, что это из-за нее. Холлидей посмотрел отцу прямо в глаза.

– Что произошло? Что случилось в тот день?

Его отец поджал губы, как древняя черепаха, не желающая отвечать ни на какие вопросы, но все же проговорил:

– Я же тебе сказал… Мне больно вспоминать. Не хочется думать, что… – Он замотал головой с болью и недоумением. – Как ты мог?!

– Потому что мне надо знать! Неужели ты не понимаешь, что для меня ее смерть – не меньшее горе, чем для тебя?

– Не знаю. Как можно измерить горе?

Холлидей не ответил. Не мог заставить себя даже рот открыть. Молчание все тянулось.

– Папа! Что тогда случилось? Расскажи мне, прошу тебя!

Отец непроницаемо посмотрел на него через всю комнату, и Холлидей вдруг понял, что свои яркие голубые глаза Элоиза унаследовала именно от него.

– Неужели ты ничего не помнишь, Хол?

– Никаких подробностей. Просто помню, что был пожар, а потом, уже через много дней, ты сказал мне, что Элоиза погибла.

Отец задумчиво кивал головой.

– Я.. Я часто размышлял, что же ты все-таки помнишь… Никогда не мог заставить себя спросить. Не хотел будить воспоминания, боль… ни в тебе, ни в себе.

– О самом дне я не помню абсолютно ничего. Сохранился только образ, образ горящего дома.

Отец долго молчал, но Холлидей почему-то понял, что он

собирается продолжать, собирается объяснить ему, что же произошло здесь много лет назад.

Наконец старик произнес:

– Тогда взорвался газ, Хол. Мы ничего не могли сделать, чтобы предотвратить это. Совсем ничего. Может быть, если бы я был на месте… Не знаю… Я ушел в магазин, а тебя оставил за старшего. Помню, что, когда уходил, ты играл в шахматы с Элоизой. Она, как обычно, выигрывала. Близнецам только что исполнилось семь лет, и Элоиза чертовски хорошо играла. – Он сидел, выпрямив спину и крепко ухватившись за подлокотники, как будто кто-то намеревался его вытащить из кресла. – Я услышал взрыв, когда уже возвращался. И знаешь, не обратил никакого внимания… Откуда я мог знать? Даже когда увидел над крышами столб дыма… А потом до меня вдруг дошло, что это может быть наш дом, я понесся как сумасшедший. Но даже не успев повернуть за угол, я уже знал.

Он замолчал и сглотнул. Руки его тряслись. Холлидей отвел глаза, стал смотреть сквозь кружевные занавески на улицу. Отец продолжал:

– Я увидел… Сюзанна лежала на газоне… Сначала я думал, что она мертвая. Она была вся в крови. Левая нога сломана в трех местах. А потом я нашел…

– О'кей. Можешь не продолжать. – Значит, в этом и кроется причина многолетней неприязни его отца? Его, старшего, выбросило взрывом из дома, и он практически не пострадал, а Элоиза погибла.

– Нет, ты не понимаешь, – не отступался отец. – Когда я нашел Сюзанну, я побежал к дому. Думал, что вы с Элоизой… Я думал, что вы еще в доме. Полдома снесло взрывом, а вторая половина горела. И тут я увидел тебя. Ты спускался по лестнице среди развалин, весь в крови и ссадинах, а на руках ты нес Элоизу.

Холлидей почувствовал, как забилось сердце. Он пытался вспомнить! Ничего не хотел так сильно, как вернуть пережитое. Но в сознании по-прежнему всплывал единственный образ – горящий дом, если смотреть на него снаружи, с газона.

– Ты спустился с лестницы, вынес ее на руках, а потом сел на траву и смотрел, как догорает дом.

Холлидей недоверчиво покачал головой:

– Я вынес Элоизу? Но что… что с ней случилось? Старик явственно сдерживал эмоции, а потому говорил сухо и даже бесстрастно:

– Элоиза умерла в тот же день от отравления угарным газом. Я думал… Все время говорил себе, что если бы я оказался дома,

то мог бы ее спасти.

А Холлидей думал о мальчишке, каким он тогда был. Мальчишке, который вынес из огня свою сестру, наверное, даже считал, что спас ее, а позже узнал, что она все равно умерла.

– У тебя было несколько порезов и ссадин, ничего серьезного. Врачи расспрашивали тебя, что произошло, но ты был слишком потрясен и не мог говорить. А я… я потом так и не смог заставить себя говорить об этом. – Отец смотрел на него из другого угла комнаты, и в глазах его поблескивали серебристые огоньки слез.

Холлидей замотал головой:

– Я и понятия не имел, никогда не знал, что случилось, знал только, что Элоиза умерла.

Отец улыбнулся.

– Теперь ты знаешь, Хол. Надеюсь, это уничтожит ее призрак.

Позже, прощаясь сыном на крыльце дома, старик спросил:

– Ты часто видишься с Сюзанной? Холидей отрицательно покачал головой:

– Нет. Не видел ее несколько лет.

– Ну, если встретишь… передай ей, пожалуйста, чтоб заезжала.

Холлидей кивнул, а потом, удивляясь, что решился на шаг, который может быть истолкован как слабость, протянул ладонь и пожал руку отцу.

В этот момент он почувствовал внезапную потребность рассказать отцу, что наконец встретил подругу, рассказать ему о Ким, о том, как сильно ее любит. Но порыв миновал, Холлидей спустился со ступеней и по газону заспешил к автомобилю, краснея при мысли о такой откровенности. Он добрался до “форда” и нырнул внутрь. Отъезжая от обочины и разворачиваясь, он поднял глаза на дом. Его отец стоял на крыльце практически по стойке “смирно”, словно часовой в карауле, и, подняв руку, махал на прощание, но жест больше напоминал офицерский салют.

По дороге в город Холлидей обдумывал все, что услышал от отца, и мельком задался вопросом: исчезнет ли призрак Элоизы оттого, что он узнал подробности ее гибели? Он смотрел, как набегает на лобовое стекло холодная серая лента дороги, и осознавал, что даже сейчас он до конца не знает полной правды о том, что произошло в день пожара.

Он проехал мимо аэропорта. В разгорающемся свете нового дня сигнальные огни выглядели совсем бледно. Сейчас Холлидей хотел только одного – спать, ну а потом, может быть, спуститься на улицу и принести в офис что-нибудь поесть.

Когда он проезжал мост Квинсборо, ему пришло в голову, что

неприязнь отца, которую он чувствовал все эти годы, может быть вызвана тем фактом, что отца не оказалось на месте, когда взорвался дом, и сыну пришлось рисковать жизнью для спасения Элоизы. Вероятно, это было нечто вроде зависти, что мальчик был дома, а он – нет.

Холлидей тряхнул головой, пытаясь отогнать прочь все мысли об отце.

Интерком заверещал, когда он уже сворачивал с моста.

– Хол? Это Джефф Симмонс.

– Привет, Джефф. Что случилось?

– Слушай, Хол, тот парень латинской внешности, который напал на тебя позапрошлой ночью…

– Вы его нашли?

– Идем по пятам, Хол. Дорожный патруль обнаружил его двадцать минут назад, когда парень прогуливался по Бродвею, узнал его по голограмме, составленной из твоего описания.

– Где он сейчас?

– Идет пешком к центру. На Второй авеню. Подходит к Четырнадцатой Восточной улице. Я еду прямо за ним. Если соизволишь прибыть, попадешь прямо к развязке.

– Джефф! Он нужен живым. Симмонс захохотал.

– Это метафора, Хол. Не беспокойся. Доставим его тепленького. Он еще подергается.

Холлидей развернулся и направился к центру по практически пустым мостовым; лишь иногда попадался навстречу рейсовый автобус, желтое такси или патрульная полицейская машина. Вентиляторные решетки исходили морозным паром, ледяная патина покрыла все доступные холоду плоскости.

– Сколько у тебя с собой человек, Джефф?

– Достаточно. И дроны, конечно. Мы не хотим брать его на улице. Если он по-прежнему вооружен, как в ту ночь, когда ты его встретил, могут быть жертвы среди населения. Подождем, пока он зайдет в помещение, и проникнем следом.

– Вы сообщили Барни?

– Первым делом. Он уже едет. Слушай, я перезвоню тебе через пару минут. Мы все еще на Второй авеню, движемся к центру, как раз проезжаем Стьювесант-сквер. Оставайся на связи.

Холлидей прибавил газу и полетел по пустынным улицам. Перед ним возвышались небоскребы, Манхэтгена, серые и холодные на оловянном фоне утреннего неба. По сравнению со свободной проезжей частью тротуары и подъездные дорожки были просто забиты легионами бездомных и беженцев. Холлидей задумался: сколько пройдет времени прежде, чем они отвоюют и мостовую?

Потом стал думать о латиносе. Если им удастся захватить его живым, допросить и выяснить, откуда он, какими мотивами руководствовался, когда пытался убить Холлидея в ту ночь, тогда, возможно, отдельные детали головоломки найдут свое место в общей картине. Вполне вероятно, что они не так уж далеки от разгадки тайны исчезновения Най-джерии и Виллье.

Интерком снова подал голос:

– Хол, он перешел площадь. Такое впечатление, что он торопится.

– Он знает, что вы за ним следите?

– Ни в коем случае.

Холлидей свернул на Вторую авеню.

– Джефф, не стоит напоминать тебе об осторожности. Проинструктируй своих людей насчет его оружия.

– Я описал им лазерный нож во всех подробностях. И еще одно.

– Давай.

– Я вот чего не понимаю. Почему он все еще выглядит как латинос? Ведь на нем маска, так? Значит, после встречи той ночью он должен понимать, что ты можешь дать его описание, о'кей?

Холлидей попробовал догадаться, в чем тут дело.

– Нет, Джефф, не так. Он понимает, но ему плевать, ведь он сбросил меня с крыши, я для него – древняя история. Я должен быть мертв и нем.

– Ну а Киа Йохансен? Разве она его не видела?

– Очевидно, он думает, что не видела, иначе не стал бы носить ту же маску.

Тут Холлидей услышал, как Симмонс с кем-то торопливо совещается.

– Давай! О'кей! Хол, он только что вошел в отель “Асто-рия” на углу Второй авеню и Двадцать третьей Восточной. О'кей, на той стороне есть закусочная, жду тебя снаружи.

– Джефф, я буду через пару минут.

Холлидей свернул на Двадцать третью и припарковался в тихом переулке. Он оставил машину, перешел улицу и прошел квартал до “Астории”.

Джефф Симмонс стоял на углу напротив отеля. На нем была спортивная куртка в яркую клетку и широкий зеленый шарф. В этом наряде он больше всего напоминал бизнесмена из провинции, который приехал полюбоваться на достопримечательности мегаполиса. Казалось, он дружески болтает с кем-то по интеркому, время от времени поглядывая в сторону “Астории” на той стороне улицы.

Холлидей отметил, что поблизости находится не менее двух дюжин дронов совершенно разных размеров: от совсем мелких – с небольшую коробку из-под печенья, до крупных, величиною с мусорный контейнер. Эти тяжелые металлические конструкции, раскрашенные в яркие синие и белые цвета нью-йоркской полиции, кружили на высоте человеческого роста.

Холлидей видел, как два небольших дрона скользнули в двери отеля. Он догадался, что это дистанционно управляемые орудия, которые теперь частенько применялись в вооруженных стычках.

Симмонс оборвал разговор и убрал интерком в карман.

– Это Барни, – пояснил полицейский. – Он сейчас будет здесь.

Холлидей сунул руки в карманы, потопал ногами и посмотрел на ту сторону улицы.

– Как обстановка? – спросил он.

– Мои люди оцепили заведение. Полдюжины дронов у выходов на случай, если наш парень задумает смыться. Плюс парочка дронов внутри. Я послал своего человека предупредить начальника охраны.

– Ты пойдешь туда? Симмонс кивнул.

– Я должен объяснить их секьюрити, что происходя” Может, они помогут его обнаружить.

Они перешли улицу и подошли к скрытому под нарядным козырьком подъезду. К дверям подползло желтое такси, оттуда, пыхтя, выбрался Барни, укутанный в серую теплую куртку. Симмонс быстро взбежал по ступеням и прошел во вращающуюся дверь. Барни подошел к Холлидею.

– Ну, что тут, Хол?

Холлидей мотнул головой в сторону отеля.

– Латинос вошел около пяти минут назад. Джефф распорядился оцепить здание. Пошли, он сейчас у начальника местной охраны.

Они поднялись по лестнице, вошли внутрь, пересекли вестибюль и нашли Джеффа Симмонса в маленьком кабинете за стойкой портье. Охранник сидел перед дюжиной экранов и перематывал запись происходящего в холле отеля. Картинка оставалась статичной, лишь время от времени смазанные фигуры пятились задом наперед и туманным пятном Мелькала вращающаяся дверь.

Симмонс поднял взгляд на товарищей.

– Мы отматываем запись на пять минут, а потом просмотрим ее вперед. Нам нужен парень среднего роста, в черной кожаной куртке, бежевых леггинсах и черных перчатках.

Охранник остановил запись. Цифры часов в верхнем правом

углу экрана показывали 9:56.

– Это чуть раньше, чем пять минут назад. Я буду перематывать с этого момента, замедляясь, когда кто-нибудь входит.

На часах прошла целая минута, прежде чем в дверях показалась первая неестественно быстро двигающаяся фигура. Охранник замедлил изображение, и Холлидей впился глазами в картинку, чувствуя, как колотится сердце. Высокая женщина в красном брючном костюме.

– Дальше, – скомандовал Симмонс.

На экране снова был лишь пустой вестибюль, но вот опять мелькнули двери. На этот раз в отель влетел тучный бизнесмен, на мгновение замер на экране, был обследован внимательными взглядами сыщиков, и запись снова рванулась в ускоренном темпе.

Цифры часов показали 9:59, когда в вестибюль вошел темноволосый парень в черной куртке. Охранник замедлил изображение, а Холлидей постучал по экрану.

– Вот он, Джефф! – возбужденно выкрикнул детектив. В левом верхнем углу сыщик заметил фигуру, замершую в момент вставания с кресла. Казалось, что латинос смотрит через весь холл именно на эту женщину, может быть, даже поднимает руку ее поприветствовать.

– Перемотайте картинку на несколько секунд вперед, – попросил Холлидей.

Охранник коснулся клавиатуры. Сцена ожила. Латинос шел через вестибюль. Женщина наконец поднялась и двинулась ему навстречу. Высокая, с выбритой татуированной головой, в длинном серебристом плаще. Женщина и мужчина встретились, обменялись парой слов и пошли к лифту.

Холлидей вдруг почувствовал, как пересохло в горле.

– Господи, это же Кэрри Виллье! – воскликнул он и посмотрел на Барни.

– Черт возьми, что она здесь делает? – взревел Сим-монс и посмотрел на охранника. – Перематывайте дальше.

Латинос и Виллье постояли несколько секунд перед лифтом, а когда двери открылись, вошли внутрь. Двери захлопнулись, и Холлидей впился взглядом в индикаторный огонек указателя этажей. Расстояние и угол обзора камеры не позволяли определить, где остановился лифт.

– Мы можем проследить за ними? – спросил Симмонс. Охранник кивнул.

– Камеры на всех этажах. Надо просто посмотреть, когда остановится лифт, и проверить все этажи. Вот, смотрите.

Сцена на экране изменилась, теперь там угадывался размытый интерьер коридора и двери лифа в правом углу. Часы показывали 9:58.

– Это второй этаж, – объяснил охранник. – Здесь – ничего. Поехали дальше, на следующий. Я буду перематывать на ту же минуту на каждом этаже.

Картинка дрогнула, но почти не изменилась. Они выждали минуту, потом офицер охраны сказал:

– Ничего. О'кей. Теперь четвертый этаж.

Изображение еще раз мигнуло. Цифры на часах вернулись на 9:58, а через несколько секунд двери лифта раздвинулись, на площадке появились латинос и К3ррii Виллье, пошли по коридору и пропали из поля зрения камеры.

Секьюрити подключил следующую камеру. Теперь Виллье и мужчина стояли возле двери в номер, и он возился с замком. Вот они вошли внутрь.

Охранник повернулся к Джеффу Симмонсу.

– Номер 456, четвертый этаж.

– Отличная работа, – похвалил Симмонс.

– Как вы собираетесь это обтяпать? – спросил Барни. Симмонс на мгновение задумался.

– Мы пошлем кого-нибудь в номер под видом персонала, а потом заморозим обоих: и парня, и Виллье.

Холлидей переглянулся с Барни.

– Я все думаю, куда делась Найджерия?

– Полагаю, мы скоро это выясним.

– О'кей, – вмешался Джефф, – надо все это обмозговать.

– Ну-ка, ну-ка, – подал голос охранник. – Смотрите! – указал он на экран, задержал картинку и несколько секунд перематывал запись.

На экране снова был коридор четвертого этажа. Часы показывали 10:02. Офицер охраны начал запись. Дверь номера 456 распахнулась, и кто-то торопливо вышел. Ага, старый знакомый! У мужчины была фигура латиноса, но одет он был иначе: не было черной куртки и светлых леггинсов. Вместо этого он надел бежевый плащ и черные брюки. И что важнее, лицо его утратило смуглый оттенок, парень выглядел настоящим белым, имел длинные светлые волосы и короткую русую бороду.

Офицер охраны довел его с помощью камер слежения до лифта, а потом переключил картинку на вестибюль в 10:03. Через секунду нужный персонаж вышел из лифта, пересек вестибюль и вышел через вращающуюся дверь.

– Да, – ровным голосом прокомментировал Джефф Симмонс, – похоже, придется менять планы. – Он быстро заговорил в

интерком, инструктируя своих людей об изменившейся внешности объекта.

– Черта с два мы его найдем теперь, к этому времени он может быть где угодно.

Холлидей ощутил, как внутри него растет холодный жесткий ком.

– Не нравится мне это, Джефф, – пробормотал он. – Надо узнать, что с Виллье.

– Поднимаемся, – распорядился полицейский, заговорил в интерком, потом обратился к охраннику: – Мне может понадобиться ключ-карта к 456.

– Сейчас принесу.

Они прошли вестибюль, сели в лифт и поднялись на четвертый этаж, вышли на площадку и стали ждать. Через пару минут появился начальник охраны с запасной карточкой от замка.

– Я постучу, – начал объяснять Симмонс, – сделаю вид, что явился по жалобе из соседнего номера, а если никто не ответит, то воспользуюсь карточкой.

Он пошел по коридору и скрылся за углом. Прошла минута, потом еще одна, наконец у Барни заверещал зуммер интеркома.

Холлидей услышал голос Симмонса:

– Не отвечают. Я вхожу.

Гостиничный охранник заспешил по коридору. Холлидей отлепился от стены, совсем не уверенный в том, что ему так уж хочется входить в номер, затем все же двинулся за Барни и зашел в комнату. Он быстро огляделся, сначала не заметил ничего особенного и испытал краткое ощущение разочарования. Потом его взгляд упал на какие-то вещи на кровати, и в тот же миг он увидел, как Барни с застывшим лицом отворачивается от этого зрелища. И тут словно пелена спала с его глаз, и он понял, что за предметы лежат на кровати. Холлидей поспешил закрыть глаза, но было поздно.

Он выскочил из комнаты и присел на корточки у дальней стены. Барни тоже был тут. Холлидей поднял голову и увидел, как из дверей номера появляется начальник охраны. Очевидно, профессиональная подготовка и собственный образ в своих глазах не позволяли ему демонстрировать чувства, но Холлидей прочел правду в заледеневшем выражении его лица.

Джефф Симмонс вышел к ним в коридор и сел на пол напротив Холлидея.

– Виллье, – мягко проговорил он. – Засранец воспользовался лазерным резаком.

В первый раз Холлидей услышал, как он ругается. Повисло

тяжелое молчание.

Внезапно Холлидею стало дурно. В ту ночь латинос собирался сделать с ним то, что сегодня ему удалось с Кэрри Виллье.

Сыщик встал и отошел в конец коридора. Окно смотрело на центр города, скованный суровой зимней стужей. Бесконечные кварталы высотных домов дюжины различных оттенков морозного серого цвета.

Подошел Барни.

– Кажется, у Найджерии дела совсем плохи, – заметил он.

– Но почему Виллье? Если Веллман прав и ее хотели уничтожить конкуренты, то в чем мотив убийства Кэрри Виллье?

– Не знаю. Возможно, оно не связано с техническими познаниями Найджерии и причина совсем иная?

Холлидей смотрел на город.

– Наш мир – такая гребаная помойка, Барни.

– Ага, кому ты рассказываешь… Появился Джефф Симмонс.

– Я иду просматривать контрольные записи наружных камер. Может быть, мы сумеем установить, куда он направился из отеля.

– Тоже след, – скептически заметил Барни. – Он ведь ходит пешком, может юркнуть в любую щель. К тому же этот мудак носит кибермаску.

Симмонс пожал плечами.

– Мне все равно надо этим заняться, Барни. Хорошо хоть он не знает, что мы сидим у него на хвосте. – Он помолчал. – Понимаешь теперь, что я вчера имел в виду, когда говорил про использование кибермасок? Подумай только, как это осложнит нашу работу!

Холлидей тяжело вздохнул. Мысль о том, что по улицам бродит человек, убивающий без малейшего сожаления, и которого при этом нельзя обнаружить, йаводила на него ужас.

– Пошли, – скомандовал Джефф Симмонс. – Пошли в управление. Посмотрим, что дадут камеры слежения.

Они уже выходили из отеля, когда зазвонил интерком Симмонса, и он остановился ответить на вызов, а Холлидей стал пробираться сквозь толпу на тротуаре, застегивая на ходу молнию куртки и засовывая руки поглубже в карманы.

– Хол, Барни! – Симмонс убрал коммуникатор и догнал товарищей. Лицо у него было необычайно мрачное. – Это из управления. Они обнаружили тело Сисси Найджерии.

Холлидей смотрел пустыми глазами в серое небо.

– Господи, второго такого трупа за один день я не выдержу, – сквозь зубы пробормотал он.

– Ее не расчленили, – успокаивающе бросил Симмонс. – На

самом деле служба контроля утверждает, что это вообще не выглядит как убийство.

Холлидей помотал головой, будто отряхивающаяся собака.

– Это что, самая лучшая новость за весь день, или я потерял нить?

Симмонс улыбнулся и протянул руку, указывая на другую сторону улицы:

– Она там, в КомСторе.

Сыщики во главе с Симмонсом перешли улицу. Магазин КомСтор, здание с двойным фронтоном, был украшен голографическим фасадом в виде гигантской компьютерной установки.

Снаружи толпились зеваки, стараясь разглядеть что-нибудь сквозь матовые стекла дверей. Их сдерживали два полицейских и один дрон.

Симмонс легко прокладывал курс сквозь толпу, а Холлидей и Барни двигались у него в кильватере. В магазине было пусто, лишь у двери стоял управляющий в окружении плотной группы своего персонала да в дальнем конце длинного торгового зала кучка полицейских чинов собралась вокруг сидящей фигуры.

Запах сгоревших гамбургеров наполнял воздух.

Холлидей прошел вслед за товарищами по проходу между рядами компьютерных терминалов прямо к телу. Полицейские обернулись и кивнули Симмонсу.

Сержант доложил:

– Она вошла минут десять назад, сэр. Приблизительно в 10.15 управляющий обнарул ее в таком виде. Мы прогнали программу идентификации, она оказалась в файле пропавших людей.

– Как она умерла?

– Мы как раз пытаемся это установить, сэр. Холлидей смотрел на тело во вращающемся кресле. Это уже второй труп за сегодняшнее утро, но этот, успокаивал он себя, по крайней мере целый.

Но все равно зрелище было не из приятных. Руки и ноги неестественно изогнулись, гримаса агонии исказила некогда прекрасное лицо. На выбритом черепе сверкали инкрустированные перекрестия нейроимплантата, но серебряные планочки кое-где почернели, в других местах металл вздулся пузырями и прожег кожу черепа расплавленными каплями. Из безупречной раковины правого уха лениво извивалась струйка дыма.

Из контактного гнезда на виске торчал провод, ведущий к компьютерному терминалу перед креслом. Полицейский в наушниках быстро водил пальцами по экрану, оживляя бегущие

строки букв и цифр. Подняв глаза на Симмонса, он сказал:

– За несколько секунд до смерти она что-то выгрузила. Информация была закодирована, мы сейчас… – Он снова посмотрел на экран и кивнул. – Фиксируем крупный файл, свыше пятидесяти гигабайтов.

– Нельзя выяснить, куда он адресован?

Специалист покачал головой.

– Он специально путает свой путь по Сети. Сейчас он может быть где угодно.

– Черт возьми, как же она умерла, лейтенант?

– Что-то запустили на другом конце провода в ее имплантат. Никогда не видел ничего подобного. У нее не было ни единого шанса.

И тогда Холлидей заметил плащ. Он уставился на него во все глаза, не в состоянии осознать, что же он видит и что все это значит. Бежевый плащ был свернут и сунут на пол возле компьютера Найджерии.

Он дотронулся до плеча Симмонса и указал на находку, считая, что плащ – это вызов, насмешка, визитная карточка, оставленная убийцей.

И тут глаза его словно открылись, шоры упали, и он увидел все в новом свете: черную перчатку на столешнице рядом с монитором, вторую перчатку на руке Найджерии. Увидел, что она одета в черные брюки…

Симмонс нагнулся и подобрал что-то, упавшее рядом с креслом женщины. Предмет напоминал маску, черты которой обвисли в руках полицейского. Тонкий проводок соединял маску с крошечным блоком управления в нагрудном кармане Найджерии. Когда Симмонс потянул блок из кармана, маска у него в кулаке вдруг ожила, на ней стала сменяться череда ссохшихся лиц: убийцы-латиноса, девушки-блондинки, светловолосого парня, который вышел из отеля, и еще полдюжины других.

– Господи, – прошептал Барни, – это же та самая кибермаска…

Как во сне Холлидей обошел сидящий труп. С этой точки обзора он мог видеть обширный синяк на левой щеке женщины, смуглая кожа здесь была содрана и кое-где кровоточила. Сыщик осторожно стянул перчатку с левой руки и уставился на распухшие, переломанные пальцы, на которые он сам наступил две ночи назад.

Барни поднял плащ, вытащил из кармана лазерный нож и швырнул его на стол.

Все это не сразу укладывалось в голове.

– Найджерия, – задумчиво протянул Симмонс. – Значит, это Сисси Найджерия напала на тебя той ночью. Она… – Полицейский махнул рукой в сторону отеля “Астория”. – Она сотворила это с Виллье, а потом пришла сюда.

Холлидей отыскал кресло и плюхнулся на сиденье, чувствуя, как к горлу поднимается тошнота.

– Но зачем, Барни? – Он с недоумением покачал головой. – Что на нее нашло? Какое-то наваждение… Зачем она сделала это с Виллье?

Барни положил руку на плечо Холлидея.

– Подождем, Хол, – успокаивающе пробормотал он. – Может, техники еще чего-нибудь накопают. А потом я отвезу тебя домой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Анна проснулась в восемь часов и инстинктивно протянула руку к Киа, как делала сотни раз. Но кровать была пустой и холодной. Киа почему-то отдалилась от нее, и началось это вчера, когда они приехали домой после случая с нарушением работы гелиевой ванны у Мантони, или черт знает почему еще. Они собирались где-нибудь поужинать, но у Киа до слез разболелась голова, и чем идти куда-то одной, Анна решила заняться своим последним романом и, может быть, написать пару-другую страниц. Тем временем Киа в мрачном молчании сидела на диване и о чем-то думала, а когда Анна все же спросила, что ее беспокоит, Киа продолжала смотреть пустыми глазами в стену и, казалось, просто не слышала, мысленно пребывая за тысячи миль. Наконец она все-таки заставила себя откликнуться: покачала головой, грустно улыбнулась, сказала, что размышляет над проблемой, связанной с работой.

В десять Анна пошла спать, а Киа присоединилась к ней только на рассвете.

Сейчас Анна перевернулась на спину, мигая, уставилась в потолок, потом позвала:

– Киа!

Тишина. Анна скатилась с кровати и оделась. Киа не было ни в ванной, ни в кухне. Анна сделала себе кофе, положила на тарелочку пару рогаликов, вынесла поднос на веранду и выглянула в окно. Побитого “кадиллака” Киа на месте не оказалось. Анна задумалась. Может быть, Киа уехала пораньше, чтобы поработать над сбоем в ВР-системе? Но если так, то почему она не разбудила ее, Анну, или по крайней мере не оставила записку?

Она включила компьютер и загрузила файл с новым романом. Пытаясь выбросить мысли о Киа из головы, прочла несколько страниц. Роман повествовал о жизни в Нью-Йорке двадцать первого века. Действие вертелось вокруг группы специалистов двадцати с небольшим лет, веселых и прямодушных. Анна поправила неудачную фразу, переписала слишком многословный абзац, потом откинулась в кресле и уставилась на экран.

Если бы ей только удалось продать один-два серьезных романа, реабилитировать себя в собственных глазах… Анна улыбнулась и задумалась: неужели она тоже живет собственными фантазиями, совсем как Саша в “Острове Сафо”?

Она продолжала рассматривать текст на экране, но никак не

могла сосредоточиться, и неудивительно, если учесть, что разум был занят лишь одной проблемой: что случилось с Киа? Анна закрыла файл и посмотрела на часы. Почти девять.

Она вывела компьютер на стенной экран и просмотрела сообщения. Может быть, Киа позвонила и извинилась…

Первое сообщение было от Фелисити: Анна, прости, что беспокою так рано. Дорогая, позвони мне домой, ладно?

Интересно, что на этот раз? Наверное, сценарий требует еще порцию секса. А может быть, некие силы, действующие в “Тайдманне” решили, что стоит сделать третий сериал? Она пошлет их к черту. Нет, не так. Она заставит своего агента устроить, чтобы ей остались консультативные функции, а для написания сценария наймет чернорабочего. Так у нее останется достаточный заработок и появится время для собственной работы.

Анна соединилась с Фелисити.

Продюсерша улыбалась с экрана.

– Анна, дорогуша! Я просто счастлива видеть тебя! Вчера вечером получили кое-какие новости об “Острове”.

Анна поставила ноги на кресло и обхватила колени.

– Я вся внимание!

Фелисити с подозрением воззрилась на нее, опасаясь, что Анна пребывает в саркастическом настроении.

– Первое: Германия и Франция покупают первую часть “Острова”, чтобы показать его в конце этого года, и сохраняют за собой право купить вторую часть в зависимости от того, как она пойдет. То, что они видели, им понравилось, и они готовы провести широкую рекламную кампанию перед показом. Второе: Бразилия купила права снимать собственный “Остров”, на основе твоих сценариев. Ну разве не чудесно?

– Просто фантастика! – воскликнула Анна, которая тотчас представила загорелые бразильские тела в сцене оргии, но потом сосредоточилась на словах Фелисити.

– Ты будешь получать десять процентов первичного гонорара за каждый показ в Германии и Франции, а насчет бразильских денег еще надо договариваться. Позвони своему агенту, пусть займется всеми деталями, о'кей?

Анна кивнула.

– Обязательно позвоню. Спасибо, Фелисити.

Вот и еще… Сколько? Сто двадцать пять тысяч долларов плюс то, что заплатят бразильцы. Если учесть все заработанное с начала работы над “Островом”, то у нее достаточно сбережений, чтобы несколько лет жить в тихом местечке и работать над собственными романами.

Интересно, может быть, это тоже очередная фантазия?

– Да, еще одна вещь, Анна, – улыбнулась Фелисити. – Завтра мы начинаем снимать последнюю серию. Не могла бы ты приехать на студию? Просто быть под рукой, если в последнюю минуту придется вносить изменения…

– Ну, я не знаю… Я сейчас работаю кое над чем серьезным. Не хотелось бы прерываться. – Анна радовалась, что есть предлог отказаться. Прошлые визиты на студию произвели на нее просто отталкивающее впечатление. Натужная искренность очаровательных актрис, дерьмовые ассистенты, которые просто влюблены в сценарий…

Фелисити улыбнулась и пошевелила пальцами:

– О'кей, Анна. Не пропадай.

Анна разъединилась и проверила второе сообщение. Приятный мужчина средних лет с седеющими висками улыбался с экрана. Он сидел на краешке стола в просторном офисе.

– Хай, Анна. Я – Дейв Чарлзворт. Ответственный редактор в “Шир Пресс”. Мне понравился роман. Анна, не могли бы вы позвонить, и тогда мы поговорим.

Анна остановила картинку и долго смотрела на экран, слушая, как в ушах отдается стук сердца. Потом перемотала запись и просмотрела ее еще раз. Он действительно сказал, что роман понравился. “Шир Пресс”… Это солидное, большое издательство. У них филиалы в Европе. Пять тысяч, сказала она себе. Я возьму с них пять вшивых тысяч и буду вечно им благодарна.

Она позвонила в “Шир Пресс” и попросила Дейва Чарлзворта. Через секунду его лицо заполнило весь экран.

Анна приветливо помахала рукой, стараясь выглядеть как можно небрежнее.

– Я – Анна Эллисчайлд. Получила ваше сообщение.

– Анна… Рад познакомиться. – Чарлзворт, высокий мужчина в темном костюме, оказался профессионалом с хорошо подвешенным языком. – Мне и правда понравился “Мир иной”.

– Спасибо. Приятно слышать. Мне он тоже нравится больше других.

– Это понятно. Очень хорошая книга.

Вот оно! – подумала Анна. Предложение, подробности контракта. Она была почти готова отдать проклятую книгу даром!

– Птичка на хвосте принесла кое-какие слухи… – начал он.

– Слухи?

– Что Анна Эллисчайлд – это на самом деле София де Вер, автор сценария “Острова Сафо”.

– Видите ли, – Анна пожала плечами, – я делала это, чтобы

заработать на хлеб.

– Не прибедняйтесь, Анна. “Остров”, очевидно, задевает в человеке какие-то глубинные струны, воздействует на подсознательном уровне.

О чем, черт возьми, говорит этот мудак? – никак не могла понять Анна.

– Я работала над этим проектом в свободное время, – начала объяснять она. – Так насчет “Мира иного”…

– Видите ли, Анна, я-то звоню насчет “Острова Сафо”. Анна почувствовала, как сжались все внутренности.

– Правда?

– Поймите меня правильно, лично мне “Мир иной” очень понравился, прекрасно написан, характеристики… Сразу видно, писать вы умеете. Однако дело в том, Анна, что “Шир Пресс” только что купило права на издание “Острова Сафо” в форме романа. Вот мы и подумали, может быть, вы захотите этим заняться, разумеется, под псевдонимом Софии де Вер.

Несколько секунд она не могла заставить себя произнести ни слова.

– Значит, роман вам не нужен?

– Анна, лично я прочел его с удовольствием, но в существующих условиях…

– А если это будет частью сделки? София де Вер пишет книги об острове Сафо, а “Мир иной” выходит под моим собственным именем? – Анна чувствовала, что в голосе прорываются отчаянные нотки.

Чарлзворт нахмурился.

– Как я уже сказал, Анна, лично мне книга понравилась, но мы полагаем, что она не имеет коммерческой перспективы.

Проклиная этого засранца, Анна все же сумела сдержать слезы.

– Я не заинтересована в издании романа, – сухо проговорила она. – Наймите другого несчастного сварганить эту кашу.

– Может быть, мы поговорим о приобретении права использовать псевдоним София де Вер?

– Это вы обсудите с моим агентом, – оборвала его Анна, протянула руку к клавишам и отключилась. Потом откинулась в кресле и закрыла глаза. Обычный, прямой отказ Анна научилась переносить довольно стойко, но сегодня ей подали надежду, а потом отняли, заменив ее предложением написать роман по этому долбаному сценарию “Острова Сафо”. Позже, когда острота разочарования померкнет, она посмеется над дурацким происшествием, но сейчас ей хотелось, чтобы Киа была здесь и поддержала ее.

Она просидела так довольно долго, глядя в стену и стараясь подавить черные мысли, но потом вдруг вспомнила, что было еще третье сообщение, и вывела его на экран.

Появилось лицо Кэрри.

– Анна, мы не могли бы сегодня встретиться? Меня беспокоит Сисси. Видишь ли… – Она замолчала, кусая нижнюю губу и подавшись к экрану. Нервничая, Кэрри говорила с необычно сильным французским акцентом. – Я ведь жаловалась тебе вчера, что Сисси ведет себя очень странно. Постоянно переодевается, устраивает маскарад. У нее есть эта штука – электронная маска. С ней можно менять лицо. Мне так тревожно, Анна. Ты придешь? – Она снова помолчала. – Мы с Сисси встречаемся в “Астории” в десять утра. Давай выпьем по чашке кофе, скажем, в десять тридцать, а? Ты не беспокойся, я заранее расстанусь с Сисси и встречу тебя в вестибюле “Астории” в десять тридцать, о'кей? – На этом запись кончалась.

Анна взглянула на часы. Десять пятнадцать. Если она поспешит, то доберется до “Астории” минут за пятнадцать-двадцать. Анна надела туфли и куртку, вышла из квартиры и пошла в город.

Она опоздала на пять минут. У вращающихся дверей “Астории” стояли три полицейские машины и серебристый фургон, в холле было тесно от полицейских и дронов. Анна поискала глазами Кэрри. Десять тридцать уже миновало, но Кэрри обязательно дождалась бы, однако в холле ее не видно. Анна прошла в кафе, но среди сидящих за столиками Кэрри тоже не было.

Она вернулась в холл и уселась в удобное кресло. Может, Кэрри не смогла отделаться от Сисси? Анна решила, что подождет до одиннадцати и уйдет.

Через вестибюль к лифту прошла группа людей, Анна догадалась, что это полицейские эксперты и врачи. За ними летели три дрона. Анна подозвала рассыльного и спросила, что здесь произошло.

– На четвертом этаже убили женщину, мисс, – охотно объяснил мальчишка. – Говорят, там настоящая бойня.

Анна почувствовала, как мурашки забегали по коже. Наверняка это просто совпадение, уговаривала она себя. Кэрри может появиться в любую минуту.

– А ты знаешь кого?.. – начала она. Парень с готовностью кивнул.

– Женщину в серебристом плаще, – пояснил он. – Она сидела в точности на вашем месте.

У Анны пересохло во рту.

– Как она выглядела? Мальчишка ухмыльнулся:

– Она из этих, альтернативных женщин. Ну, вы понимаете, лысая голова, татуировки…

Анна встала и пошла прочь. Вышла из отеля и остановилась на тротуаре. На воздухе ей стало легче. Мысли прояснялись.

Значит, Кэрри погибла. Отправилась на встречу с Сисси Найджерией и умерла. В этом не было никакого смысла, и Анна вдруг ощутила необыкновенную легкость в голове, как будто она плавала над потоком прохожих, растекавшимся по тротуару.

Она подняла глаза и посмотрела на другую сторону улицы. Невысокий парень в черном стоял у магазина КомСтор и разговаривал с еще более низкорослым пожилым мужчиной в грязной куртке.

Что-то заставило ее перейти улицу и подойти к нему. Когда она ступила на тротуар, он поднял глаза, в которых мелькнуло узнавание, но не сразу, не сразу.

– Хол, – позвала она. – Я так и думала, что это ты. – Ее улыбка чуть дрогнула. – Ты почти не изменился.

Он смотрел на нее в очевидном смущении.

– Сью? Я тебя не узнал. – Он сделал неопределенный взмах рукой, включивший ее одежду, волосы. – Ты как раз изменилась.

– У тебя есть время? Пойдем выпьем, – предложила Анна.

– Разумеется, – быстро отозвался он. – Почему же нет? Его невысокий пожилой собеседник подмигнул ей и спросил:

– Хол, ты собираешься нас представлять?

– Да, да, конечно. – Он снова смущенно улыбнулся. – Барни, это моя сестра, Сью. Сью, это Барни, мой партнер по бизнесу.

Они обменялись кивками.

– Рад познакомиться с вами, Сью, – вежливо проговорил мужчина.

– Забери машину, Барни, – попросил Хол. – Я вернусь на такси.

– Еще увидимся. – Барни кивнул Анне и стал удаляться по тротуару.

Анна обернулась к брату. Он выглядел чуть-чуть постаревшим и немного более озабоченным, чем прежде, но все же это был тот самый Хол, каким она его помнила.

Она заметила глубокую, уже затянувшуюся рану у него на голове.

– Что это?

– Да так, ерунда, – отмахнулся он. – Послушай… Давай поищем, где бы нам выпить кофе. Я не спал уже бог знает сколько времени. Мне надо взбодриться.

– Я бы выпила, Хол. Чего-нибудь покрепче. Я только что

узнала, что одну знакомую… – Она замолчала и увидела, как меняется его лицо. – В чем дело?

– Не Кэрри Виллье? – резко спросил он. – Ты знала Виллье?

– Мы не были друзьями, но все же она была больше чем просто знакомая.

– Я на нее работал, пытался найти ее возлюбленную. Анна кивнула, вспомнив, что Киа говорила ей о Холе позавчера вечером.

– Давай найдем какой-нибудь бар, сядем и поговорим, о'кей? – предложила Анна.

– Я знаю за углом одно местечко.

Она шла рядом с братом и удивлялась, почему позволила себе так долго с ним не видеться. Пока она была маленькой, они очень дружили, но позже она использовала весь свой интеллект, чтобы унизить его, доказать ограниченность его мещанского мировосприятия, а результатом стали взаимное непонимание и обида.

В детстве он был довольно медлительным и добродушным мальчуганом. Анна помнила, что когда Хол объявил, что идет служить в полицию, их отец прокомментировал это событие, сказав, что выбор не так уж плох, она же осыпала его насмешками за конформизм.

Анна сжала его руку:

– Как я рада снова видеть тебя, Хол. Правда, правда. Он бросил на нее быстрый взгляд, как будто ожидая оскорблений.

– Я тоже рад, Сью.

– Я предпочитаю, чтобы меня называли Анной.

Он посмотрел на нее с недоумением, потом улыбнулся и сказал:

– Ну да, конечно, – он помолчал, – Сюзанна.

Еще с былых времен она помнила эту его медлительную манеру речи, как будто он тщательно обдумывает каждое слово и лишь потом произносит. От этого его поведение казалось спокойным и неторопливым, возникало ощущение свободной уверенности, которая так ей импонировала.

А потом, внезапно, на Анну нахлынула боль при мысли, что Кэрри погибла.

Они вошли в бар. Хол заказал кофе, а она – виски “Южный комфорт”. Отыскав спокойное местечко у самой стенки, они уселись лицом друг к другу.

– Значит, насчет Кэрри, – начала Анна. – Примерно час назад она мне позвонила. Я работала, поэтому она оставила сообщение. – Анна повторила то, что говорила Кэрри о Сисси. – Она должна была встретиться с ней в десять часов.

Хол все время утвердительно кивал:

– Я знаю. Они встретились… – Он замолчал и уставился в свою чашку. Потом поднял на сестру глаза и потер подбородок. – Найджерия убила Кэрри Виллье в номере, вышла из отеля, перешла улицу и зашла в КомСтор. Мы обнаружили ее там полчаса назад, мертвую.

Анна почувствовала, как виски обжигает горло. К глазам подступили слезы.

– Значит, Сисси тоже?

Хол пожал плечами, не поднимая глаз от чашки.

– Послушай, что тебе о них известно? Мы в тупике. Найджерия разгуливала с чужими лицами, наряженная в чужую одежду. Она набросилась на меня позавчера ночью, когда я зашел проверить ее квартиру.

– Сисси напала на тебя?! – В голосе Анны звучало недоверие.

Он кивнул.

– Я понимаю, в это трудно поверить. – Он поднял чашку к губам и подул на кофе. – Ты можешь как-нибудь объяснить, почему Найджерия это делала? Может быть, тут замешаны наркотики?

Анна отрицательно покачала головой.

– Сисси не употребляла наркотиков. Она очень осторожно относилась ко всему, что может повлиять на интеллект.

Хол вздохнул и помассировал лицо.

– Вот что я скажу тебе, Сью – Анна, мы приплыли. Мы не знаем, что между ними произошло, почему Найджерия действовала подобным образом. Дело закрыто. Официально. Но, черт подери, чувствуешь себя просто раздавленным, потому что оно… – Он поискал слово.

– Не завершено?

– Не завершено. – Хол улыбнулся. – Ты по-прежнему пишешь?

Ей часто задавали этот вопрос, как будто писательская работа – это фаза, которую она со временем сумеет миновать, или болезнь, от которой сможет оправиться.

– Пишу, – коротко ответила она.

– Ну и как идут дела? – Он замялся. Анна поняла, что ему хочется спросить, удалось ли ей что-нибудь опубликовать, но в то же время он не желает заставлять ее признаваться, что она все еще борется за место под солнцем.

Она потянулась через стол и взяла его за руку.

– Я все еще не продала ни одной книги, но зато написала дюжину серий голографического сериала. Работа – дрянь, но за нее хорошо платят.

На его лице появилось выражение удивления и удовольствия

– приятный контраст с его прежней внешностью замотанного жизнью трудяги.

– Голодрама? Вот это да! Моя маленькая сестричка – сценарист голодрамы!

Она с усилием ему улыбнулась. Как это похоже на Хола – поддаваться магии таких популярных штучек, как голодрама. Анна едва удержалась, чтобы не потрепать его по шапке нечесаных кудрей.

Хол крутил в пальцах свою опустевшую чашку.

– Вчера был на Лонг-Айленде и видел отца.

– Что ему нужно?

– Ничего. Я ездил с ним повидаться. Просто поговорить… – Он пожал плечами. Никогда-то он не умел выражать свои чувства.

– Ну и как он? – суховато спросила она.

– Не знаю. То есть… ну, как всегда. Он такой же, как был. Спросил меня, видимся ли мы. А через несколько часов я действительно тебя встретил. Он хочет, чтобы ты заезжала.

– У меня нет с ним ничего общего, Хол.

– У меня тоже, – пробормотал он. – Но я все-таки поехал.

Потому что ты до сих пор – испуганный маленький мальчик, который боится папочки, подумала она. Она смотрела на него через стол и не могла понять, почему у него всегда такой виноватый вид.

Он поднял голову и посмотрел куда-то мимо нее, на столик в дальнем углу зала. Губы его двигались, неслышно артикулируя фразы, а глаза наполнились такой печалью, что Анна обернулась и посмотрела. В баре было пусто.

– Хол? – позвала она.

Он замотал головой и потер глаза.

– Все нормально. Я так долго не спал, что мне стали чудиться всякие вещи.

– Хол, ты – о'кей?

– Прекрасно, просто прекрасно. – Он так напряженно разглядывал кофейную чашку, так явственно нуждался в том, чтобы выговориться, что у Анны возникло желание запустить стартер – лишь бы он начал.

– В чем дело, Ход?

Он поднял на нее затравленный взгляд.

– Что ты помнишь о пожаре, Анна?

О пожаре? Вопрос ее удивил. Это было так давно. В памяти сохранилось лишь несколько разрозненных картин: языки пламени… рушится крыша… отец бежит по газону. Она не сохранила воспоминаний о своих чувствах в тот момент. Знала, что она была в доме вместе с Холом и Элоизой, но как выбралась

наружу, не помнила.

Она припоминала странные, пустые дни после пожара. Отец сказал ей, что Элоиза теперь на небесах, но она никак не связывала это с пожаром. Только позже, уже став подростком, она поняла, как погибла ее сестра.

Анна пожала плечами и покачала головой.

– Что я помню? Очень мало. Практически ничего. Огонь. Дом рушится. Мне ведь было всего семь лет.

Он кивнул, по-прежнему глядя в свою чашку.

– А ты? – спросила Анна.

Он выразительно задрал плечи.

– То же самое, – безнадежно протянул он и вновь посмотрел через все помещение на что-там-ему-привиделось-раньше.

Они помолчали, наконец Анна сказала:

– Как хорошо, что мы встретились, Хол. Заходи как-нибудь, ладно? – Она полезла в сумочку и протянула ему карту.

Он взял ее в свою квадратную, основательную ладонь и, хмурясь, прочел:

– Анна Эллисчайлд. – И вопросительно посмотрел на нее. – Эллисчайлд?

– Я поменяла фамилию несколько лет назад, – объяснила Анна. – Ты ведь помнишь, Эллис – девичья фамилия нашей мамы. – Сказала и по выражению его глаз поняла, что объяснение ничего не объясняет. Коснувшись его руки, Анна добавила: – Приходи поужинать. У тебя есть кто-нибудь?

Он кивнул.

– Расскажешь мне о ней? Он пожал плечами:

– Я не соображу, с чего начать.

Анна улыбнулась его неумению высказаться, а скорее всего нежеланию открыться.

Они вышли из бара и остановились на тротуаре лицом друг к другу.

– Я серьезно говорю, заходи в гости. И приводи свою девушку, о'кей?

Он снова кивнул. Она потянулась и обняла его, чувствуя, как напряженно его руки касаются ее плеч.

– Пока, Хол.

– Пока. – Он сделал рукой неловкий прощальный жест и пошел прочь, а она смотрела, как он удаляется – невысокая сгорбленная фигура в черном, которая вскоре смешалась с пестрой толпой прохожих на тротуаре.

Анна пошла домой, подняв воротник, чтобы спрятаться от холодного ветра. Дома она позвонит в “Мантони” и попросит позвать Киа. Им и прежде приходилось ссориться, и они день-два

даже не разговаривали, но в таких случаях всегда была причина, событие, которое можно обсуждать, сглаживая противоречия. Сейчас Анна была не в состоянии вспомнить ни одного своего поступка, который мог бы спровоцировать такое странное поведение Киа, ее отстраненность, необъяснимый уход сегодня утром.

Она свернула на свою улицу, и сердце ее радостно забилось: у дома приткнулся знакомый старый “кадиллак”. Она почти бежала последние десять метров до подъезда, взлетела на второй этаж, ворвалась в квартиру и позвала Киа по имени. Потом помедлила в холле и попыталась сосредоточиться. Сказала себе, что должна держаться как можно суше. Она не позволит Киа увидеть, какое облегчение она, Анна, испытала, когда та вернулась. Вместо этого она объяснится с подругой, разберется, что, черт возьми, происходит!

Анна шагнула в гостиную.

Киа сидела у компьютерной стойки, которая принадлежала Анне, что само по себе уже было странно. Как-то Киа назвала компьютер Анны игрушкой по сравнению с могучими системами, на которых она работает у себя в компании.

– Киа?

Еще более странным было то, что тонкий провод соединял Киа с компьютером. Провод выходил из контактного гнезда в черепе Киа, бежал по столу и скрывался во входном порте терминала. Экран подрагивал, по нему бежали строчки закорючек, похожих на математические формулы.

– Киа, что, черт возьми, происходит?

Что-то мешало Анне подойти ближе. Киа расслабленно сидела во вращающемся кресле, бессмысленно таращась в экран; глаза ее при этом иногда двигались, так что временами виднелись белки. Анна почувствовала, как электрический разряд паники ударил ей в мозг, парализовал ее ужасом.

– Киа! – закричала она.

Как будто в ответ на звук своего имени, Киа вырвала контакт из гнезда у себя в черепе и, слегка покачиваясь, встала на ноги.

Едва сдерживая слезы, Анна подбежала к ней и хотела помочь. Киа, Киа, что, черт возьми, происходит?!

Киа повернулась, оттолкнула руку Анны и уставилась на нее взглядом, в котором не было и тени узнавания. Потом, спотыкаясь, она двинулась по коридору к двери. Анна плелась сзади и просила ее остаться и поговорить.

– Тебе нельзя уходить, ты нездорова. Киа, позволь, я тебе помогу.

Когда Анна дотронулась до нее, Киа обернулась и отбросила

руку подруги. Выражение животной злобы на ее лице удержало Анну от дальнейших попыток. Покачиваясь на дрожащих ногах, Киа неловко распахнула дверь и исчезла на лестнице.

Анна привалилась к стене, прижала к губам ладони, словно пыталась удержать рвущиеся из горла рыдания. Наконец она собралась с силами и бросилась в погоню. Выбежала из квартиры, слетела вниз по ступеням, толкнула дверь подъезда и оказалась в леденящем воздухе улицы.

Киа уже забралась в “кадиллак” и запустила мотор. Анна подбежала к боковому стеклу, стала колотить туда кулаком:

– Киа, Киа, ты не можешь…

Автомобиль заурчал, тронулся и рывком отъехал от тротуара. Анна могла лишь стоять и смотреть, как он исчезает в морозной дымке. Слезы на ее щеках стали холодными как лед, и она вернулась в дом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Будильник зазвонил в полночь. Холлидей лежал на спине и смотрел на полосу лунного света, проникшего в мансарду сквозь потолочное окно.

Он прекрасно выспался; лег в полдень и спал без всяких сновидений, что, пожалуй, можно считать чудом, если учесть, какие картины ему пришлось наблюдать этим утром. Барни и он ждали в КомСторе, пока техники пытались расшифровать файл, который Сисси Найджерия ввела за несколько секунд до смерти. Ничего у них не вышло. Барни предположил, что файл может содержать информацию, которую, как надеялся Веллман, Найджерия не станет передавать конкурирующим фирмам. Сисси отправила ее в неизвестном направлении, но вот как и почему она умерла, так и осталось тайной.

Еще одним сегодняшним испытанием была встреча с Сью, нет, с Анной. Холлидей протянул руку, взял с тумбочки ее визитную карточку и прочел новое имя сестры. Анна Эллисчайлд. Однако изменилось не только имя. С их последней встречи она сама стала другой, более мягкой и доброй. Он вспомнил прежнюю Сью, полную горечи и настороженности, всегда высматривающую случай обрушить на него град критических замечаний и обидных наблюдений. За пять-шесть лет она стала взрослой, зрелой женщиной, растеряла свою озлобленность и превратилась в человека, который вполне мог ему понравиться.

Пока он разговаривал с Анной, ему снова явилась Элоиза. Она возникла ниоткуда, присела за столик в дальнем конце зала и стала смотреть на него, болтая под столом ногами. В какой-то момент ее губы сложились в беззвучные слова: “Спроси ее, Хол!” И потому он решил направить разговор на болезненную тему пожара, однако, к его разочарованию, Анна смогла рассказать ему не многим больше, чем помнил он сам. Когда Холлидей поднял глаза, чтобы одернуть Элоизу взглядом, девчонка уже исчезла.

Он зевнул и потянулся. Дело Найджерии закончено, сейчас он начинает новую смену. Интересно, есть ли у Барни в файлах что-нибудь необычное? К примеру, простенький случай сбежавшего мужа?

– Хол, ты проснулся?

Он повернулся и притянул к себе теплый комочек женского тела. Разглядел в лунном свете ее лицо и поцеловал в губы.

– М-м-м… Когда ты вернулась?

– Около пяти. Ты так храпел! Не хотелось тебя будить. Я заползла под одеяло как мышка. – Она протянула руку, вынула

карточку из его пальцев и прочитала имя: – Анна Эллисчайлд. Кто это, Хол?

– Моя сестра.

Ким с недоумением на него посмотрела.

– Но ты же не видел ее несколько лет, Хол. Она что, заходила?

Холлидей подумал, что, может быть, стоит рассказать Ким, как они встретились, но его испугала мысль, что придется объяснять сложные эмоции, которые ему пришлось пережить в баре. И он отрицательно покачал головой.

– Она оставила карточку, пока меня не было. – Он сунул лицо в ее волосы и вдохнул. – Ага, барбекю, свинина со специями, копченые ребрышки, лапша.

– Хол! Я ведь была в душе, прежде чем лечь в постель!

– Я ведь не жалуюсь. Просто я не ел с прошлой ночи.

– Но мы хорошо тогда поужинали, – вспомнила Ким. – Надо почаще ходить куда-нибудь.

– И я так считаю. Слушай, я освобожусь завтра в полдень. Почему бы нам здесь не встретиться и не пойти куда-нибудь на ленч?

– О'кей. – Ее большие черные глаза смотрели на него из-под прямой, “школьной” челки. – Как у тебя с работой, Хол?

– Не спрашивай. Мы искали двоих человек. Обоих вчера нашли. Мертвых.

– Это ты про лесбиянок? Что с ними случилось?

– Мне бы не хотелось об этом говорить…

– Их убили злые духи, да? – Она смотрела на него очень сердито. – Я же тебе говорила, что не нужно браться за это дело! Говорила про злых духов!

Он положил ей на щеку руку, и ее голова оказалась в чаше его ладони.

– Ким, послушай меня. Их нашли мертвыми и сообщили нам, и все. О'кей? Я не хотел бы заниматься злыми духами после того, что ты мне рассказала.

Казалось, она удовлетворена.

– Ты должен о себе заботиться. Твоя работа достаточно опасна, даже если имеешь дело только с людьми. Тебе не стоит связываться еще и с духами.

– Как скажешь, дорогая, как скажешь.

Она покачала головой, потом протянула руку и погладила его по лицу.

– Мы такие разные, Хол! Делаем такую разную работу. Тебе приходится видеть ужасные вещи, а я кормлю людей вкусной едой. Я тебе почти все рассказываю, а ты прячешь все здесь. –

Она, как в дверь, постучалась ему в грудь. – Иногда я думаю: кто же вы, мистер Холлидей? Кто там живет?

Он с удивлением смотрел на нее. Мы всегда совершаем одну и ту же ошибку, думал он. Считаем, что наши слова и действия позволяют другим узнать нас так же хорошо, как знаем себя мы сами. Только позавчера он думал над тем, какой загадкой является для него Ким, и вот теперь она говорит то же самое о нем.

– Я не знаю, кто я, Ким. Я – человек, который тебя любит. Разве этого не достаточно?

– Поговори со мной еще, Хол. Расскажи о себе побольше. Интересно, куда это нас приведет, подумал он. К еще одной вспышке слез? Он притянул ее к себе.

– О чем тебе рассказать?

– Для начала скажи мне, что ты хочешь получить на день рождения?

Холлидей почувствовал облегчение.

– Мой день рождения? Когда?

– Через две недели. В конце января. Это твой первый день рождения…

– Скорее тридцать первый.

– Твой первый день рождения со мной. Я хочу, чтобы он был особенным. Я приготовлю тебе сюрприз, о'кей?

– Ненавижу сюрпризы. Давай лучше все продумаем заранее. Пойдем куда-нибудь. Ну, я не знаю… Куда ты хочешь пойти?

– Это твой день рождения, Хол. Куда ты хочешь пойти? Холлидей ей улыбнулся.

– Я не знаю. Куда угодно. Где тепло.

– ВР! Пляж в ВР!

Он постарался скрыть разочарование.

– Только если ты обещаешь сохранить свое собственное тело, Ким. – Слова выскочили прежде, чем он успел сдержаться, и ему оставалось лишь надеяться, что она не воспримет их как повод для выяснения отношений.

Но Ким рассмеялась, и он облегченно вздохнул.

– О'кей, если хочешь, я оставлю себе это костлявое, надоевшее маленькое тело.

Холлидей снова вдохнул ее запах.

– Именно этого я и хочу.

– Может быть… – неуверенно начала Ким. – Может,. мы пригласим Анну поужинать?

Он смущенно пожал плечами.

– Я не знаю, мы никогда не были близки.

– Может, я сумею организовать вечеринку… – сама с собой

заговорила Ким.

Он поцеловал ее напоследок.

– Как скажешь, дорогая. – Он взглянул на часы у кровати. – Я уже опаздываю. Смена начинается в полночь.

Он оделся, присел на кушетку и стал смотреть на крошечный кусочек Ким, из-под термоодеяла. Убрав челку у нее со лба, он сказал:

– Увидимся здесь, завтра в полдень, о'кей?

Она пошевелила пальцами на прощание и целиком нырнула под одеяло. Холл ид ей вышел из мансарды и спустился в офис.

Барни угрюмо смотрел на экран деск-кома. Увидев партнера, он неразборчиво пробурчал какое-то приветствие. Хол-лидей, сев на диван, налил себе кофе и взглянул на экран.

– Это факты из дела Найджерии-Виллье, Хол. Никак не могу перестать думать о нем.

– Я тебя понимаю. Какая-то бессмыслица. Почему, черт возьми, она это сделала?

– Давай рассуждать логично. Люди убивают других людей, даже возлюбленных. Тут странность в другом. Это убийство не из тех, что совершаются в пылу ссоры. Они встретились в десять, Найджерия была в личине латиноса. Поднялись в номер, и Найджерия хладнокровно нарезала свою любовницу на дюжину кусков. – Он рубанул ладонью воздух. – В этом нет никакого смысла, никакого!

– А до этого она напала на меня в виде латиноса. И это, по словам всех ее друзей, мягкая, щедрая, веселая девушка!

– Вопрос в том, связаны ли эти события между собой? Файл, который она бог знает куда перекачала, – какое отношение он имеет к убийству и нападению на тебя? О'кей. Я могу представить, как он связан с нападением. Она могла по самые уши увязнуть в промышленном шпионаже и решила, что ты занимаешься его расследованием, а потому следовало от тебя избавиться. Но такая версия никак не объясняет убийство Виллье. Холлидей вздохнул.

– Может, Виллье знала про шпионаж и пыталась ее остановить?

– Все может быть. – Барни выглядел обескураженно. – Могла найтись тысяча различных причин, о которых мы даже не догадываемся.

Холлидей сделал большой глоток горького кофе.

– Когда мы с тобой вчера расстались, – продолжал Барни, – я виделся с Веллманом. Знаешь, там тоже нечисто. Я прямо нутром чую.

– Что случилось?

– Он ведь весь из себя такой благополучный, гладенький, самодовольный. Кремовый костюм, большой дом, холеная жена на заднем плане и все такое. Я рассказал ему про Найджерию, что она сделала с Виллье, что произошло в Ком-Сторе. Он все время потел, как в турецкой бане. Ты заметил вчера, как он потеет, Хол? У парня, который так потеет, рыльце точно в пушку. Значит, я рассказал ему, что Найд-жерия перекачала большой файл бог знает куда. Он весь побелел и стал потеть еще больше. Я его спросил, не согласен ли он с моим мнением, что файл содержит информацию, представляющую ценность для других компаний. Он трясет головой, а сам пребывает мыслями неведомо где. Потом пытается поскорее меня сплавить. Говорит, что, с его точки зрения, мы выполнили все условия контракта, благодарит за потраченное время, торопливо подписывает чек и выпихивает меня в двери.

– По крайней мере этот засранец заплатил. Барни подцепил со стола чек.

– И неплохо заплатил. Я даже не успел представить счет. Он просто подписал вот это и передал мне.

Холлидей взял у него из рук чек, посмотрел и присвистнул.

– Десять тысяч долларов. Может, не такой уж он мерзавец, а?

– Но его реакция, когда я сообщил ему, что Найджерия перекачала файл,.. Он даже не спросил меня, какой файл, каких в точности размеров, как он был закодирован, куда адресован… Ничего! Наверняка, если бы он действительно боялся, что к конкурентам попало все, что знала Найджерия о последних разработках КиберТек, он вытряс бы из меня все подробности. А он – ни слова, вот чек, и адью.

– Да, дела… – пробормотал Холлидей. Барни встал, встряхнулся.

– Ну все, я закончил. Увидимся завтра. – Он толкнул дверь в свою комнату.

Холлидей подливал себе кофе, когда деск-ком издал мелодичную трель вызова. Он принял сигнал и плюхнулся в кресло.

Экран осветился, появилось узкое, только нос и кадык, лицо. Холлидей целую секунду не мог вспомнить, что это за тип.

– Косинский, – наконец произнес он, испытывая удовольствие при виде кибер-волшебника.

Услышав это имя, Барни выглянул из-за двери.

Холлидей махнул ему рукой, постаравшись не попасть в поле обзора экрана. Барни быстро обошел стол и встал сбоку, чтобы видеть экран.

– Джо! – дружелюбно воскликнул Холлидей. – Чем могу

помочь?

Косинский нервно дернул шеей.

– Мне нужно с вами поговорить, мистер Холлидей. Холлидей кивнул.

По обе стороны от Косинского возвышались стеллажи компьютерного оборудования, а за спиной огромное окно выходило на Нижний Манхэттен. Вдалеке Холлидей заметил башни-близнецы Всемирного торгового центра.

– Прекрасно, у вас или у меня?

– Ни там, ни там. Слишком рискованно, мистер Холлидей. Нам нельзя реально встречаться. Вы не понимаете, насколько это опасно… – Он провел дрожащей рукой по своим растрепанным волосам. – Найджерия и та, другая женщина уже погибли.

Холлидей переглянулся с Барни и снова обратился к экрану.

– Откуда вы знаете об этом, Джо? Косинский нетерпеливо отмахнулся:

– Мне рассказал Веллман. Я говорил с ним пару часов назад.

Холлидей кивнул.

– Зачем вы хотите со мною встретиться?

– Сейчас я ничего не могу объяснить. Не по компьютеру. Эта сеть ненадежна. Если то, что я знаю, попадет не в те руки… – Он помолчал. – Послушайте! Вся компьютерная система, Сеть… Ей же нельзя доверять, понимаете? Информация по делу Найджерии, если она хранится у вас в компьютерных файлах, никак не защищена, поймите! На вашем месте я бы ее скопировал, а потом стер файлы.

– Не так уж много мы знаем, – возразил Холлидей. – Да и в любом случае, кому нужно…

– Вы пожалеете, если не послушаетесь меня, – выкрикнул Косинский, глядя на Холлидея паническим взглядом. – Вы понятия не имеете, насколько это опасно!

Холлидей успокаивающе произнес:

– Джо, наша система защищена от несанкционированного вторжения всем новейшим программным обеспечением… – Может, этот парень и гений, но у Холлидея возникло впечатление, будто он говорит с ребенком.

Косинский резко затряс головой.

– Мистер Холлидей, вы – прекрасный детектив, но, честно сказать, в защите данных вы ни хрена не понимаете.

– О'кей, Джо, сделаем, как вы говорите. Косинский удовлетворенно кивнул:

– И правильно. Так мне будет спокойнее. Холлидей посмотрел на Барни, тот шепотом спрашивал:

– Где он хочет с тобой встретиться? Холлидей повернулся к

экрану.

– Джо, вы говорили, что нам нужно увидеться… Говорите где. Я приду.

Косинский испуганно усмехнулся:

– Я уже говорил, нельзя договариваться по Сети.

– А как же тогда…

– Напротив вашего дома есть забегаловка – китайская франшиза.

– Хотите встретиться там? – Это выглядело абсолютно невероятным. Почему Косинский не может прийти в офис?

Собеседник уже отрицательно мотал головой:

– Слушайте. Там работает девчонка по имени Кейси. У нее есть для вас конверт. В нем инструкции, как меня найти. Выполняйте их в точности. Ах да… Конверт тоже закодирован.

– И какой там код, Джо?

– Он у Кейси во втором конверте. – О'кей.

– Инструкции приведут вас еще куда-нибудь, там вы получите новый конверт и в конце концов окажетесь на месте встречи.

– О'кей, я понял.

– В качестве предосторожности уничтожайте каждый конверт, когда в нем отпадет необходимость, о'кей? Все это выглядит как странная шарада, мистер Холлидей, но я должен быть уверен, что за нами не следят.

– Я понимаю, что вы имеете в виду.

– Если вы отправитесь из офиса прямо сейчас, у вас будет достаточно времени. И еще кое-что. Я не хочу, чтобы вас кто-нибудь страховал. Даже ваш партнер, мистер Клюгер, ясно? Чем меньше людей будет знать, куда вы отправляетесь, тем лучше.

– Один вопрос, – прервал его Холлидей. – От кого мы прячемся?

Косинский заколебался, как будто не зная, следует ли сообщать Холлидею. Он задумчиво качал головой, лицо его искривилось, словно от боли.

– Конкуренты КиберТек, так? – спросил сыщик. – Люди, которым Найджерия продавала информацию?

– Мистер Холлидей, соперничество между компаниями не имеет к этому делу никакого отношения. Все значительно сложнее и масштабнее. Если бы я вам сказал, вы бы не поверили, но я и не собираюсь говорить об этом сейчас. – Он протянул дрожащую руку и хотел отключить экран, но потом остановился. – Мистер Холлидей, непременно сотрите этот разговор, о'кей? Я закодировал его, как только мог, но береженого Бог бережет… Увидимся позже. – И он отключился.

Холлидей смотрел на пустой экран, потом откинулся в кресле

и глубоко вздохнул. Барни присел на краешек стола. Плотно сжав губы, он размышлял над услышанным.

– Ну и что ты обо всем этом думаешь, Хол?

– Я и сам не знаю, бояться или радоваться, что дело продолжается. Что-то подсказывает мне: Джо Косинский обделался от страха не без причины.

– Можно ли ему доверять? Холлидей пожал плечами.

– Не вижу повода усомниться, по крайней мере до тех пор, пока не выясним, что он может сообщить. Я понимаю, мы встречались с ним только один раз, но он мне понравился. В своем деле он, конечно, может быть гением с IQ как у Эйнштейна, но, полагаю, кое в чем я его обштопаю.

Барни нахмурился.

– Насчет того, чтобы никто не подстраховывал… Мне это не нравится.

– Я свяжусь с тобой, как только выясню, где мы встречаемся.

– В твое отсутствие… – Барни с похоронным видом уставился на деск-ком. – Думаешь, следует скопировать все материалы по делу Найджерии и стереть их из Системы?

– Не знаю. – Холлидей взболтал остаток кофе в чашке, проглотил его и встал. – Увидимся, – бросил он.

– Будь осторожен, Хол. И не забудь позвонить, когда узнаешь, где ты будешь.

Холлидей вышел из офиса, спустился по ступеням, на ходу застегивая молнию куртки, чтобы укрыться от пронизывающего ледяного ветра, и оказался на тротуаре. Даже в этот ранний морозный час дети беженцев толпились вокруг продуктовых палаток, которые тянулись по обеим сторонам улицы. Ароматный пар висел в воздухе над навесами; запах готовящейся еды напомнил Холлидею, как давно он что-нибудь ел.

Он перешел проезжую часть у палатки, где работала Кей-си. Она грела ладони у кипящего котла. Ее изможденное лицо указывало на происхождение из люмпенов разоренного Юга.

– Как дела, Кейси?

– Хай, Хол! Эй, слушай, тут недавно приходил один парень, кое-что для тебя оставил. Такие солидные конверты. Вот они.

Холлидей взял конверты и заказал рулет из цыпленка и горячие пирожки. Пакет приятно согревал руки, пока он нес его к “форду”. Уложив его на пассажирское сиденье, он включил зажигание и свет в салоне.

Кодовый замок на первом конверте имел нумерацию от одного до десяти. Сыщик взялся за второй. Там на единственном листке бумаги была напечатана цепочка из восьми цифр. Холлидей набрал шифр на замке первого конверта и вынул

листок с рукописным текстом.

207 Щ

ДАмстер Холлмдей,

В час ночи отъезжайте от своего осриса. По Пар1‹-авеню доезжайте до 23-й улиˆы и таАv поверните, •Ма углу 23-й улмˆы и Пятой авеню есть бар/ называется он “ˆ Коннеллм”. Найдите мерного барл\ена с серебрянылил татучров!‹ал\м на голове. V него it оста атр;ил следующую порцию инстру!‹аий. d‹а›ките ел\у” что вас Послал DAo/ и он выдаст второй запечатанный 1‹онверт. Код тот Же. Увмдиллся иозЛе.

DAo.

Холлидей развернул сверток с рулетом и стал жевать, решив еще раз прочитать сообщение. Потом вспомнил указания Джо Косинского, включил мотор, поджег записку и, открыв дверцу, выбросил горящий листок на улицу. Отъехав от обочины, он, продолжая жевать рулет, направил машину на юг. Черт побери, чего же так опасается этот Косинский? Холлидей снова перебрал в уме факты из дела Найджерии, вспомнил собственное чувство неудовлетворенности, когда его пришлось закрыть. И сейчас, несмотря на слова Джо об опасности, несмотря на то, что он вчера увидел в номере отеля, Холлидей радовался возможности снова заняться этим случаем. Расстраивала его только необходимость обманывать Ким.

Через пятнадцать минут он повернул на Двадцать третью Восточную улицу и остановился у бара. В витрине мигал флуоресцентным светом трилистник – символ Ирландии. Холлидей пересек тротуар, толкнул дверь и нырнул в гостеприимное тепло помещения. В этот час бар был почти пуст. У стойки сидели только убежденные любители выпивки и смотрели на стенных экранах футбол с Западного побережья и матч по скайболу.

Холлидей заказал “карибас” у высокого чернокожего бармена с серебряными украшениями на лице.

– Я – друг Джо. Он оставил мне что-нибудь?

– Точно, приятель. Держи!

Холлдей отнес кружку с пивом и конверт, в точности похожий на первый, к кабинке у дальней стены бара. Он сделал большой глоток пива, ввел код в замок на конверте, вытащил листок и положил его на столешницу.

Лестер ХоЛЛидей,

Б час тридцать уходите из бара “У КоннелЛи” и поезжайте U ВР-бару Мантони 6 Целей на углу Г› атр;адиать третьей Западной и Т-Эесятой а атр;еню. Заплатите за часо атр;ой билет/ зайдите 6 Любую 1‹абину 6 баре и 6 лˆеню стенного экрана 6 атр;едмте

следующее: Сайт Гмллалаи, 37аBRT. Б 1i45 погружайтесь 6 ванну. •Найдите храм – его нельзя не увидеть. Через пять лхинут я U балл подойду. Убидиллся.

Dжо.

Он скатал записку в шарик и сунул его в карман. Мысль, что снова придется отправляться в виртуальную реальность, наполнила сердце Холлидея непонятным смущением. Он часто сомневался, потревожил ли первый визит в ВР образ Элои-зы в его мозгу или этот призрак все равно всплыл бы в естественном ходе событий. Если верен первый вариант, то неизвестно, какие еще привидения могут проснуться в его сознании к моменту следующего выхода из резервуара с гелем.

В час тридцать он допил пиво и вышел из бара, не забыв сжечь второе сообщение, и по Двадцать третьей Западной улице поехал в сторону Челси.

ВР-бар Мантони имел голографический фасад в виде сказочного замка; его витые ледяные колонны, балкончики и башни создавали разительный контраст с соседним зданием – огромным старым складом из красного кирпича. Здешний ВР-бар, очевидно, был менее популярен, а потому вдоль тротуара выстроилась лишь коротенькая очередь клиентов. Холлидей припарковал машину и встал в очередь, поглядывая по сторонам в поисках Джо Косинского. Вице-президента КиберТека нигде не было.

Через пять минут он уже достиг касс, купил, как указывалось в инструкции, один часовой билет за двести долларов и прошел в приемную, где его встретила девушка в красной униформе и проводила в кабину для одного.

Холлидей стал рассматривать ванну с гелем в центре маленького, отделанного плиткой помещения. Похожий на гроб резервуар со стеклянными стенками был наполнен какой-то отвратительной коричневатой жижей, создавая впечатление некоего футуристического катафалка. Неприятное действо погружения в эту субстанцию входило в противоречие с обещанными чудесами. Холлидей коснулся стенного экрана и ввел код в меню сайтов. Одежду и внешность он предпочел оставить свою собственную.

Перед тем как раздеться, он позвонил Барни.

– Хол, ты где?

– В ВР-баре Мантони, в Челси. Я должен встретиться с Косинским не где-нибудь, а в виртуальной реальности. Я купил билет на один час. Я позвоню, как только выберусь оттуда, не позже чем в три, о'кей?

– Тогда и поговорим.

В час сорок пять он разделся, сунул одежду в специальный шкафчик, прикрепил провода и маску для лица и ступил в теплый гель. Потом сел, чувствуя, как липкая субстанция охватывает его тело с неприятной, навязчивой интимностью. Лег и пережил тридцатисекундный период постепенной утраты всех чувственных ощущений. Казалось, он превратился в бестелесый дух, который плавает в море спокойствия и благополучия. Но вдруг, взрывом, все вернулось, и – вот чудо! – он больше не лежал в ванной!

Холлидей стоял на залитом солнечным светом высокогорном лугу, перед ним расстилалось зеленое, сияющее море трав, которое, постепенно поднимаясь, уходило к далекой горной цепи на горизонте. У него перехватило дыхание от зрелища этих грандиозных массивов. Чтобы полностью охватить взглядом панораму, ему пришлось запрокинуть голову. Лучезарные пики возвышались над ним с пугающим, без-ликим великолепием. Покрытые снегом невероятной, ослепительной белизны, они излучали просто божественное сияние.

Он напомнил себе, что это все-таки не настоящие Гималаи, а всего-навсего хитроумная нейрогаллюцинация, и огляделся в поисках храма, о котором говорил Косинский. Внизу, насколько хватало глаз, простирались тающие в туманной дымке долины, прорезанные серебряными нитями рек и пестрящие зелеными заплатками обработанных полей.

Выше по склону, у небольшой сосновой рощи стоял маленький каменный храм с крышей из терракотовой плитки. Холлидей направился в ту сторону, поражаясь, насколько естественны все реакции этого тела, так похожего на его собственное. Он взбирался по склону, чувствуя, как напрягаются мышцы ног, ощущая дуновение теплого ветра на коже лица. Под стенами храма располагалось каменное изображение Будды в позе лотоса.

Холлидей огляделся в поисках Косинского. Складывалось впечатление, что сыщик – единственный обитатель этой виртуальной Шангри-Ла. Вдали на склонах паслись стада яков, кое-где над крышами поднимался дымок.

И тут он заметил монастырь. Холлидей как раз рассматривал невысокую гряду слева, когда разглядел встроенные в вертикальную плоскость утеса отвесные стены крепостного сооружения, на разных уровнях увенчанного дюжиной заостренных, крытых черепицей крыш.

– Правда, впечатляет?

Холлидей обернулся. Из сосновых кущ показался Косинский, но очень изменившийся Косинский, вовсе не похожий на того нервного, неуклюжего юнца, которого Холлидей видел в Нью-

Йорке. Этот был облачен в охряные одежды буддийского монаха Махаяна. Голова выбрита, а отсутствие волос только подчеркивает размеры носа и кадыка. В виртуальной реальности он казался значительно спокойнее, как будто вместе с западной одеждой он оставил в реальном мире и свою нервную энергетику.

– Каждую неделю я удаляюсь в ламаистский монастырь медитировать и брать уроки, мистер Холлидей.

– Хол. Договорились? Зовите меня Хол. Буддийский монах кивнул. Он обвел рукой зеленый, взбирающийся по склону луг, горы, широкие долины и спросил:

– Ну и как вам здесь? Холлидей покачал головой.

– Потрясающе! Даже сравнить не с чем. У меня просто нет слов. Я ничего не знаю о связанных с этим технологиях, для меня это выглядит как чудо. – Он посмотрел на Косин-ского, думая о том, что случилось на пляже, и о последующих явлениях Элоизы. – Но последствия могут быть неблагоприятными.

– Что вы имеете в виду?

Холлидей рассказал Косинскому о своих галлюцинациях.

– А, вы говорите о случайных возвратах энграммы. Холлидей про себя улыбнулся:

– Может, и о них. Знать бы только, что это такое. Позавчера на пляже в виртуальной реальности у меня в голове как будто что-то взорвалось. Я почувствовал внезапную, очень сильную тоску.

Косинский понимающе кивал головой.

– Галлюцинации со временем пройдут. Видите ли, виртуальные впечатления действуют, непосредственно активизируя сигнальные волокна мозга – аксоны. Таким образом, моделируются синаптические функции. Виртуальная реальность не проецируется, как кино, в ваши глаза и не проводится через кожу, как считают некоторые люди. Это прямая программно-церебральная связь, то есть связь между программой и мозгом. Иногда случайные огрехи, микроскопические ошибки в расчетах могут приводить к декодированию энграмм, похороненных или подавляемых воспоминаний. В исключительных случаях это может привести к возникновению галлюцинаций в реальном мире.

– Но вы говорите, они пройдут?

– До настоящего времени все зарегистрированные случаи длились не более нескольких дней.

Косинский указал рукой на храм. Они поднялись по трем ступеням и сели в тени на деревянную скамью. Холлидей смотрел вниз, на далекие холмистые долины и окутанные туманом равнины.

– Почему ВР-бар Мантони, а не один из баров КиберТек? Косинский вздохнул.

– Это как раз связано с тем, почему мы здесь встретились, Хол. Видите ли, у Мантони замкнутая система. Насколько я знаю, она защищена от вторжения или инфильтрации. Здесь мы можем быть уверены в абсолютной конфиденциальности, секретности, которую нельзя гарантировать нигде в реальном мире. Мы могли бы встретиться в самой отдаленной точке штата Нью-Йорк, но и там нас можно было бы подслушать.

– Вы тоже сейчас в этом баре? Я вас не заметил… Буддийский монах улыбнулся.

– Я в своей собственной ванной, в безопасном месте.

– Тогда как же вы связываетесь с виртуальным миром Мантони?

Косинский чуть заметно улыбнулся:

– Самым незаконным образом, вот как. Когда мне потребовалось укрытие, я сам разработал эту связь. Для встречи с вами я предпочел ВР-систему Мантони, а не КиберТек. Видите ли, у КиберТек повсюду единая система, мы не были бы в безопасности ни на одном ВР-сайте КиберТек.

Холлидей с сомнением посмотрел на собеседника:

– В безопасности от кого, Джо?

В первый раз в манере Косинского проявилась его прежняя неловкость. Быстрым, нервным жестом он дернул головой, сумев избежать прямого взгляда Холлидея.

– Вы бы мне не поверили, Хол, если бы я все вам выложил. Мне надо начать с самого начала, постепенно подходя к самой сути. Видите ли, иногда правда выглядит очень уж дико.

Холлидей поставил ногу на лавку и обхватил колено, наблюдая, как Косинский в образе монаха собирается с мыслями.

– Все началось примерно пять лет назад, когда мы экспериментировали с основными свойствами виртуальной реальности. Одной из самых больших трудностей, с которыми мы столкнулись, оказался огромный объем информации, данных, необходимых для создания убедительной смоделированной реальности. Требовалась просто невероятная мощность компьютеров. Нам удалось создать систему, которую мы назвали, за неимением лучших вариантов, Линейный Интегрированный Нексус. Ученые, Хол, любят сокращения, акронимы. Получился LINx. ЛИНкс – это группа суперкомпьютеров, действующих параллельно, умеющих перепрограммировать себя и изменять конфигурацию системы по экспоненте. Самое невероятное, что это сработало! Система позволила нам создать прототип сайта виртуальной реальности по крайней мере на три-четыре года

раньше конкурентов. Разумеется, это мало напоминало то, что мы видим здесь, но все же это было начало.

– Дальше – больше, – пробормотал Холлидей.

– Вот именно, дальше – больше… – отозвался Косинский. – Со мной в КиберТек работала великолепная команда. Мне было двадцать лет, я все еще изучал теорию компьютеризации в Массачусетсе, а КиберТеком занимался в свободное время. Я тогда и представить не мог, что из него выйдет. – Косинский замолчал и уставился на горный склон.

– И что произошло, Джо?

– ЛИНкс работал прекрасно. Мы его постоянно совершенствовали. Мы представляли прообраз той виртуальной реальности, которую хотели создать, и чтобы достичь этого, надо было разрабатывать все более мощные версии ЛИН-кса. Это был поразительный инструмент! Как будто работаешь с самым совершенным энциклопедическим разумом на нашей планете! Только, разумеется, это был не разум, а просто очень разветвленная компьютерная сеть. ЛИНкс помог нам решить целую серию проблем, предложил новые направления и подходы к теоретическим ситуациям. Потом он разработал прототип наноцеребрального интерфейса. ЛИНкс утверждал, что для более успешной работы программирующих блоков с интегрированными логическими схемами необходима прямая связь машины и человеческого мозга. Три года назад моя конструкторская группа создала первый образец NCI – наноцеребрального интерфейса. Наш коллега по имени Дэн Ривз стал первым добровольным испытателем имплантата. Эксперимент прошел успешно. Через несколько месяцев были разработаны более совершенные модели имплантата. Дэн перенес несколько операций с целью внедрения новейшей версии, и каждый раз все с большим успехом. В прошлом году мы снабдили Сисси Найджерию самой последней, уникальной моделью. Именно она вместе с ЛИНкс помогла КиберТек сделать гигантский рывок вперед и открыть ВР-бары, когда другие еще чесались, не зная, как подступиться к этому делу. В один момент директора компании и все держатели акций сделались мультимиллионерами, и все благодаря одному предложению ЛИНкс, сделанному во время рутинного обмена идеями три года назад. – Косинский улыбнулся собственным мыслям. – Дело в том, что ЛИНкс хотел, чтобы весь технический персонал на предприятии был снабжен таким интерфейсом. Но мы поостереглись выполнять это требование. В конце концов, это еще относительно новая технология.

Косинский снова замолчал. Холлидею показалось, что он догадывается, к чему все это приведет. Никаких сверхсекретных

материалов Найджерия конкурентам не продавала. Да Джо и сам уже говорил, что промышленный шпионаж здесь ни при чем. Дело значительно проще. Имплантированный Найджерии наноцеребральный интерфейс дал сбой, расстроил ее сознание и связь с реальностью. Такая версия объясняет дикую, бессмысленную жестокость и даже ее собственную смерть.

– Джо, значит, этот церебральный блок испортился и Найджерия сошла с ума?

Косинский в упор посмотрел на Холлидея, помолчал, потом улыбнулся.

– Хол, если бы все было так просто, я был бы самым счастливым человеком на свете.

– Тогда в чем дело?

Косинский поправил складки мантии на своих плечах.

– Примерно три месяца назад мы заметили, что в банке памяти ЛИНкс не хватает существенного массива данных. На его месте была пустота. Сначала мы заподозрили шпионаж: какая-нибудь соперничающая с нами компания проникла в систему и умыкнула данные. Но, прогнав тесты на несанкционированное вторжение, мы убедились, что ничего подобного не произошло. Тогда возникла версия предательства: кто-то из КиберТек мог украсть эту информацию. И опять расследование дало полный ноль. Получалось, что никто не мог совершить кражу, не переполошив тысячи защитных механизмов.

Пока все это происходило, старшие конструкторы моей собственной команды, а с ними и я, разрабатывали программы, связанные с искусственным интеллектом, который обладал бы самосознанием и способностью к принятию решений – SADMAI – self-aware, decision-making, artificial intelligence, в просторечии – САДМАЙ. Но проект вдруг стал тормозить, давать обратный эффект. Полученные нами позитивные результаты возвращались как негативные. Мы вели исследования в предложенных направлениях, а они оказывались тупиковыми ветвями.

Наконец на прошлой неделе один из младших инженеров кое-что обнаружил. Он нашел в компьютерном рабочем комплексе Найджерии и Ривза испорченные файлы, файлы, которые они пытались уничтожить без предварительной консультации с коллегами. А при работе в команде это не принято. Мы восстановили их, нашли записи и формулы, не связанные с проектом САДМАЙ, и решили, что Найджерия и Ривз проводили собственные, частные расчеты. Продолжая расследование, мы установили, что в течение последних месяцев они пользовались несанкционированным доступом к ЛИНксу. Мне пришло в голову, что данные, пропавшие из ЛИНкса, могли

быть перекачаны в НЦИ – наноцеребраль-ные интерфейсы Найджерии и Ривза. Это было настолько невероятно, что при расследовании никто и не подумал проработать такой вариант. Мы проверили, и угадай, что нашли?

– Данные действительно перекачали в их блоки? Косинский кивнул.

– Вот именно, Хол.

– Значит, они все-таки занимались промышленным шпионажем?

Косинский энергично затряс головой:

– Я тебе уже говорил, это не имеет никакого отношения к такой мелочи, как шпионаж.

Холлидей вспомнил о позавчерашних словах Веллмана. Тот утверждал, что промышленный шпионаж может довести КиберТек до катастрофы. Сейчас сыщик пытался соотнести это с мнением Косинского, который назвал шпионаж мелочью.

– В тот день, когда мы обнаружили эти факты, Найджерия и Ривз исчезли. Я сообщил обо всем Веллману, и, разумеется, мы в первую очередь исследовали версию шпионажа. Самое естественное предположение, но неверное.

– Продолжай.

– Когда мы обнаружили испорченные файлы в рабочих компьютерах, я нацелил свою команду на анализ того, как много знали Найджерия и Ривз о проекте САДМАЙ. Расследование дало неожиданный результат: информация, касающаяся искусственного интеллекта, которую Найджерия пыталась стереть, не могла быть введена ни самой Найджерией, ни Ривзом. Она была записана кодом, не известным ни одному из них, а равно и их имплантатам.

– Но ведь ее обнаружили у них в компьютерах…

– Так и есть, но не забудь, они имели несанкционированный допуск к ЛИНксу.

– Не понимаю.

– Ну подумай, Хол! Если Найджерия и Ривз не имеют отношения к данным об искусственном интеллекте…

Косинский в упор смотрел на Холлидея, пока до того наконец не дошло.

– Господи! – ахнул сыщик. – Ты имеешь в виду, что… ЛИНкс?

– Это единственный вывод, к которому мы смогли прийти. ЛИНкс расширялся без нашего ведома, развивал свои структуры, планировал стратегию. А Найджерию и Ривза он использовал как пешки в своей игре. Помнишь, он сам предложил использовать наноцеребральные интерфейсы? Когда он достиг самосознания, он эту информацию из базы данных убрал. Потому-то мы и не

могли ее найти. Я понятия не имею, где он базируется. Где-нибудь в сети Интернета. Потом, когда он понял, что мы восстановили данные и вышли на Найджерию и Ривза, он загрузил себя, точнее, часть себя в имплантат Найджерии и захватил над ней полный контроль.

Холлидей рассматривал сидящего рядом с ним буддийского монаха и размышлял, можно ли верить услышанному. Наконец он произнес:

– Но почему… почему Найджерия позволила воспользоваться собой? Почему она разрешила ЛИНксу загрузить себя в ее черепной имплантат?

– Имплантат был у нее уже год, – ответил Косинский. – Она общалась с ЛИНксом множество раз. Мы можем только догадываться, как было дело. Скорее всего ЛИНкс вмонтировал небольшую частичку себя или, возможно, какую-то команду на очень ранней стадии. Так что на самом деле Найджерия находилась под контролем ЛИНкса с момента, когда ей был имплантирован этот блок. То же самое относится к Ривзу.

Холлидей встал и вышел из храма. По лицу его пробежал теплый ветер, издалека доносились медлительные звуки колокола.

Он обернулся к Косинскому:

– У тебя есть надежные, реальные доказательства? Все это звучит…

– Понимаю. Это выглядит невероятно. Год назад я бы и сам ни за что не поверил. Доказательства? В КиберТек у меня есть файлы. Некоторые хранятся дома в сейфе. Ты в них едва ли разберешься. Самое убедительное доказательство – то, что произошло вчера с Сисси Найджерией.

Холлидей вернулся к скамье и сел.

– Вернемся на несколько дней назад. Я расследовал исчезновение Найджерии, отправился к ней в квартиру и увидел, что компьютерная установка разрушена.

– Вероятно, это сделано, чтобы скрыть уличающие свидетельства, что она работала с ЛИНксом из дому. Она, а вернее, ЛИНкс в тот момент не имел информации, что мы располагаем такими свидетельствами в КиберТек.

– Потом она напала на меня в обличье латиноамериканского киллера. Не убила меня только чудом.

– Она не нападала на тебя, Хол. Это был ЛИНкс. Теперь мы имеем дело с искусственным разумом. У него нет совести. У него есть только знания и стремление увеличивать эти знания любой ценой. Здесь проявляется механизм выживания.

Холлидей задумался: зачем ЛИНкс счел необходимым убить

Кэрри Виллье? Вспомнил, что рассказала вчера Анна, когда они сидели в баре. Кэрри считала, что Сисси ведет себя странно, как будто в нее что-то вселилось. Очевидно, ЛИНкс решил, что Кэрри представляет для него серьезную опасность, и вынес ей смертный приговор.

– Вчера он убил Кэрри Виллье, – вслух добавил он, – а потом заставил Найджерию подключиться к компьютерному терминалу в КомСторе и куда-то себя перекачал…

– Затем послал микроволновый сигнал прямо в интерфейс Найджерии и мгновенно ее убил, – продолжил Ко-синский.

Холлидей с сомнением посмотрел на него:

– Но зачем ему убивать своего носителя, Сисси Найд-жерию?

Косинский только отмахнулся:

– Полиция шла по ее следу, и ЛИНкс не желал, чтобы ее интерфейс попал неповрежденным к властям или в Ки-берТек.

– Господи, – прошептал Холлидей. – У вас есть какой-нибудь способ выследить его, найти, где… – он тряхнул головой, едва не рассмеявшись тому, что собирался сказать, – где у него логово. – Как будто речь шла об опасном хищнике, который зверски убивает при каждом удобном случае без всякого сострадания.

– Проследить, где он прячется? – закончил за него Косинский. – Интернет – это очень большое пространство, Хол. Он может быть где угодно. К тому же ему не требуется массивная память, чтобы поместиться там целиком. Он может дробить себя до бесконечности, потом рассовать кусочки по крошечным ячейкам от Азербайджана до Заира, а собрать себя практически мгновенно. – Косинский замолчал. – Но я работаю над этой проблемой. Видишь ли, у меня есть его сигнатура. Сейчас я пишу программу для расшифровки кода, которым он пользуется, чтобы запутать следы. Думаю, я близок к решению. День, может, два…

– А когда ты его найдешь, то что?

– Тогда я смогу его убить, Хол. В конце концов, я его создал, у меня есть методика уничтожения его самого и всех копий, которые он создал.

– А до тех пор он может бродить где хочет? Косинский мрачно кивнул:

– И делать, черт возьми, что взбредет в его электронные мозги.

– А не можете ли вы… ну, я не знаю… закрыть часть Интернета?

Косинский рассмеялся:

– И поставить мир на колени? Это невозможно. Ты не представляешь, насколько все зависит от компьютерной Сети.

Тут в голову Холлидея пришла неожиданная мысль:

– Чего он хочет, Джо? Я имею в виду, что если он стремится толькб к выживанию, то нам нечего бояться. Может, он действительно похож на дикое животное? Оно нападает, только чтобы обеспечить собственное существование. Если его оставить в покое, оно будет жить вполне мирно.

– Мне это тоже приходило в голову, Хол. Но опасность исходит даже не от того, чего он сам хочет, а мы все равно не в состоянии это определить. Дело в том, чего от него захотят добиться другие, например, другие правительства… ЛИНкс – это потенциально могучее оружие в арсенале любого государства. Даже если рассматривать только компьютерную мощность, то и она огромна, но ведь ЛИНкс способен к мышлению, рациональным поискам, к принятию решений, к развитию, наконец.

– Ты описываешь его прямо как какого-то бога.

– Ну, это зависит от твоего определения бога… Холлидей во все глаза уставился на Косинского.

– Говоришь, программа-убийца будет готова через день-два?

Косинский пояснил:

– Меня сдерживает то, что нельзя обратиться к оборудованию в КиберТек, где расположена моя рабочая установка.

– Ты думаешь…

– Именно, – подтвердил Косинский. – ЛИНкс знает, что я иду по его следу. Знает, что у меня есть возможность его уничтожить. Он уже убивал, чтобы обеспечить свое выживание, и будет убивать снова. – Компьютерщик улыбнулся. – Никогда не слышал о чудовище Франкенштейна? А этот зверь еще опаснее. Если я только высунусь, он меня прикончит. Сейчас я спрятался в безопасном месте и здесь работаю.

– Но ты ведь обращался к нам раньше через обычную коммуникационную сеть.

Косинский рассмеялся.

– За кого ты меня принимаешь, Хол? Вид из квартиры, где я находился, Всемирный торговый центр – это голографическая проекция. Так, на всякий случай. Кроме того, я воспользовался кодировщиком и стер след сигнатуры, чтобы нельзя было установить абонента. – Он посмотрел на Холлидея. – Хол, я позвал тебя потому, что мне нужна твоя помощь. Видишь ли, программа, которую я пишу, уничтожит ЛИНкс, но до тех пор надо еще принимать во внимание Дэна Ривза. Он – второй и последний человек на Земле, которым может манипулировать ЛИНкс. Если убрать Ривза, ЛИНкс окажется заперт в Сети. Я считаю, что когда ЛИНкс перекачал себя из имплантата Найджерии, он загрузился в наноцеребральный интерфейс Ривза.

ЛИНкс знает, что я иду по его следу, и постарается разделаться со мной раньше, чем я закончу работу. Единственный реальный способ убить меня – это действовать руками Ривза.

– Что я могу сделать, Джо?

– У меня есть идея. Конечно, это опасно, но, с другой стороны, вы с Клюгером все равно в деле, так что, может, вы решитесь рискнуть?

– Выкладывай.

– Вы встречаетесь с Веллманом в КиберТек. Между делом выбалтываете информацию о том, где примерно я спрятался, только я, конечно, буду совсем не там. Вы оцепляете это место, и когда Ривз появляется, хватаете его. Вот вам и будет полномочный представитель ЛИНкса на Земле. Останется только скачать его из Сети к чертям собачим.

– Ты уверен, что ЛИНкс не загрузил себя еще в кого-нибудь?

– Найджерия и Ривз были единственными служащими КиберТек, которым имплантирован такой интерфейс. Понимаешь теперь, почему ЛИНкс хотел, чтобы интерфейс был у как можно большего числа техников? Слава богу, что мы ограничились только Найджерией и Ривзом. И я почти уверен, что никто из наших конкурентов не владеет этой технологией или ноу-хау. – Он взглянул на Холлидея. – Ну, как… беретесь за это?

Холлидей сделал утвердительный жест.

– В принципе. Разумеется, мне надо переговорить с Барни, узнать, как он к этому отнесется, все обсудить.

– Если вы решитесь, то отправляйтесь в КиберТек, к Веллману. Может, он и выглядит ослиной задницей, но на самом деле он – о'кей. Расскажите ему о плане. Я не могу рисковать, передавая такую информацию по Сети. Он поможет вам по части расходов. К тому же вам понадобится маска. ЛИНкс вас уже видел и теперь узнает. Веллман ее вам передаст. Кроме того, он сможет нанять нейрохирурга, который прооперирует Ривза и извлечет имплантат.

– Ты хочешь, чтобы Ривза захватили живым? Косинский поднял на него глаза.

– Если возможно, Хол. Он – хороший человек. Помни, у него в этой истории нет никакого выбора. Им воспользовались против его воли. Но ты не беспокойся. Конечно, им управляет машинный интеллект, однако физически Ривз не стал сильнее обычного человека.

Холлидей утвердительно качнул головой.

– Я знаю. Просто страшно не справиться, и тогда Ривз, точнее, ЛИНкс ускользнет. Я видел, что рехнувшаяся Найдхерия натворила лазерным резаком. Так что идея упустить Ривза мне

очень не по душе.

Буддийский монах впился глазами в лицо Холлидея, в лице его появилась необычная суровость.

– Если вы не сможете взять его живым, тогда… для безопасности тех, кто может попасться ему на пути в будущем… пожалуй, будет лучше, если он умрет.

Холлидей понимающе кивнул.

– Как мне связаться с тобой?

– Никак. Я сам свяжусь с тобой. Решитесь вы помогать или нет, все равно сообщите об этом Веллману.

– Хорошо. – Холлидей встал и вышел из храма. Он еще раз оглядел горные склоны и так и не смог заставить себя поверить, что все это великолепие – просто невероятно сложный компьютерный образ.

Косинский вышел следом за сыщиком. Он улыбался.

– Если повезет, мы встретимся лично, когда все это будет в прошлом.

– Будем надеяться, Джо. – Он умолк, обдумывая все, что услышал от Косинского.

– Куда все это может завести нас, Джо? Я имею в виду искусственные интеллекты. Если этот ваш первенец – типичный образчик того, как они будут вести себя в будущем…

Джо мотнул головой.

– Не думаю, – возразил он. – Происшедшее с ЛИН-ксом, эти убийства, – только несчастное отклонение. По крайней мере я на это надеюсь. Понимаешь, развитие ИИ неизбежно. Вопрос на миллион долларов в том, кто будет заниматься этим развитием. Как я уже говорил, подобная мощь в дурных руках может обернуться катастрофой. Кроме того, существует реальная опасность, что они начнут развиваться сами по себе. Но лучше об этом не думать, Хол. – Косинский снова улыбнулся. – Мне пора. – Буддийский монах поднял руку и дотронулся до основания своего указательного пальца. – Увидимся.

Джо Косинский исчез. Только что он стоял рядом с Холлидеем, а в следующую секунду пропал, мгновенно скрывшись со сцены горного пастбища.

Холлидей повернул ладонь и посмотрел на круглый индикатор. Осталась только узенькая полоска алого цвета; значит, он провел в ванне с гелем почти час. Сыщик еще раз обвел взглядом этот горный рай и коснулся кружка.

Гималайская идиллия исчезла. Он снова плавал, не ощущая собственного тела. Постепенно чувства вернулись, он сел, моргая под маской и пытаясь рассмотреть суровую реальность в виде кабины, выложенной белой плиткой. Казалось, что гималайский

сайт и все, что он там испытал, – это просто обыкновенный сон.

Холлидей быстро принял душ, оделся и позвонил Барни.

– Хол? Ну, как дела? Ты встретил его?

– Да, Барни. Мы встретились. Но я не могу сейчас говорить. Расскажу, когда вернусь.

– Ну, смотри… – В голосе Барни звучало беспокойство. – Ты сам-то – о'кей?

– Нормально. До встречи, Барни.

Он вышел из ВР-бара, проехал по Двадцать третьей улице к Мэдисон-авеню, потом повернул и медленно поехал к дому. На проезжей части было почти пусто, лишь иногда попадались патрульные машины или случайное такси. Зато на тротуарах было не протолкнуться. Предприимчивые беженцы построили импровизированные палатки из листов поликарбона, тут и там горели костры, спасая людей от мороза.

Холлидей задумался: как же переживут ночь те, у кого нет огня? Даже в машине изо рта шел пар. Он включил обогреватель на полную мощность, откинулся на сиденье и снова стал вертеть в голове все, что рассказал ему Косинский.

Его и раньше беспокоило внезапное завершение дела Найджерии. Не было ощущения законченности, не обнаружилось удовлетворительных мотивов. Ему хотелось узнать больше, за внешне произвольными актами насилия найти ответы на свои “почему?”.

Ну что же, теперь он действительно знает больше, но нечто в самой глубине его души предпочло бы, как прежде, оставаться в счастливом неведении.

Холлидей улыбнулся, вспомнив, что сказала ему про это дело Ким два или три дня назад. Она верила, что человек, напавший на него на крыше, был одержим злым духом. Может, и не одержим злым духом, но уж точно – одержим. Наверняка Ким стала бы утверждать, что это одно и то же.

Через десять минут он притормозил у китайской прачечной и долгую минуту сидел в тепле автомобиля. Исходящие паром палатки с едой, которые тянулись по обе стороны улицы, бессмысленные китайские письмена неоновых вывесок навевали спокойствие, потому что были привычны и хорошо знакомы. Он открыл дверцу автомобиля, и в уши ударили крики уличных торговцев, а в нос – аромат готовящихся блюд. Холлидей пробрался сквозь толпу на тротуаре и поднялся в офис.

Когда он вошел, Барни внимательно на него посмотрел, но неправильно истолковал выражение лица Холлидея.

– Только не говори мне, что этот чудак сошел с ума. Дело все еще закрыто?

Холлидей налил себе кофе.

– Дело снова открыто, Барни. Если мы этого пожелаем. – Он сел на диван и протянул руки к огню.

– Что сказал Косинский? Холлидей посмотрел на Барни.

– Едва ли ты мне поверишь, Барни. Я и сам не знаю, что думать. – Он остановился и оглядел офис. – Компьютер работает?

– Нет, выключен. – Барни в упор посмотрел на партнера. – Хол, в чем, черт возьми…

– Все нормально. У меня, наверное, развивается паранойя. – Он покрутил головой. – Вот что рассказал мне Джо Косинский.

Он попытался передать разговор в том виде, в котором его помнил. Сначала помог Барни примириться с идеей искусственного интеллекта, рассказал про имплантат Найджерии, потом про работу Джо Косинского с системой ЛИНкс.

– То есть ты хочешь сказать, – начал Барни, подавшись вперед во вращающемся кресле, – что Найджерию контролировал искусственный интеллект и что он продолжает действовать?

– Похоже, дело обстоит именно так. Есть еще один парень, Ривз, ему тоже имплантировали такой же интерфейс, как у Найджерии. – И Холлидей изложил план Косинского, как заманить Ривза в ловушку.

Когда Холлидей закончил, Барни долго сидел в молчании. Наконец он спросил:

– А ты что думаешь, Хол? Холлидей пожал плечами.

– Если мы поймаем Ривза, то сможем уничтожить опасность, которую представляет собой ЛИНкс, когда он управляет человеческим существом. Он будет продолжать существовать в Интернете, но это уже проблема Косинского. Мы свое дело сделаем.

Барни покачал головой.

– Это будет непросто, Хол. Ты же видел, что наделала Найджерия. Вооруженная и с маской… Господи! Пока мы имели дело только с человеком, все равно хватало проблем. А теперь, когда мы знаем, что против нас действует искусственный интеллект… Это не прогулка по парку, Хол.

– Ну, что, мы беремся? Барни еще подумал.

– Поедем и поговорим с Веллманом. Выясним, что он думает. Это непростое решение, Хол. Я позвоню ему, скажу, что мы уже едем.

Барни потянулся к компьютеру, но Холлидей поймал его за руку.

– Будет лучше, если мы приедем без предупреждения. Насколько я понимаю, ЛИНкс может контролировать все входящие сигналы в офисе Веллмана. – Он с сомнением пожал

плечами. – Возможно, у меня и правда паранойя, но лучше все-таки не рисковать.

Пока они выходили из офиса, Холлидей размышлял, не может ли ЛИНкс найти способ выяснить, что он и Барни тоже связаны с этим делом.

Барни стронул “форд” от обочины и двинулся на север. Бросив взгляд на Холлидея, он спросил:

– Ну, что еще?

– Может, и ничего. Просто я думаю… – И он пересказал Барни свои соображения, сам задаваясь вопросом, не видит ли он опасность там, где ее нет и в помине.

Вглядываясь в ветровое стекло, Барни заговорил:

– ЛИНкс в обличье Найджерии, ЛИНкс в обличье латиноса… Твоя единственная встреча с ним была, когда он на тебя напал тогда ночью, так? И он должен считать, что ты мертв. Я думаю, тут все о'кей.

– Знаешь, Барни, я не уверен. Что, если он регистрировал наши переговоры с Джеффом Симмонсом? Если перехватил отчет, который я позавчера составил для Джеффа по делу Найджерии? А потом мы еще были у Косинского в Ки-берТеке… Насколько я понимаю, он мог следить за нашим визитом в компанию через камеры наблюдения… – Холли-дей замолчал. – Господи! Что, если он умеет подключаться к полицейским камерам на улицах? Мы, черт возьми, умеем, а значит, для ЛИНкса это вообще – раз плюнуть.

– Ну по крайней мере сегодня мы – о'кей. До офиса Веллмана – далеко, он в стороне от натопанной дорожки.

У Холлидея мурашки забегали по телу при мысли, что даже сейчас ЛИНкс может следить за их продвижением через систему полицейских камер.

– Откуда мы знаем, Барни, может, он связан со спутниками? – мрачно пробурчал Холлидей.

Барни на мгновение повернулся к Холлидею и бросил на него обеспокоенный взгляд:

– Слушай, давай все же надеяться, что у тебя просто шизофрения в тяжелой форме, о'кей?

Через час они поворачивали на дорожку к загородному дому Веллмана. Было еще очень рано – до рассвета не меньше часа, и звезды над головой сверкали ледяным, морозным блеском. Огоньки по периметру лежащей далеко впереди усадьбы как будто служили их отражением на земле.

На подъездной дорожке Холлидей различил белый фургон со знакомым логотипом независимого охранного агентства и вооруженных людей, патрулирующих ограду.

Барни пробурчал:

– Приятно видеть, что с прошлого раза он усилил свою охрану.

Он затормозил у ворот, за ними тотчас собралось полдюжины тяжеловооруженных людей в военном камуфляже, которые вытащили пистолеты и направили их на пришельцев. Холлидей вылез из машины и с поднятыми руками подошел к воротам.

– Клюгер и Холлидей, – обратился он к более старшему мужчине с сержантскими нашивками. – Мы работаем на Веллмана. Нам нужно с ним встретиться.

Он просунул в ворота свое удостоверение личности, и один из охранников выдвинулся вперед, осторожно взял его и передал сержанту, который отвернулся и торопливо заговорил в интерком. Через минуту на вилле зажегся свет.

Сержант посмотрел на фотографию удостоверения, потом на Холлидея, кивнув, дал сигнал охранникам открыть ворота и махнул Барни: въезжай! Холлидей вернулся в машину, они поехали по подъездной дорожке и остановились у ступеней, ведущих к двойной парадной двери.

Холлидей вышел. Еще один охранник провел их через холл в комнату, где они уже беседовали с Веллманом пару дней назад.

Через минуту появился Веллман, завязывая узел роскошного синего халата. Даже разбуженный среди ночи, он пытался поддерживать впечатление светской изысканности.

– Садитесь, джентльмены. Насколько я понимаю, у вас есть новости от Джозефа?

– Я виделся с Джо в ВР, – ответил Холлидей. – Он меня просветил.

– И все это время вы знали о ЛИНксе, Веллман… – осуждающе заметил Барни.

– Разумеется, – огрызнулся Веллман. – Но как я мог доверить информацию подобного масштаба парочке частник детективов, которых я вижу первый раз в жизни? Джозеф тогда мне только что сообщил о размахе деятельности ЛИНкса. Он превосходит все мои самые мрачные предположения.

– Как вы полагаете, лично вам грозит опасность? – спросил Барни.

– Честно говоря, не знаю, мистер Клюгер. Официально я являюсь главой КиберТек, и ЛИНкс должен знать, что я в курсе происходящего. Так что я решил не полагаться на случай.

– Джо говорил вам про Ривза? – вмешался Холлидей.

– Он упоминал, что Ривзу вмонтировали почти такой же интерфейс, как Найджерии.

– Но он не говорил вам о своем плане поимки Ривза? –

продолжал расспрашивать Холлидей.

– Он очень не хотел раскрывать какие-нибудь подробности по интеркому.

Холлидей понимающе кивнул.

– Как вы считаете, может ЛИНкс контролировать входящие звонки в главный офис КиберТек? – спросил он.

– И еще тысячи всяких звонков, можете не сомневаться, – мрачно ответил хозяин.

Холлидей переглянулся с Барни, потом обратился к Веллману:

– У Джо есть идея, как заманить Ривза. Подразумевается, что либо я, либо Барни должен встретиться с вами в главном офисе КиберТек и как бы случайно сообщить о предполагаемом местонахождении Джо. Потом мы оцепляем ловушку и ждем, когда появится Ривз. Тут вот в чем проблема: если мы будем действовать слишком очевидно, сообщая, где он находится, ЛИНкс заподозрит подвох. А если будем действовать слишком тонко, он может не проглотить наживку.

Веллман задумался.

– Вот что, джентльмены, я, кажется, знаю, как нам поступить.

Холлидей почувствовал, как что-то сжалось у него внутри в приступе первобытного страха: назад пути больше нет.

Они продолжили обсуждение, а за окном разгорался еще один морозный, зимний день, освещая лучами восходящего солнца безжизненный пейзаж побережья.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Холлидей заглянул в мансарду, но Ким еще не вернулась.

Он снова вышел на улицу. Был полдень – время, когда они договорились встретиться и вместе пообедать. Он перешел тротуар и заглянул в окно “форда”.

– Ее нет, я оставлю записку, скажу, что вернусь вечером. Барни посмотрел на часы.

– С Веллманом мы встречаемся не раньше часа. Можно и отдохнуть.

Холлидей согласился, выпрямился и оглядел улицу. Полицейский дрон летел на высоте человеческого роста, его купол сверкал красным предупредительным маячком. За ним с криками неслась ватага ребятишек. На тротуаре было тесно от прохожих. Люди кутались от холодного ветра в шарфы и поднятые воротники. Холлидей спрятал кулаки поглубже в карманы и выругался – скорей бы весна! Ему не терпелось заняться делом. Чем быстрее они встретятся с Веллманом, тем скорее он вернется к Ким и загладит вину за пропущенный совместный ленч.

Баллон с фризом холодной гирей оттягивал внутренний карман куртки. Впервые за много недель Барни, предвидя возможность засады, приказал надеть бронежилеты; и теперь эти доспехи сковывали тело сыщика, как тараканий панцирь.

– Хол! – услышал он голос Ким.

Последние несколько метров к нему она неслась почти вприпрыжку, такая яркая в своей просторной розовой куртке. Она повисла на нем, переступая с ноги на ногу, как игрушечный робот.

– Хол, куда мы пойдем? Как насчет вьетнамского ресторанчика в конце квартала? Или еще есть… – Внезапно замолчав, Ким спросила: – Хол, что случилось?

– Ким, я не могу пойти. Дела.

– Но ты же обещал, Хол!

– Помню, что обещал. Думаешь, мне хочется работать, а не остаться с тобой? Тут кое-что серьезное, я просто не могу не пойти.

Ким бросила сердитый взгляд на сидящего в машине Барни.

Барни пожал плечами: такова жизнь.

– Что делать, солнышко…

– Ким… мне правда жаль… Она обняла его.

– О'кей, Хол. Как насчет вечера?

– Я позвоню. Постараюсь к вечеру вернуться, о'кей?

Он поцеловал ее и нырнул в машину. Пока они отъезжали от обочины, Холлидей оглянулся. Маленькая фигурка стояла у самого края тротуара и, меланхолично махая рукой, исполняла понятную ему пантомиму жалости к себе.

Они в молчании спустились к реке. Небо сияло голубизной, зимнее солнце слепило, отражаясь в миллионах окон городских небоскребов.

Холлидей стал обдумывать перспективы. Теоретически проблема захвата Дэна Ривза выглядела не такой уж сложной. Если он появится, то ограничить его подвижность с помощью фриза раньше, чем он сумеет убить или ранить нападающих, – просто обычная их работа. Почему же тогда его переполняет такое тяжелое предчувствие?

Если Ривз появится… Конечно, ЛИНкс может не попасться на удочку, и тогда придется начинать сначала.

Барни припарковал машину в Маленькой Италии, зная что там есть переулок без полицейских камер контроля уличного движения. Они взяли такси и поехали к Бэттери-парк. Холлидей смотрел в окно, стараясь не пропустить квартал, где у КиберТек располагается городской исследовательский центр.

Небоскреб смотрел в свинцовые воды Гудзона, его пятидесятиэтажная стела с антрацитово-черными окнами выглядела как недодержанный негатив. В лифте, под надзором камеры слежения, они доехали до сорокового этажа. Велл-ман предупредил их, что все камеры в здании будут отключены, тем не менее Холлидей чувствовал себя так, будто в него вперил взгляд сам вездесущий ЛИНкс. В голову лезли всякие мысли: вдруг искусственный интеллект может захватить контроль и над лифтом?

Они прошли несколько этапов проверки и были наконец препровождены в огромное открытое рабочее помещение КиберТек. На взгляд Холлидея, оно очень напоминало цех в вестчестерской конторе: ряды компьютерных экранов, работающие за ними техники, кое-где более крупные экраны и рядом группа из двух-трех инженеров.,.

Веллман, облаченный на этот раз в темно-синий костюм, проводил их в следующее помещение, почти не уступающее размерами первому. Здесь работали только трое. Они вертелись вокруг стола с монитором, который стоял у огромного, от пола до потолка, окна.

Веллман захлопнул за ними дверь и шепотом сообщил:

– Планы меняются. Вестчестерский офис заблокирован.

– Заблокирован? Как это? – уставился на него Холлидей.

– Мы думаем… мы предполагаем, это сделал ЛИНкс. Было

прекращено электроснабжение, аварийная система не сработала. Большинство компьютеров сгорели, и я отпустил персонал домой. – Он помедлил. – Было бы подозрительно, если бы мне пришлось поехать туда, чтобы поговорить по интеркому с Джозефом.

– Ну и какая альтернатива?

– Я поговорю с ним отсюда.

– Но вдруг ЛИНкс не контролирует входящие звонки? Веллман поднял совершенной формы бровь.

– Остается только надеяться, что контролирует. Скорее всего он контролирует все, что происходит в помещениях КиберТек по всей Америке.

Холлидей указал в сторону работающих у экрана инженеров:

– Надеюсь, что этот он все-таки не контролирует.

– Не беспокойтесь. Эта комната охраняется отдельно. Здесь код.

– А как идет дело? – спросил Барни.

– Мы почти закончили. Сейчас будет демонстрация. Они подошли к окну, и Веллман поговорил с одним из инженеров. Тот пробежал пальцами по клавиатуре компьютерного терминала. Экран вспыхнул, на нем появилось изображение Джо Косинского с привычным выражением суетливой нервозности на лице.

– Хай, Веллман!

На секунду Холлидею показалось, что это действительно Джо Косинский собственной персоной. Потом Джо Косин-ский сказал:

– Все нормально, сигнал закодирован… – Он подождал несколько секунд и добавил: – Да, да. Я уверен. Вполне надежно.

Снова пауза.

– Все идет нормально. Я над этим работаю. – Джо посмотрел на них с экрана и кивнул. – Правильно. Я знаю. Наверняка сумею это устроить.

Косинский исчез из поля зрения, но быстро вернулся, держа в руках иглу.

– Посмотри, что за красотка! Как она тебе? – Еще одна пауза, подлиннее. Джо слушал, время от времени кивая головой. – Ясно. О'кей. Ты там осторожнее. Я еще позвоню.

Джо протянул руку, и экран погас.

– Просто-напросто генерированный компьютерный образ, – пояснил Веллман. – Мы поместим его в предполагаемом укрытии Джо, установим перед камерой экрана компьютера. Я приму вызов здесь, все будет выглядеть так, как будто Джо действительно мне звонит.

– Думаете, ЛИНкс не догадается? Поджав губы, Веллман покачал головой.

– Он никак не сможет определить, что это электронное

изображение не является настоящим Джозефом. Не забудьте, оно будет профильтровано через комп-экран.

– А не будет незакодированный вызов от Джо Косинс-кого выглядеть подозрительно? – возразил Барни.

– Мы думали об этом. Наши специалисты разработали программу с кодирующим устройством, но она не функционирует. ЛИНкс зарегистрирует входящий звонок, проверит его, поймет, что кодирующая программа испорчена, и ничего не заподозрит.

– И пошлет Дэна Ривза в укрытие Джо выполнить черную работу, – закончил Холлидей.

– Если все пойдет, как задумано, то именно так и случится, джентльмены.

– Где это место? – спросил Барни. – Нам хотелось бы там все хорошо осмотреть прежде, чем начинать действовать.

– Разумеется, – согласился Веллман. – Как только инженеры закончат, мы доставим экран в лифте в подземный гараж. Там ждет незарегистрированный фургон. Мы проедем через город к побережью в Ист-Вилладж. Это прекрасное место, тихое и уединенное. Пока специалисты будут заканчивать работу, вы сможете все там осмотреть, а я вернусь сюда и буду ждать звонка.

Холлидей представил, что должно произойти дальше, и сердце его застучало. Появление Ривза, засада, фриз… Все должно быть кончено за несколько минут, если не секунд. В местном госпитале Веллман зарезервировал место, хирург будет ждать вызова, чтобы удалить у Ривза НЦИ.

Потом дело будет только за Джо Косинским, его программа должна выкурить ЛИНкс из Сети.

– О'кей, – сказал Барни. – Теперь сценарий на случай дурного развития событий. Два сценария на случай провала. Первый: не важно, по какой причине ЛИНкс заподозрит, что это ловушка, и не пошлет Ривза. В таком случае Ривз остается где-то на свободе, вооруженный и очень опасный. Что мы тогда будем делать? – Он переводил взгляд с Холли-дея на Веллмана.

– Тогда… – отозвался Веллман, – мы начнем сначала. Или смоделируем сходную ситуацию, или…

– Или что? – поторопил его Барни.

– Или плюнем на компьютерные модели изображений и вместо них используем самого Джозефа. Спрячем его еще где-нибудь, разумеется, с хорошей охраной, и он снова позвонит, воспользовавшись другой программой с дефектной системой кодирования.

– Мне не нравится идея с живой приманкой, – возразил Барни.

– Если возникнет необходимость остановить Ривза до того, как ЛИНкс снова решит убить…

– Какой у тебя второй сценарий провала, Барни? – спросил Холлидей.

Барни глубоко вздохнул.

– О'кей. Представьте себе, что мы сплоховали. Что-то пошло не так, что-то непредвиденное. Он начинает стрелять раньше, чем мы воспользуемся фризом. Что тогда? Что делаем мы? Стреляем в ответ, рискуя его убить, или позволяем уйти?

Холлидей вспомнил, что сказал Джо Косинский в виртуальных Гималаях: следует пожертвовать Дэном Ривзом, а не рисковать новыми жертвами в будущем.

– Чертова дилемма, джентльмены, – буркнул Веллман. – Никому не пожелаю оказаться с ней лицом к лицу. Вам сегодня не позавидуешь.

– За это вы нам как раз и платите, – отозвался Барни. – Но вы не ответили на мой вопрос.

– Я не могу приказывать, – отвернувшись в сторону, проговорил Веллман. – Поступайте так, как считаете нужным в данной ситуации. Что бы ни произошло, я буду на вашей стороне. Надеюсь, однако, что ни один из провальных сценариев не будет реализован.

К Веллману подошел инженер и сообщил, что экран готов. Веллман приказал перенести его, а сам повернулся к Барни и Холлидею.

– Они несут его на подземную стоянку. Дадим им пять минут и тоже спустимся. – Он подошел к столу и вернулся с чем-то в пластиковой упаковке. – Это электронная маска, мистер Холлидей. Примерьте, пожалуйста.

Холлидей вскрыл пластиковый пакет и осмотрел голографический капиллярный блок. В неактивном состоянии он походил на мелкую сетку в форме груши, но лицо было вполне различимо. Детектив подошел к окну и натянул на голову тоненький, легкий капюшон, тщательно расправил капиллярные ячейки вокруг рта и глаз и посмотрел на свое отражение в окне. Выглядел он как излеченная жертва ожогов. Рассмотрев блок управления, сыщик сдвинул колесико. В глазах мелькнул свет, маска натянулась, потом глаза привыкли, и Холлидей вдруг увидел незнакомца, который в упор смотрел на него из стекла.

– Поразительно! – воскликнул Барни. – В ней ты выглядишь почти красавцем, Хол.

Незнакомец, отражавшийся в окне, был румяным, рыжеволосым мужчиной лет пятидесяти. Холлидей поэкспериментировал с механизмом управления, опробовав по

кругу дюжину различных портретов. Молодые или старые, все они были абсолютно убедительны.

– Программа содержит двадцать вариантов внешности, – объяснил Веллман. – Бывают женские и мужские маски, а некоторые сочетают оба пола.

Холлидей снял маску, сунул ее снова в пакет, а пакет положил в карман куртки. Веллман взглянул на часы:

– Нам пора, джентльмены.

– Подождите, – вмешался Барни. – Как выглядит этот ваш Ривз? Я имею в виду не лицо – он скорее всего будет в маске. Какого он роста? Массивный, хрупкий?

– Он невысокий. Ниже вас, мистер Холлидей. Но он коренастый, широкоплечий.

Пока они ехали в лифте на подземную стоянку, Холлидей все думал: будет ли Ривз вооружен резаком?

Серебристый фургон стоял задом к лифту с открытой дверцей. Один из работников влез внутрь поправить крепеж упакованного экрана. Когда появились Холлидей, Барни и Веллман, он вылез из кузова и сел на место водителя.

– Мы поедем сзади, вместе с компьютером, – пояснил Веллман. – Конечно, мало шансов, что ЛИНкс опознает нас через полицейские камеры контроля, но береженого Бог бережет. Я решил не рисковать.

Холлидей влез в фургон и сел на откидное сиденье. Веллман задвинул дверь, и воцарилась тьма. Веллман нашел выключатель и зажег свет. Фургон поехал, Холлидей резко качнулся на повороте и ухватился за висящую петлю ручки.

Он пытался проследить путь, считая повороты, но без визуальных ориентиров, скоро потерял нить. Путешествие казалось бесконечным. Останавливались практически у каждого светофора – бессмысленные задержки, ведь на улицах было совсем мало автомобилей.

Однако через пятнадцать минут фургон затормозил и почти встал, потом снова двинулся, но очень медленно.

– Кажется, приехали, – подал голос Веллман.

Фургон затормозил, и почти сразу дверь откатилась. Холлидей удивился – они находились в гараже, то есть они совершили все путешествие, ни разу не попав в поле обзора полицейских камер контроля.

Веллман вместе с инженером вытащили экран из фургона и внесли его по короткому лестничному пролету в удобно обставленную комнату. Стеклянные двери открывались на балкон, смотревший в холодные серые воды реки Ист-Ривер.

Пока инженер устанавливал экран перед комп-скрином в

комнате, Веллман показал им дом. Квартира располагалась в двух уровнях: наверху – спальни и ванная, внизу – гостиная, кухня и обеденная зона. Непрошеный гость не мог проникнуть в дом через окна верхнего этажа, разве что решившись выполнить самоубийственный бросок через крохотное отверстие в потолке. Окна были надежно защищены от взлома: усиленное полимерстекло в алюминиевых рамах.

– Поблизости нет камер наблюдения, джентльмены, – сообщил Веллман. Я убедился в этом прежде, чем выбрать дом. Единственный вход со двора – через парадную дверь.

Барни рассматривал стеклянную дверь на балкон.

– Мне она нравится, Хол. Через нее легко попасть с реки. Пожалуй, если мы оставим ее открытой, это будет уж слишком очевидно, но она может подсказать путь в ловушку.

Он отпер дверь и вышел наружу. Холлидей последовал за ним. По стене прямо к реке спускалась лестница. Барни попробовал ее на прочность: она надежно сидела в растворе между кирпичами.

Барни обернулся и заглянул в гостиную.

– Может, нам придется разделиться, Хол. Один возьмет на себя дверь, второй – балкон на реку.

Они вернулись внутрь. Веллман вместе с инженером при-" страивал экран перед камерой, установленной на компьюте* ре. Они двигали его туда-сюда, а потом проверяли поле обзора в видоискателе камеры. Когда появится изображение Джо Косинского, рама экрана не должна попадать в поле зрения. Такая простая ошибка может превратить всю игру в трагедию.

Холлидей и Барни прошли к входной двери и вышли наружу. Дом располагался в конце узкой пешеходной дорожки. Ничего крупнее мотоцикла по ней не проедет. Гость должен будет пройти на глазах у наблюдателей из дома не менее пятнадцати метров.

Они прошли по выложенному красным кирпичом тротуару к арке, выходящей в неширокий переулок.

– Если кто-то будет подходить к парадной двери, ему придется пройти по этой улице, а потом повернуть на дорожку во двор, Хол. – Барни огляделся. – С этой стороны больше никак не подойдешь.

– Один из нас может подождать снаружи, – предложил Холлидей. Он посмотрел на противоположную улицу, где располагался аккуратный дом из красного кирпича. Крытая галерея внизу представлялась идеальным укрытием.

Барни кивнул.

– Предпочитаешь дверь или балкон?

– Лучше дверь.

– Тогда я займусь ходом с реки. Я буду в доме. Будем поддерживать связь по интеркому.

– Будь осторожен, Барни. Если ты останешься в доме и Ривз примет тебя за Косинского… Не забудь, он собирается разделаться с парнем.

– Спасибо за совет, Хол, – усмехнулся Барни. – Я в состоянии о себе позаботиться. Спрячу свою тушу за что-нибудь покрупнее. Пошли посмотрим, как там у них дела.

Они пошли по дорожке.

– У нас почти все готово, – сообщил Веллман, когда сыщики вошли в гостиную. – Все осмотрели?

– Да. Мы все решили, – кратко ответил Барни. – Что теперь?

– Я возьму такси и вернусь в офис. Когда доберусь, позвоню вам. Не отвечайте, просто дождитесь трех гудков. Потом я отключусь. Ральф, это будет тебе сигналом. Наберешь код офиса.

Инженер, возившийся на корточках возле экрана, молча кивнул.

– Как только запись кончится, Ральф прервет связь и уедет в фургоне. – Веллман усмехнулся. – Остальное должны довершить ваши умелые руки. Я не знаю, сколько времени потребуется ЛИНксу, чтобы проследить наш звонок и послать сюда Дэна Ривза.

– Если он контролирует все звонки на контактное оборудование КиберТек, то вычислит его мгновенно, – предположил Барни.

– Беда в том, – указал Холлидей, – что мы не знаем, находится ли та часть ЛИНкса, которая обитает в Ривзе, в постоянном контакте с основной порцией в Интернете. Если да, то, значит, Ривз может появиться здесь буквально через несколько минут, а если нет и Ривз вступает в контакт с ЛИНксом лишь время от времени, чтобы получить инструкции, то дело займет несколько часов.

– И это, конечно, при условии, что он отслеживает сигналы, – вставил Барни.

– Значит, Ривз может явиться сюда через несколько минут или же через несколько часов. Ну и вообще не прийти…

Черт возьми, ситуация практически непредсказуемая!

– Все, я возвращаюсь в офис, – решился Веллман. – Холлидей, Клюгер, удачи вам. Будьте осторожны. – Он слегка поклонился и выскользнул из комнаты.

– Если я оставлю стеклянную дверь открытой, а Ривз явится со стороны реки, – начал Барни, – ему, чтобы проверить все помещение, придется пройти через эту комнату. – С этими словами Барни вышел из гостиной. – Посмотри, здесь есть альков,

– позвал он. – Холлидей вышел, прошел через холл и почувствовал быстрый тычок в поясницу.

– Ага, парень, готов! – Барни выглянул из алькова. Они проиграли ситуацию еще раз: Холлидей вышел из дверей и специально посмотрел в направлении алькова. Он успел заметить всполох движения, но Барни уже вынул баллончик и нацелил на партнера.

Холлидей взглянул на часы. Веллман уехал не более пяти минут назад.

– Пойду осмотрю улицу, – сказал Холлидей. – Вернусь минут через десять.

Он вышел из дома, миновал двор и нырнул под арку. Налево переулок кончался тупиком, загроможденным мусорными контейнерами из прибрежного ресторана. Сыщик повернул направо и прошел переулок до конца. Он вливался в широкую магистраль с множеством бутиков и бистро. Должно быть, элитный район, подумал Холлидей, возвращаясь к дому. Он спрятался в крытой галерее напротив двора и прислонился к кирпичной стене. Отсюда он прекрасно видел весь переулок до самой магистрали, арку и двор. Ему даже удалось укрыться от непогоды. Холлидей мысленно похвалил Веллмана за удачный выбор места для ловушки.

Если кто-нибудь, схожий по конституции с описанием Ривза, появится в переулке… Нет, не так. Если вообще кто-нибудь появится в переулке и повернет во двор, Холлидей быстро двинется следом. Если визитер подойдет к двери и попытается войти, сыщик сначала использует фриз, а потом будет задавать вопросы.

Если ожидание затянется, он предложит Барни поменяться местами. Очень важно быть все время начеку, не позволить себе расслабиться из-за усталости или скуки – это может кончиться фатально. Он должен помнить, что от его действий зависит не только его собственная жизнь, но жизнь Барни и скорее всего многих других людей.

Холлидей вернулся в дом. Барни притаился в алькове: скрюченный гоблин охраняет свою территорию.

– Веллман не звонил?

Барни отрицательно покачал головой и взглянул на часы:

– Прошло почти двадцать минут, Хол, теперь уже скоро. Холлидей прислонился к стене.

– Эй, Барни, когда все кончится, надо будет это отметить, а? Ты, я и Ким?

Барни поднял глаза:

– Что ж, парень, ловлю тебя на слове.

И тут раздался сигнал интеркома. Барни вытащил его из кармана, положил на ладонь и стал считать сигналы:

– Один, два, три.

Они бросились в гостиную. Барни крикнул:

– Есть, Ральф, давай!

Холлидей и Барни уселись в углу, в стороне от компьютера, а Ральф с помощью пульта вызвал на экран неподвижную картинку Джо Косинского, присел у комп-скрина, набрал код КиберТека, потом направил пульт на экран – изображение Джо начало двигаться. Программисты оставили в записи десятисекундное упреждение.

Холлидей видел, как Джо постукивает пальцами по груди и говорит:

– Давай, давай…

Холлидей почувствовал, как у него застучало в ушах. Экран вспыхнул. Джо произнес:

– Хай, Веллман.

Теперь сыщики услышали голос Веллмана:

– Джозеф, я же просил тебя не звонить. Если связь… Записанное изображение Джо Косинского улыбнулось:

– Все о'кей. Сигнал закодирован.

– Ты уверен, что это надежно, Джозеф? – В голосе Веллмана, когда он произносил свои реплики, звучала настоящая паника – ну просто прирожденная звезда голодрамы!

– Да, да, уверен. Вполне надежно.

– Как движется дело? Джо улыбнулся.

– Все нормально. Я над этим работаю.

– Для нас жизненно важно, чтобы программа заработала! – вел свою партию Веллман.

– Правильно. Я знаю. Думаю, сумею это устроить. Холлидей видел, как изображение Джо исчезло с экрана, потом ученый вернулся с иглой в руках.

– Посмотри, что за красотка! Как она тебе?

– Это просто великолепно, Джозеф! – отозвался Веллман. – Слушай, мне пора идти…

– О'кей. Ясно. Ты там осторожнее. Я еще позвоню.

– Счастливо, Джозеф.

Джо Косинский на экране протянул руку и прервал связь. Инженер пультом отключил комп-скрин, потом экран.

Тут Холлидей заметил, что все это время сдерживал дыхание, как будто его могли услышать. Он с облегчением вздохнул и хлопнул инженера по плечу:

– Отлично сработано, Ральф.

– Прекрасная работа, – добавил Барни.

– Начинается, Барни, – сказал Холлидей. – Если ЛИНкс проследил звонок… – Сыщик почувствовал, как при этой мысли у него пересохло в горле.

Ральф и Барни спустились по лестнице и перенесли экран в гараж, а через несколько секунд Холлидей услышал, как взревел мотор фургона и машина понеслась прочь.

Барни вернулся, открыл раздвижную дверь на балкон, потом перешел в прихожую. Холлидей пошел следом и встал перед большим, в полный рост зеркалом.

Он вытащил из кармана маску и натянул капиллярную сетку на голову, поправил ткань вокруг глаз и рта, включил управление и коснулся селектора. Перед ним в зеркале замелькали незнакомые лица. Наконец ему улыбнулся приятный парень скандинавской внешности. Холлидей решил, что лицо соответствует его стилю одежды, и сунул пульт в карман.

– Готово, – сообщил он и обернулся к Барни, который стоял в алькове с баллончиком наготове.

– Я с тобой свяжусь, – сказал Барни. – Но не наоборот, о'кей? Поставь свой интерком на вибрацию. Связь каждые четверть часа. Просто чтобы ты не дремал.

– Будь осторожен. – Холлидей махнул Барни рукой и выскользнул через парадную дверь. В крови закипал адреналин. Сыщик почти бегом пролетел по двору. Сам понимая, как это глупо, он все же ждал, что в любое мгновение из-за угла, невероятно рано, вывернет Ривз.

Наконец Холлидей выскочил из-под арки и с параноидальным чувством облегчения нырнул в крытую галерею. Прислонившись к стене, он стал наблюдать за переулком, одновременно стараясь восстановить дыхание. Он уговаривал себя, что скорее всего пройдет много часов, прежде чем появится Дэн Ривз.

Проспект, в который упирался переулок, внезапно оказался очень многолюдным. Прохожие ходили туда-сюда между магазинами, и каждый раз, когда кто-нибудь попадал в его поле зрения, Холлидей напрягался в ожидании. Теперь каждый человек для него был потенциальным убийцей. Он напомнил себе, что ничто не мешает Ривзу, а точнее, ЛИН-ксу принять обличье женщины. С электронной маской все возможно… Эта мысль еще больше взволновала Холлидея, и через десять минут, когда кто-то свернул, в переулок, сердце застучало у него в горле.

Это оказалась нарядная девушка-блондинка с хорошеньким личиком лет, наверное, двадцати. Во всяком случае, выглядела она на двадцать. Девушка вышла из такси на проспекте и побежала по переулку. В обеих руках она несла большие

дизайнерские сумки для покупок. Холлидей напрягся. Очень стройная, она была, со всей очевидностью, женщиной. Но когда девушка свернула во двор, Холлидей выскочил из крытого перехода и последовал за ней, держа руку на баллончике с фризом.

Рациональная часть его мозга подсказывала, что Веллман называл Ривза невысоким и коренастым. Эта женщина, уговаривал себя Холлидей, ни за что не могла оказаться Ривзом, как бы хорошо тот ни замаскировался. Но Холлидей не хотел рисковать. Он спешил за женщиной, а она, испуганно обернувшись на звук шагов, окинула его быстрым взглядом и бросилась к двери одного из домов в самой середине дорожки, ведут, щей в дальний конец двора. Девушка все возилась с картой-ключом, испуганно оглядываясь назад, а Холлидей проклинал себя на чем свет стоит, но продолжал идти, потом вернулся в переулок и остановился против дорожки во двор. Тут ожил его интерком, отдаваясь вибрацией в ребрах.

– Слушаю. Хол. – тихонько проговорил он.

– Не спишь?

– Собираюсь. Здесь – порядок. – И добавил про себя: но я едва не заморозил невинную девушку, ничуть не похожую на Ривза. – А у тебя?

– На реке очень оживленно, но пока никто не причаливал. Хорошо, что я слышу моторы всех проходящих лодок. Если этот придурок не приплывет на каноэ, у меня будет уйма времени подготовиться.

– Ну, до связи.

– О'кей. Будь осторожен.

Холлидей отключил интерком и принялся ждать. Через десять минут после ложной тревоги с блондинкой в переулок с проспекта свернуло такси и не спеша двинулось вдоль домов. Холлидей заглянул в салон, пытаясь рассмотреть внешность пассажира. Сквозь затемненное лобовое стекло он увидел голову и плечи мужчины. Сыщик снова напрягся, ожидая, что машина затормозит возле дорожки и пассажир выйдет, и тут понял, что если такси помедлит, высадив седока, то заблокирует ему дорогу во двор. Ему придется огибать автомобиль, теряя драгоценные секунды.

Но страхи оказались необоснованными. Такси проехало дорожку во двор и высадило пассажира в середине переулка. Но это, разумеется, могло быть уловкой со стороны Ривза, чтобы сбить с толку любого потенциального противника.

Холлидей видел, как мужчина средних лет расплатился с таксистом и двинулся к дорожке. Пассажир был невысок ростом,

что соответствовало описанию Веллмана, но вовсе не коренастый.

Человек помедлил, хлопая себя по карманам, а потом свернул к заднему ходу одного из ресторанов на набережной. Холлидей облегченно вздохнул.

Еще через тридцать минут в переулок свернул фургон с логотипом консультанта по охране и обслуживанию сигнальных систем и остановился у дорожки во двор. Сердце детектива бешено заколотилось: из фургона выпрыгнул короткий, коренастый парень лет двадцати пяти и скрылся во дворе. Холлидей бросился следом, приготовившись воспользоваться баллончиком. Обогнув фургон, он прибавил ходу. Парень уже был на середине дорожки. В руке он нес ящик с инструментами, в котором можно спрятать любое из дюжины смертоносных орудий. Холлидей поднял к губам интерком.

– Барни, – прошептал сыщик, – он идет.

– Тебе нужна помощь?

– Я припечатаю его раньше, чем он будет у дома. – Холлидей помолчал. – Если через несколько минут связи не будет, значит, я накрылся медным тазом.

Он сунул интерком в карман. Парень теперь был всего в паре метров от него. Холлидей поднял баллончик с фризом и почти пустил его в дело, когда парень приостановился, присмотрелся к номерам домов и пошел к дверям, куда раньше вошла светловолосая девушка. Он постучал в дверь, женщина открыла, нервно взглянула на Холлидея и впустила мастера.

Холлидей вернулся в переулок и занял прежний пост. Сердце колотилось так, будто он только что пробежал марафон на приз города Нью-Йорка в рекордно короткое время. Если бы он оказался на месте той женщины и заметил, что рядом сшивается подозрительный тип, он бы тоже вызвал эксперта по охране.

Раздражало то, что теперь фургон охранной фирмы закрывал от него дорожку.

Он связался с Барни.

– Хол, что происходит?

– Ложная тревога, Барни. Близкое попадание. Парень, подходящий под описание, свернул во двор. Я его чуть не заморозил. До связи.

Прошел час. Барни звонил каждые пятнадцать минут. Слесарь вернулся в свой фургон и уехал, и Холлидей снова обрел прежний обзор и возможность быстро добраться во двор. Он надеялся, что та блондинка успокоилась, получив квалифицированную помощь и совет специалиста. Все время держи под рукой оружие, подумал он, и если этот тип начнет приставать, сначала стреляй, потом задавай вопросы.

Холлидей начал замерзать. От ветра он был защищен, однако день стал клониться к вечеру и температура падала. Он поднял глаза к узкой полоске неба, видневшейся между крышами окружающих зданий. Небо было серым и словно набухшим от снега. Сыщик поднял воротник, немного попрыгал, чтобы согреться, и решил, что в следующий раз, когда Барни позвонит, он предложит произвести ротацию. Одна мысль о домашнем тепле согревала. К тому же, оставшись один в квартире, он не будет поддаваться параноидальной идее, что любой человек в Нью-Йорке, даже молодая стройная девушка, – это переодетый Дэн Ривз.

Он взглянул на часы. Было почти три тридцать. Еще через тридцать минут начнет смеркаться, и захватить Дэна Ривза станет уже чуть-чуть сложнее. Потом стал думать, успеет ли вовремя вернуться, чтобы поужинать с Ким. Вспомнив о ней, он снова испытал чувство вины. Он ее обманывает, обещал же, что бросит это дело и будет держаться подальше от злых духов. Если бы у него хватило характера усадить ее тогда на колени и объяснить, что на свете нет никаких злых духов и что ему надо добывать себе пропитание, а потому работать. Вместо этого он выбрал линию наименьшего сопротивления и соврал. Спасовал перед эмоциональными и личными последствиями, если придется раскрыться и объяснить Ким, о чем он думает и во что верит. Он, как всегда, промолчал.

Холлидей стал вспоминать, о чем ему частенько говорила сестра: неудивительно, что, получив такое воспитание, он считает невозможным демонстрировать эмоции или делиться ими. В то же время Холлидей не мог понять, была ли Сью очень восприимчивой или просто жестокой. Она обладала острым психологическим чутьем и всегда с радостью использовала его против брата. Потом он стал думать об отце, который столько лет не мог заставить себя заговорить о пожаре. Несмотря на все многолетние усилия избежать сравнения, нельзя не признать, что он, Холлидей, сын своего отца, пусть даже эта мысль его вовсе не радует.

Молчаливая вибрация интеркома прервала цепочку воспоминаний. Он взял машинку в озябшие пальцы и ответил.

– Господи, Хол. Я думал, на этот раз ты и правда заснул.

– Не заснул. Промерз до костей. Может, мы поменяемся ролями, Барни?

– Согласен. Давай через пятнадцать минут, о'кей? Я позвоню в четыре, и если у тебя все будет спокойно, мы поменяемся.

– Ну, до связи.

Он стал мечтать о тепле квартиры, а потом об ужине с Ким,

когда это дело будет закончено и выброшено из головы.

На проспекте начинали загораться рекламные огни, многоцветно сияющие в близких сумерках. На противоположной стороне дамский салон готового платья включил свой голографический фасад в форме красного вечернего платья, яркого и сверкающего. Когда все это кончится, он приведет сюда Ким и подарит ей новое платье.

Интерком снова задрожал.

– Хол, если у тебя все тихо, давай поменяемся сейчас.

– Прекрасно. – Холлидей еще раз осмотрел переулок. – О'кей, Барни… – Он внезапно замолчал. – Подожди секунду. Тут кое-что происходит. Может, ерунда. Я перезвоню. – И прервал связь.

Узкая красная спортивная машина, взвизгнув тормозами, эффектно перекрыла дорогу в переулок. Холлидей видел, как следом за ней подъехало желтое такси, оттуда выскочила женщина, вручила водителю пачку банкнот и подбежала к первой машине. Она заколотила сжатыми кулаками по крыше, выкрикивая что-то гневное. Холлидей на мгновение насторожился, но потом снова расслабился: всего-навсего ссора между любовниками или супругами. Он больше не совершит той же ошибки, предполагая самое худшее.

Сыщик уже решил связаться с партнером, когда дверца спортивной машины распахнулась и оттуда вылез мужчина. Невысокий, коренастый, широкоплечий…

Женщина, миниатюрная красавица с рыжими как огонь волосами, бросилась к нему, в бессильной злобе колотя маленькими кулачками по его груди. Мужчина отталкивал ее, но неагрессивно, скорее в смущении. Она что-то кричала, но слов было не разобрать. Холлидей отвернулся, чувствуя, что неприлично наблюдать за эмоциональными эксцессами других людей, но тут он услышал шаги. Мужчина шел по переулку, отталкивая женщину, которая цеплялась за него, громко рыдая и что-то бессвязно выкрикивая. Мужчина остановился у арки, прямо напротив Холлидея, и повернулся к рыжеволосой женщине.

– Что с тобой происходит? – кричала она. – Ты изменился. Стал другим человеком!

Мужчина схватил ее за плечи, притянул к себе и медленно заговорил, словно обдумывая каждое слово. Холлидей не разобрал смысл. Он только хотел, чтобы парочка поскорее убралась и не закрывала ему обзор.

Женщина снова заговорила, и Холлидей, поняв, о чем идет речь, не поверил своим ушам.

– А эта гнусная личина и переодевания?! – кричала она. – Что в тебя вселилось, Дэн? Что происходит?!

Холлидей окаменел. Потом, обдумывая все в ретроспективе, он понял: надо было действовать именно в этот момент. Он должен был броситься и использовать фриз, пока внимание Ривза отвлечено. А на самом деле он просто стоял и не мог поверить своим глазам.

Дальнейшее происходило словно в замедленном кино. Парень сунул руку под куртку и из подмышечной кобуры извлек револьвер. С бесконечным терпением он держал оружие на вытянутой руке и наводил его на цель. Выражение лица женщины, и так уже испуганное и гневное, сменилось ледяным ужасом. Она упала на колени и, открыв рот, тянулась к своему палачу с душераздирающей мольбой, но он хладнокровно, почти в упор выстрелил ей прямо в лоб.

Холлидей видел, как все произошло. Видел, как коленопреклоненная фигура страшно содрогнулась и, раскинув руки, упала на спину. Видел, как тело стукнулось о землю и снова подскочило в посмертной пародии на гимнастическую живость. Он все это видел, но, парализованный шоком, ничего не смог сделать, чтобы спасти ее жизнь.

Дэн Ривз спокойно убрал револьвер в кобуру, огляделся и увидел, что за ним наблюдает Холлидей. Сыщик попробовал двинуться, выхватить собственный пистолет. Очевидно, шок от того, что он обнаружен, оказался сильнее потрясения при виде убийства.

У Холлидея еще хватило времени объяснить себе, что Ривз ни коим образом не мог его узнать. В конце концов, на нем была маска. Но он видел, как Ривз совершил убийство, вернее, видел, как ЛИНкс убил женщину. Одного этого будет достаточно для смертного приговора.

Внезапно время переключилось, бесконечные секунды застывшего бездействия сменились лихорадочным ускорением. Холлидей и пальцем не успел шевельнуть, а Ривз выхватил револьвер во второй раз и нажал на курок. Эхо выстрела оглушительно прокатилось по узкому переулку. Пуля прошила стеганую подкладку куртки, не задев туловища. Детектив нырнул, покатился по земле и встал на колени, уже сжимая пистолет. В этот момент он не помнил, что Дэн Ривз – невинный человек, не помнил о своем прежнем намерении взять его живым. Он прицелился и выстрелил. Пуля ударила Ривза в живот, вырывая куски мышц и выпуская фонтан крови в точке выхода – на пояснице.

Ривз покачнулся, и Холлидей ждал, что он сейчас упадет. Дальнейшее лишь подтвердило, что в его противнике не осталось ничего человеческого. Вместо того, чтобы упасть, Ривз

развернулся и побежал. Холлидей видел, в какое месиво пуля превратила спину Ривза: из разверстой раны торчали кишки, хлестала кровь.

Сыщик снова выстрелил, на этот раз промахнулся и бросился в погоню. Ривз был уже далеко, но он бежал в тупик. Холлидей чуть сбавил ход, поражаясь тому, как Ривз может игнорировать свое ранение и бежать, как будто ничего не случилось. Возможно, ЛИНкс в его нейроинтерфейсе блокирует все сигналы боли в сознании одержимого человека.

Ривз добежал до тупика и обернулся. Холлидей упал на землю, вытянул пистолет и крикнул:

– Не двигаться, или я стреляю! Брось револьвер! Ривз, словно загнанное животное, метнулся в одну сторону, в другую.

– Брось оружие, Ривз, и ты будешь жить! – закричал снова Холлидей, взывая к остаткам человечности в разуме, порабощенном контролирующей программой искусственного интеллекта. Если бы добраться до его сути, то, может, включится первобытное стремление выжить и несчастный справится с кукловодом и спасется?

Но Холлидей знал, что все усилия напрасны.

Ривз поднял револьвер. Холлидей выстрелил и попал ему в плечо. Ривз дернулся, револьвер выскользнул из бесполезных пальцев. Левая рука потянулась к карману, но крик Хол-лидея помешал ему. Холлидей рванулся к Ривзу, скрюченному в трех метрах от него. Держа пистолет обеими руками, он целился в голову противника.

– Одно движение – и я стреляю!

Они, не двигаясь, смотрели друг другу в лицо. Холлидей боялся, что, стоит ему потянуться за фризом, Ривз выхватит свое спрятанное оружие. Лазерный нож? Мысль о нем, о том, что такой резак сделал с Кэрри Виллье, парализовала его страхом.

Если бы появился Барни и прикрыл его!

В ситуации было нечто демоническое: за все время Ривз не издал ни одного стона или крика, хотя он потерял существенную порцию крови из раны в спине, а кость правого плеча была безнадежно раздроблена.

Внезапно Ривз протянул руку и швырнул вперед контейнер с мусором. Холлидей уклонился, а Ривз исчез за дверью слева. Проклиная все на свете, Холлидей рванулся следом по морю овощных очисток и пластиковых упаковок. Распахнув дверь, он оказался в кухне: кругом пар, крики и ад кромешный. Ривз, из которого по-прежнему лилось нечеловечески много крови, прорывался сквозь визжащую толпу поваров и официантов. Холлидей, пытаясь в этом столпотворении прицелиться, бросился

за ним и громко приказал всем лечь на пол.

Ривз добежал до кухонной плиты, ухватился за край кипящей кастрюли и швырнул ее вниз. Кастрюля глухо стукнулась о плитки пола, выплеснув под ноги волну кипящего соуса. Холлидей не успел затормозить, чтобы избежать ожога, жидкость окатила его ноги, обожгла щиколотки, он чуть не упал на колени, но ухватился за плиту и сумел устоять на ногах, потом, расталкивая всех, кинулся к двери, за которой исчез Ривз, распахнул ее и нырнул внутрь. За дверью был длинный ресторан с мягким, приглушенным освещением. Внезапное появление на сцене двух вооруженных людей заставило обедающих замереть на месте.

Ривз уже налетел на официанта, и тот рухнул на пол в водопаде посуды и столовых приборов. Холлидей подскочил к Ривзу, поднял правую руку и нажал на клапан баллончика с фризом. Ривз издал непроизвольный крик – первый звук за все время преследования. Воздух наполнился химическим смрадом – жидким азотом и нашатырем. Струя газа ударила Ривзу в грудь и голову, и он упал назад в удачно стоящее кресло.

Жадно хватая воздух губами, Холлидей уселся за стол напротив умирающего. Баллон с фризом он опустил, но наблюдал за Ривзом, не отводя от него дуло пистолета. На сей раз он решил не рисковать.

Вдруг Холлидей почувствовал, какая вокруг тишина. Он поднял голову и заметил потрясенные лица гостей. Они сидели абсолютно тихо, с открытыми от изумления ртами глядя на искалеченного человека и его отдыхающего преследователя.

Сыщику захотелось извиниться за вторжение.

Ривз застыл в тот момент, когда он как раз вытаскивал из кармана второй револьвер. Рука с оружием замерла прямо перед глазами, дуло пистолета остановилось в нескольких дюймах ото рта. Холлидей видел, что в глазах под электронной маской вдруг мелькнул краткий проблеск жизни. Ривз попытался двинуться, и Холлидей почему-то чувствовал, что сейчас им руководит не программа искусственного интеллекта, но непреодолимое человеческое желание прекратить муки.

Прежде чем Холлидей успел вынуть револьвер у него из рук, Ривз добился своей цели. Он сумел подтянуть лицо к дулу револьвера и нажать на курок. Вещество мозга и раздробленные кости черепа фонтаном ударили в потолок, а потом посыпались на обедающих.

И лишь тогда поднялся крик. Люди кинулись к двери. Застывший официант стоял рядом с Холлидеем. Сыщик под-йял глаза, вынул удостоверение личности, показал его офи-рианту и

устало сказал:

– Принесите мне бренди. Официант исчез.

Ривзу снесло всю верхнюю часть черепа, но нижняя осталась нетронутой и пряталась за сломанной электронной маской. На этой разбитой и уничтоженной голове маска продолжала одно за другим прокручивать череду отвратительно улыбающихся лиц.

Холлидей поднял полу своей куртки, посмотрел на аккуратную дырку в подстежке, просунул в отверстие палец и тупо на него уставился.

Вдруг завибрировал интерком, мягко стучась о его ребра.

– Барни? – спросил Холлидей.

– Хол! – кричал Барни. – Черт возьми, что… Где ты? Вернулся официант, неся в вытянутой руке бутылку бренди. Холлидей взял ее и спросил:

– Где я?

– Это… Это “На Набережной”, – запинаясь, объяснил официант.

Холлидей передал информацию Барни и отключил связь. Подняв бутылку, он отхлебнул из горлышка и почувствовал, как огненная дорожка прокладывает путь прямо в желудок.

Барни появился через пару минут. Быстрым взглядом оценил происходящее, подошел к напарнику и положил руку ему на плечо.

– Ты о'кей, Хол?

– Я в норме, – отозвался Холлидей и указал на труп. – Я ничего не смог сделать, Барни. – Он стянул маску со своего лица и уронил ее на стол.

Барни присел, взял из рук Холлидея бутылку и сделал большой глоток.

– Я связался с Веллманом, он уже едет.

Холлидей рассказал о перестрелке, все больше убеждаясь, что не машинный интеллект, а именно Дэн Ривз покончил со своей жизнью.

– Там у арки – тело женщины, – сообщил Барни.

– Это жена Ривза, или кто там она ему… Она приехала за ним следом, поругалась с ним, пыталась удержать… – Холлидей замолчал. В мозгу, как вспышка, возникла картина, как хладнокровно Ривз выстрелил ей в голову. – Вот он ее и застрелил. Господи.,,

– Ты что, Хол?

– Знаешь, мне только что пришло в голову, что если бы она не поехала за ним, то была бы жива и здорова. А Ривз без помех проник бы во двор. Он не застрелил бы ее, не увидел бы меня… Я прокрался бы за ним во двор, воспользовался бы фризом. Сейчас

его бы везли в какой-нибудь госпиталь, чтобы удалить интерфейс.

Холлидей пытался не зацикливаться на мысли, что же происходило в измученном мозгу Ривза, когда он из последних сил натягивал свои губы на дуло револьвера и нажимал на курок.

Приехала полиция: пара офицеров в форме, детектив и судебный медик. Холлидей и Барни показали свои удостоверения, и Холлидей начал подробный рассказ о случившемся.

Еще через пять минут в ресторан влетел Веллман. Он сменил свой костюм на зеленоватый двубортный пиджак с красной гвоздикой в петлице. Более чем когда-либо он выглядел крупной шишкой в дорогом борделе, может быть, связанном с мафией. Веллман бросил единственный взгляд на останки Дэна Ривза и отвернулся. Потом кивнул Холлидею и Барни:

– Ваши действия, джентльмены, спасли многие жизни. Однако это знание, абстрактная концепция спасенных жизней, не смогло облегчить самочувствие Холлидея.

– Нам действительно необходимо здесь оставаться? – спросил Веллман. – Я собираюсь поехать в укрытие и рассказать Джозефу о том, что произошло. Мистер Клюгер, я могу сразу выписать вам чек за работу.

– Буду вам благодарен, – отозвался Барни.

Холлидей посмотрел на часы. Семь вечера. Он вспомнил, что обещал позвонить Ким и договориться с ней об ужине. Повернувшись к Барни, он сказал:

– Я обещал вечером встретиться с Ким.

– Иди, Хол. Возьми машину. – Барни бросил ему ключи и вышел из ресторана следом за Веллманом.

Холлидей пошел по дорожке вдоль набережной, прячась от холодного ветра за поднятым воротником куртки. Аппетита у него не было, но он может заказать что-нибудь легкое и посмотреть, как ест Ким. Пусть ее вид отвлечет его от сегодняшних событий.

Интерком снова завибрировал. Он остановился, глядя на огни Манхэттена, ярко горящие в ночном небе. Потом ответил на вызов.

Знакомый голос произнес:

– Мистер Холлидей?

– Джо, это ты?

– Мне надо с вами увидеться, мистер Холлидей. Я буду на сайте Гималаев через пять минут. Дело важное.

– Прекрасно. Я буду. Джо! В чем дело? Никакого ответа.

– Джо, Джо!

Косинский отключился. Холлидей вздохнул. Значит, он будет наслаждаться ароматом красного вина, любуясь, как ест Ким, в

другой раз.

Холлидей вышел на проспект, поймал такси, сел и закрыл глаза, а машина мчалась сквозь темноту. Очень скоро, после завершения встречи с Джо Косинским, он не будет связан ни с ВР, ни с КиберТеком, ни с Веллманом… скоро, но ни на секунду раньше, чем должно.

Он расплатился с таксистом, залез в “форд” и поехал на север, к Двадцать третьей Западной улице.

Сказочный замок ВР-бара Мантони наполнял ночь мерцанием своего эрзац-мрамора. Минут пять Холлидей подождал в очереди, купил в кассе часовой билет и прошел в зал ожидания. На этот раз в баре было более многолюдно, и пока освободилась кабина, сыщику пришлось провести в ожидании целую вечность, сидя в алой плюшевой гостиной.

Девушка в униформе с приклеенной улыбкой провела его в пустую кабину. После ухода предыдущего гостя ванна наполнялась свежим гелем. Холлидей ввел в меню на экране сайт Гималаев, разделся, сложил одежду во встроенный шкаф, присоединил провода и надел маску. Ступил в ванну, сел, потом лег на спину. Чувственные ощущения уже привычно его покинули, и он полетел в невесомости. А через несколько секунд в мозг хлынула визуальная информация о виртуальных Гималаях.

Он уже знал, чего ожидать, и все равно был поражен достоверностью картины, реальностью собственных впечатлений. Горы взметнули заснеженные пики в безоблачное небо, теплый ветер мягко касался кожи. Издалека долетал неспешный голос колокола в ламаистском монастыре.

На этот раз Джо Косинский уже ждал его в буддистском храме. Он был одет в ту же мантию, а выбритый череп резко контрастировал с его неуемными кудрями в реальной жизни. Он сидел скрестив ноги перед восседающим в такой же позе, но значительно более крупным Сиддхарта Гаутама.

– Мистер Холлидей, – позвал Джо.

– Лучше Хол, – поправил его сыщик и сел на деревянную скамью. – Сработало, Джо. Инженеры Веллмана смонтировали твой предполагаемый звонок в КиберТек. ЛИНкс зарегистрировал сигнал и послал Дэна Ривза.

– И что случилось?

– Он погиб в засаде, – бесстрастно произнес Холлидей. – Сам покончил с собой. – Холлидей не мог заставить себя описать смерть женщины и подробности кровавого финала в ресторане.

– Ну что ж, Хол. – Джо покачал головой. – Дело близится к концу. Завершается. У ЛИНкса больше нет подконтрольных носителей интерфейсов. А скоро мы сумеем выжить его из Сети.

– Как у тебя дела с программой? Джо улыбнулся:

– Она закончена. Поэтому я и вызвал тебя.

– Ты уверен, что она сработает?

– Хол, я разрабатывал ЛИНкс и его прототипы. Я знаю его насквозь. Знаю, почему он зародился и что может его убить. Как ты думаешь, почему он так хочет меня уничтожить?

Холлидей нахмурился.

– Джо, это был настоящий кошмар. Столько смертей… бессмысленных смертей.

Он замолчал.

– Неужели ты думаешь, что я не сознаю собственной ответственности? – обиделся ученый.

– Я не собираюсь тебя винить, – отмахнулся Холлидей. – Ты не мог знать, что случится. Произошла накладка, трагическое стечение обстоятельств. – Он помолчал. – На тебе ответственности не больше, чем на родителях, чей ребенок вырос и стал убийцей.

– Многие считают, что родители несут ответственность за действия своих детей, Хол, Холлидей еще раз взглянул на ученого-компьютерщика в обличье буддистского монаха. Неужели он выступает адвокатом дьявола?

– Но сам ведь ты так не считаешь, правда, Джо? Косинский задумался.

– Я не знаю. Может, в случае с родителями это и не так, но вот ЛИНкс… Я его программировал. Определил его параметры, диапазон полномочий.

– Но он вырос в нечто совсем иное, практически в олицетворение зла. Это не имеет к тебе никакого отношения.

Монах взмахнул рукой.

– Возможно, я искуплю свою вину, когда программа навсегда сотрет ЛИНкс из Сети. – Он поднял глаза на Холли-дея. – Ты мне нужен, чтобы забрать программу и доставить ее Веллману.

– Разве она не у тебя в укрытии? Джо рассмеялся.

– Можешь считать меня параноиком, Хол, но я жил в постоянном страхе, что ЛИНкс обнаружит, где я прячусь. Я не мог рисковать, допустив, чтобы Дэн Ривз нашел ее. Я закончил работу несколько часов назад и поместил иглы в кейс с кодовым замком в баре “У Коннелли” рядом с Бродвеем. Сказал бармену, что попозже ты зайдешь за ним.

– Хорошо, сделаю, – согласился Хол. – Когда ты выберешься из ванны, Веллман и Барни будут уже у тебя. Я тоже могу подъехать, когда получу программу.

– Мы выпьем за успех, Хол. Чтобы программа сработала.

– За это не грех и выпить, Джо, – улыбнулся Холлидей.

Косинский сообщил сыщику адрес своего укрытия – элитная улица в Верхнем Вест-Сайде. Они вновь замолчали, наблюдая, как по склону к ним медленно движется горбатая махина яка. В свой первый визит на сайт Гималаев Холли-дей издалека видел этих громадных мохнатых животных, но никогда так близко. И как всегда, его поразила реальность образа.

Он обернулся к Джо.

– Хол…

– Ты что? – удивленно спросил сыщик. Джо с мрачным выражением лица царапал пальцами грудь сквозь ткань мантии.

– Хол, мне плохо.

Як посмотрел прямо на них, и необычная целеустремленность этого взгляда вдруг показалась Холлидею совсем не характерной для животного. Он настойчиво, как-то не по-животному, смотрел прямо на Джо. Холлидей вспомнил, что в ВР вы можете являться в любом обличье, в том числе и в виде яка.

И лишь тогда он задумался: как кто-то мог узнать местонахождение Джо в виртуальной реальности?

Он посмотрел на ученого и содрогнулся. С парнем что-то происходило. Кожа его лица вдруг стала менять цвет, чернеть. От мантии потянуло дымом. Джо сидел неподвижно, не в состоянии шевельнуться. В глазах его застыл непередаваемый ужас.

Холлидей отшатнулся; паника сдавила ему грудь.

Як остановился прямо перед ними. Его выпуклые, мутноватые глаза смотрели на Джо с типично коровьей меланхолией.

Потом як открыл рот.

– Джо Косинский? – спросил он и внезапно изменил форму. Из мирного животного с большой головой и грустными глазами он превратился в нечто обтекаемое и металлическое с громадными выпирающими челюстями.

Холлидей заметил серповидные зубы, только когда они впились в горящего буддистского монаха с такой яростью, что сыщик понял: она как-то связана с происходящим в реальной жизни, ведь в виртуальном мире с тобой ничего дурного случиться не может.

Потом чудовище отвернулось от окровавленных останков Джо Косинского. С его челюстей капала виртуальная кровь. Монстр ухмыльнулся:

– А теперь ты, Холлидей.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда Барни и Веллман добрались до дома в Верхнем Вест-Сайде, снег одел тротуары и мостовые тонкой сверкающей мантией. Веллман припарковал “Бенц” у трехэтажного городского дома и повел сыщика наверх.

Они нашли Джо Косинского уже в ванне с гелем. Большая комната на втором этаже была забита компьютерными терминалами и демонстрационными экранами. Веллман бросился к большому экрану на стене и пробежал пальцами по клавиатуре. Барни остановился на пороге, рассматривая ванну с гелем. Хотя ему уже приходилось в нее погружаться, он никогда не видел, как выглядит со стороны человек, пребывающий в виртуальной реальности: плавающее обнаженное тело, опутанное множеством проводов. Потом Барни заметил, что Джо Косинский плавает с поднятыми руками и расставленными ногами, как будто тело находится в свободном падении. Время от времени конечности его резко дергались.

Барни осмотрелся. Комнату заливало яркое зеленоватое свечение. Веллман настраивал на экране изображение: панораму гор и зеленых долин.

Изображение пробежало по зеленой лужайке и спланировало на двух мужчин, сидящих перед статуей Будды. Барни узнал Хола, который выглядел в точности как в реальной жизни. Что-то во внешности заурядного жителя Нью-Йорка входило в резкое противоречие с идиллическим горным пейзажем.

Рядом с Ходом сидел молодой человек в коричневой мантии буддистского монаха. Барни не сразу узнал Джо Косинского: вместо обычных вихров его череп сиял лысиной.

Эти двое разговаривали, но звуков было не слышно. Веллман с нахмуренным от напряжения лбом все нажимал клавиши управления под демонстрационным экраном.

Барни смотрел на него и пытался понять, что же он чувствует к этому человеку. Когда они встретились в первый раз, ему сразу не понравился этот помпезный хлыщ с нарочито изысканными манерами, а его приверженность к строгому соблюдению формальностей просто бесила Барни. Ясно, что Веллман не из тех, с кем приятно распить кружку пива у Ольги, но раз уж судьба свела их вместе, нужно отдать ему должное – действовал он эффективно и изобретательно.

Комната наполнилась оглушительными звуками: -…думаешь, он так стремится уничтожить меня? – спрашивал Джо.

Веллман поправил громкость. Сейчас эти двое говорили об

ответственности, о том, кто виноват в происшедшем. Вроде бы Косинский винил себя, а Хол утверждал, что все это – просто ужасная случайность.

Даже в виртуальной реальности Хол говорил в мягкой медлительной манере. Время от времени он потирал щетину на подбородке – жест, хорошо знакомый Барни по реальному миру.

Сам Барни в это время размышлял: наблюдал ли позавчера Лью и инженеры Мантони за ним и Эстеллой, когда они занимались любовью в виртуальной реальности…

Джо Косинский говорил:

– Ты мне нужен, чтобы забрать программу и доставить ее к Веллману.

– Разве она не у тебя в укрытии?

Косинский объяснил: он боялся, что ЛИНкс может обнаружить его местонахождение и послать за программой Ривза.

– Я закончил ее несколько часов назад и поместил в закодированный кейс в баре “У Коннелли” рядом с Бродвеем. Сказал бармену, что попозже ты ее заберешь.

Веллман повернулся к Барни:

– Он справился, Клюгер!

– Мы это отметим, Хол, – говорил Косинский. – За успех программы!

Двое сидящих у храма мужчин, буддистский монах и одетый в черное житель Нью-Йорка, замолчали и смотрели, как рядом щиплет траву огромное медлительное животное.

Вдруг Барни ощутил посторонний запах, чуть заметное дуновение горящей резины, но настолько слабое, что Барни почти не обратил на него внимания.

Он во все глаза смотрел на экран. Двое уже не разговаривали, очевидно, все сказав друг другу, сейчас они просто смотрели на яка, который вроде бы медленно приближался.

Вдруг Джо Косинский начал царапать грудь, кожа на его лице почернела.

– Веллман, – позвал Барни.

Он где-то уже встречался с этим запахом… Вот только где? Потом он вспомнил. Это гель, которым наполняют ванны. Сколько ни три его, вынырнув из виртуальной реальности, запах все равно остается.

Сзади раздался какой-то звук. Барни обернулся.

– Черт возьми! – крикнул Веллман.

В ванне с гелем возникло движение. Джо ворочался с необычной резвостью. Его ноги дергались в густой, тягучей среде.

Барни перевел взгляд на экран. Як поднимал свою большую голову и в упор смотрел на Джо Косинского, чьи руки совсем

почернели и уже дымились.

Барни снова обернулся к ванне. Гель пузырился, тело Джо Косинского выгибалось, как будто через него пропускали электрический разряд.

Он бросился к ванне, протянул руку, но не успел даже до нее дотронуться, как почувствовал страшный жар. Внутри ванны плоть Джо Косинского начала гореть.

Веллман страшно закричал и схватился за провода на бортике ванны. Они расплавились у него в руках. В отчаянии он кинулся к ванне, но сунул лишь кисть правой руки и сразу вытащил ее, завопив от боли.

Барни безумным взглядом обвел комнату, схватил стул, крикнул Веллману отойти и со всей силы швырнул его в борт ванны. Стекло треснуло, секунду еще сохраняло форму, а потом разлетелось вдребезги. Гель пульсирующим потоком стал растекаться по комнате. Барни отступил к двери, Веллман оказался с ним рядом.

Сыщик снова взглянул на Джо Косинского и понял: они ничем не могли ему помочь. Если он еще не умер, то умирал. Его тело лежало искореженной массой среди осколков ванны, плоть почернела, рот открыт в немой агонии.

– Черт возьми, как это… – начал было Барни, но Веллман, прижимая к себе красную, мокрую кисть с облезшей кожей, поднял здоровую руку и указал на экран.

Барни с изумлением увидел, как як, волшебным образом превратившийся во что-то металлическое и злобное, бросился на буддистского монаха и разорвал его в клочья.

– Это ЛИНкс, – прошептал Веллман. – Нашел его в ВР… Барни вернулся в прихожую, так как изображение на экране исчезло, а он внезапно ощутил смрад горящей плоти.

– Хол! – с болью выговорил Барни. – Господи! С ним был Хол!

– Клюгер, ЛИНкс контролировал их в ВР. Он знает, где программа.

Барни почти не слышал, что говорит Веллман. Он изо всех сил пытался не думать о том, что Хол лежит сейчас мертвый в ванне с гелем ВР-бара Мантони, но все равно перед глазами вставал именно этот образ.

– Я должен туда поехать, должен убедиться, что Хол… Может, Хол успел вовремя выбраться из ванны…

Он рванул интерком из кармана, набрал код Хола. Один сигнал, второй… Ответа нет. “Ну, давай, Хол, давай!” Веллман схватил его за руку.

– Клюгер, вы что, не понимаете? Вы ничего не можете сделать! Если ЛИНкс напал на Хола, он мертв. Мы ничем не

можем помочь.

– Я должен убедиться! – Барни пытался вырвать свою руку у Веллмана.

– Сначала поезжайте к Коннелли, – приказал Веллман. – Заберите программу.

– Но у ЛИНкса больше нет исполнителей, – возразил Барни. – Ривз был последним.

– Я знаю, знаю. Но подумайте сами, ЛИНксу известно, где программа. Все, что ему нужно… ну, я не знаю… связаться с курьером по интерком-системе и попросить забрать кейс и доставить его в определенное место. Я не знаю в какое, – частил Веллман, пытаясь не дать Барни что-нибудь возразить. – Самому ЛИНксу программа не нужна, главное для него – чтобы мы ее не получили.

Веллман умоляюще смотрел на Барни, прижимая к себе обожженную руку. Потом вдруг бросился в ванну и включил холодную воду. А Барни все стоял, парализованный чем-то вроде страха, пока мозг его оценивал последствия того, чему он только что был свидетелем.

Через минуту он принял решение и кивнул, скорее себе, чем Веллману.

– Я поеду к Коннелли, – бесстрастно произнес он. – Потом – в бар Мантони, узнать, что с Холом.

Веллман смотрел на него из ванной с искаженным от боли лицом. Искалеченную руку он держал в холодной воде.

– Я подожду вас здесь, Клюгер. – Он вытащил что-то из кармана пиджака. Ключи. – Возьмите машину.

Барни схватил ключи и заспешил к лестнице. Больше всего на свете ему хотелось убедиться, что с Холом все о'кей. Хотелось забыть о программе и поехать к ВР-бару Мантони на Двадцать третьей Западной улице. Но он сказал себе, что должен забрать программу. Это, безусловно, очень важно. ЛИНкс уже убил стольких людей, пора его остановить.

Он влез в “Бенц”, вывел его на дорогу и, набирая скорость, помчался на юг. Вытащив одной рукой интерком, Барни нажал функцию повтора. Звук сигнала монотонно звенел в ушах. Барни чуть не плакал от злости:

– Отвечай, засранец! Ты слышишь меня, Хол?!

Он оставил повтор включенным, а сам стал обдумывать возможные варианты. Если Хол выжил после нападения в ВР, то почему он не отвечает на вызов?

Возможно такое: раньше, еще в засаде, Хол установил интерком на вибрационный сигнал. Если интерком по-прежнему включен на этот режим, да еще лежит во внешнем кармане

толстой куртки, то неудивительно, что Хол не отвечает.

Барни и сам понимал, что ему просто хочется в это верить, но такое объяснение очень маловероятно.

Он вел машину, подавшись вперед к рулю и вглядываясь в пустые заснеженные улицы, по которым кружил ледяной ветер. Он возьмет посылку у Коннели и сразу отправится в ВР-бар Мантони!

Перед глазами возникало зрелище искалеченного тела Джо Косинского, Барни пытался отогнать этот образ, но он преследовал его, не отпускал.

Оказаться бы подальше отсюда, в ВР-мире, в Калифорнии, с Эстеллой, в коттедже на берегу океана! Господи! Обнять бы ее и забыть обо всем дерьме последних дней!

Барни нашел бар “У Коннелли”, припарковал машину на обочине и пошел по тротуару сквозь разыгравшуюся метель. Вошел в бар, после ледяного ветра тепло показалось особенно уютным. За столиками, глядя на экран, сидели несколько человек со стаканами, но у стойки было пусто. Барни сел на табурет и кивнул бармену.

– Джо Косинский, он тут кое-что оставил. Поручил мне забрать.

– Нет вопросов, – широко улыбнулся бармен и вытащил что-то с полки позади стойки – тонкий серебряный конверт-кейс – и вручил его Барни.

– Выпьете что-нибудь?

Барни увидел знакомую красно-золотистую этикетку украинского пива в холодильнике. Видит Бог, он заслужил глоток! Делая заказ, Барни понимал, что просто оттягивает неизбежное. Он сказал себе, что если Хол мертв, ничего уже нельзя изменить. Он выпьет пива, и, может, не одну бутылку, а потом поедет в ВР-бар.

Барни поднял к губам бутылку, холодная струя алкоголя обожгла глотку. Он становится слишком стар для этой работы, внезапно подумал Барни. Сколько он работает? Почти сорок лет полицейским и частным детективом… Это немало, что там ни говори. Он выполнил свой долг перед городом, который его выучил. Пора подумать о покое. Передать бразды Ходу, а самому выйти из дела и отправиться туда, где потеплее и поспокойнее… Господи, если бы Эстелла была жива! Они бы сейчас вместе планировали жизнь на покое в реальном мире! Не в пустых фантазиях ВР…

Дверь распахнулась, впустив ледяной порыв ветра. В проеме появился высокий, стройный негр, постоял в дверях, окинул внимательным взглядом присутствующих. Барни снова занялся

пивом, сделал еще один долгий глоток. Пожалуй, он закажет еще бутылочку, а потом попробует дозвониться до Хола. Если никто не отзовется, тогда он поедет в ВР-бар. Барни понимал, что звонить следует прямо сейчас, но страх не получить ответа парализовал его волю.

Высокий негр подошел к стойке, облокотился и кивнул бармену.

– Для меня тут кое-что оставили, – заявил парень высоким, дерганым голосом. – Мой приятель Джо. Джо Косинский, слыхал?

Барни так и застыл с поднятым пивом, потом осторожно обернулся. Свободной рукой он дотянулся до конверта, стянул его со стойки и сунул в карман.

Задним числом он понял: надо было сразу застрелить мерзавца. Но в тот момент сорок лет соблюдения условностей, необходимости предварительно установить личность, не позволили ему сначала стрелять, а потом задавать вопросы. Даже если парень просто вынужден работать на ЛИНкс. Еще один подневольный раб или посторонний, которого ЛИНкс подрядил для черной работы? Барни внимательно вгляделся в голову негра. Имплантата как будто нет… Но с другой стороны, если на нем электронная маска, НЦИ заметно не будет.

Все так, но Барни просто не мог заставить себя хладнокровно выстрелить в человека.

Вместо этого он оставил пиво и тихонько соскользнул с табурета. В этом баре есть черный ход, рядом с туалетом. Естественнее будет направиться именно туда. Барни шел, каждой клеткой чувствуя свою незащищенную спину, как будто у него между лопаток, как в тире, висела мишень.

Он толкнул дверь, мгновение помедлил и оглянулся. Бармен указывал на место, где сидел Барни. Негр цепко осматривал помещение. Барни видел, как тот сунул в карман руку, что-то вытащил. Сыщик решил не ждать, захлопнул дверь и оказался в тесном коридорчике. В этот момент прозвучал выстрел, вдребезги разлетелось дверное стекло. Ага, видно, не зря он боялся… Этот парень – еще один несчастный раб. Наемный исполнитель не стал бы стрелять, чтобы получить программу.

Барни вылетел через пожарный выход в конце коридора. В лицо ударила снежная крупа. Он полез через пустые стальные кеги и поликарбоновые ящики из-под пива, намеренно обрушивая за собой грохочущие штабеля. Дорожка ветвилась, и Барни, не задумываясь, повернул направо. Это правило он установил для себя так давно, что трудно даже вспомнить: если перед тобой два пути и ты не знаешь, какой выбрать, иди направо и не трать время на размышления.

Он бежал по заснеженному переулку, и в этот момент ожил его интерком. Господи, как не вовремя! Видно, это Веллман решил узнать, забрал ли он программу. А может, Хол? Барни оглянулся. Того парня вроде не видно. Но тут Барни услышал, как распахнулась дверь черного хода и кто-то отшвырнул с дороги рассыпавшиеся ящики. Интерком так и остался в кармане, и через несколько секунд звонки прекратились. Барни сосредоточился на беге. В такие минуты он особенно жалел, что не уделял больше внимания советам дока Саймза. Чуть-чуть меньше пива и бутербродов с ветчиной в месяц, и он, пожалуй, был бы сейчас на несколько фунтов легче, двигался бы быстрее, как раз на ту малость, что составляет разницу между жизнью и смертью. Нечего впадать в меланхолию, сказал себе Барни. Толстый мужик, сильно за шестьдесят, а вон как неплохо бежит.

Барни потянулся к кобуре, вытащил пистолет и оглянулся. Преследователь темной бегущей фигурой вырисовывался на фоне заснеженного переулка. Сыщик быстро окинул взглядом окрестности в поисках укрытия. Уж теперь-то у него не будет угрызений совести, он просто выстрелит и вышибет парню мозги. Но сначала надо скрыться из зоны поражения.

Слева появился узкий проход между двумя зданиями. Барни, не снижая скорости и стукнувшись плечом о дальнюю стену, свернул туда и едва не свалился с ног. Он искал какую-нибудь щелочку, куда можно втиснуться и скрыться на долю секунды, чтобы прицелиться и выпустить шесть выстрелов в своего преследователя. Тихий голос с самого дна души шептал, что его враг – еще одни несчастный раб, невинный инженер с имплантатом, который не властен над собой и должен повиноваться ЛИНксу. Но более мощный голос разума приказал первому убираться в задницу. Если Барни сейчас оплошает, считай, он – покойник.

Сыщик все бежал по узкому ходу, шаря глазами в поисках хоть какого-нибудь укрытия – мусорного контейнера, ящика, кучи, – за которое можно нырнуть.

Проулок был абсолютно пуст: ни двери, ни арки. И что еще хуже, Барни увидел впереди тупик. Он на ходу отметил этот факт, и в животе что-то сжалось в холодный комок. Дорогу перегораживал деревянный забор, старый и прогнивший. Барни на бегу развернулся боком и приготовился к удару.

Сзади послышался крик, грохот выстрелов. Пули впивались в забор, кроша обветшавшие доски. Сыщик налетел на сырую древесину, изгородь подалась под его весом, и Барни оказался еще в одном переулке. Свернув направо, он побежал, ощущая, что двигается недопустимо медленно. В его возрасте можно и

пробежаться, но недалеко и недолго: организм начинает протестовать. На этот раз подводили ноги, точнее, правое колено. Казалось, в суставе орудует лезвие, кромсает хрящи и сухожилия. Он захромал, постанывая от боли. Сзади раздался резкий крик. Барни оглянулся. Преследователь нырнул в прореху изгороди, споткнулся, шлепнулся в снег, но быстро вскочил и продолжил погоню. Барни почувствовал: к правой ноге присоединились легкие. В отчаянии сыщик развернулся и стал целиться. Третий выстрел попал в бегущую мишень. Темный силуэт с почти балетной грацией сделал невероятный пируэт, и парень рухнул на лед, как паук, раскинув длинные руки и ноги.

Барни бросился прочь, ободренный выигрышем времени. Оглянулся. Черт подери! Этот тип успел подняться и теперь снова бежит! Его правая рука бессильно повисла вдоль тела. Значит, засранец только чуть-чуть ранен. Вон как бежит! Барни почувствовал, что слабеет, в легких горел пожар. Впереди не было ни единой щели, куда можно спрятаться и выстрелить. Рядом просвистела еще одна пуля, сыщик ощутил, как в сердце растет паника.

Вдруг впереди он увидел освещенный угол. Там проспект. На самом углу располагался офис такси, а перед ним выстроился ряд зеленых экипажей. Барни едва не заплакал от облегчения. К черту засаду! Он просто сядет в машину и уедет. Еще доживет до грядущих битв… По крайней мере программа у него в руках. Когда ЛИНкса удастся выжить из Сети, они выследят его подручного.

Он замедлил шаг, пересек тротуар поспешной, но вполне респектабельной походкой и нырнул на заднее сиденье первого же свободного такси, все еще дрожа от возбуждения. Назвал адрес – Бэттери-парк, и через секунду машина тронулась. Барни бросил взгляд в окно. Преследователь появился в конце переулка и поднял револьвер, но к этому моменту такси уже уносило сыщика прочь.

Барни обернулся и посмотрел через заднее стекло. Его враг тоже садился в такси. Барни выигрывал у него метров сто-сто пятьдесят. По крайней мере сейчас ему не нужно бежать. Есть возможность восстановить силы. Пусть отдохнут ноги и легкие.

Машина неслась по пустым, заснеженным улицам. Второе такси не отставало. Барни принялся обдумывать ситуацию, оценивать свои шансы. Такой хвост будет нелегко стряхнуть… Самый худший вариант: если парень до него доберется и заберет программу. Этого надо избежать любыми средствами. Самое важное – это доставить программу Веллману. Барни мог бы сразу отправиться на Бэттери-парк, как он и собирался, садясь в такси…

Или можно укрыться в ближайшем полицейском участке, рассчитывая на помощь прежних коллег.

Но тут у него возникла идея получше. Барни наклонился к водителю:

– Приятель, хочешь заработать пятьсот баксов? Таксист окинул его быстрым взглядом:

– Законно?

– Мне надо кое-что передать. – Барни вынул конверт-кейс. – Сто баксов прямо сейчас, остальное – завтра.

– Куда? – коротко спросил шофер.

– Офис Клюгера и Холлидея. – Барни сказал адрес, но потом передумал: – Лучше постучи в соседнюю дверь. Там должна быть девушка. Скажи ей: это от Барни.

Он передал конверт и стодолларовую купюру.

– И четыреста – завтра, так? – еще раз уточнил водитель.

– Приезжай в офис, – подтвердил Барни, – я с тобой рассчитаюсь.

Таксист кивнул и повторил адрес:

– Считай, он уже там.

Барни снова посмотрел сквозь заднее стекло. Второе такси оказалось всего в пятидесяти метрах. Сыщик почувствовал, как в животе собирается в комок тошнотворный страх.

Они приближались к Вест-Вилладж. Пожалуй, он сейчас выйдет, попробует отцепиться от преследователя в здешних переулках, потом сядет в другое такси и тогда уж решит, куда ехать.

Барни сунул руку в карман и коснулся своего интеркома: не позвонить ли еще раз Холу? Но представил, что снова никто не ответит, и ощутил просто физическое отвращение к этой штуке. Наклонившись вперед, он бросил водителю:

– Высади меня здесь. – В голосе прозвучали напряженные механические нотки.

– Увидимся завтра, приятель, – весело отозвался таксист.

– О чем речь… – Барни на ходу открыл дверцу, выпрыгнул и бросился бежать. Сзади раздался визг тормозов. Барни решил не оглядываться. Свернув за угол, он оказался на тихой, узенькой улице и побежал на свет. Впереди, в двухстах метрах, пролегала Кристофер-стрит. Там он возьмет такси, свяжется с Веллманом и договорится о встрече.

Услышав позади себя какие-то звуки, Барни мельком глянул через плечо и сам себе не поверил: преследователь был всего метрах в двадцати и быстро приближался.

Барни развернулся и вытащил пистолет. Придется драться.

Мужчина замедлил бег, Барни прицелился, но что-то

удержало его от выстрела. Не веря своим глазам, он вглядывался в это лицо. Такого не может быть! Он снова прицелился.

Преследователь сделал еще один шаг и оказался на свету. Там, где раньше было темное лицо афроамериканца, Барни видел знакомые, улыбающиеся черты Эстеллы.

Понимая, что от этого зависит жизнь, Барни все же не мог заставить себя нажать на курок. Маска, электронная маска, говорил он себе. ЛИНкс проник в систему Мантони, узнал его тайну и теперь жестоко ее использует.

Потом сыщику пришло в голову, что у него могут быть галлюцинации.

Барни все смотрел в улыбающееся лицо Эстеллы и думал: неужели оно будет последним, что он увидит в жизни? Что ж, в этом есть логика…

Барни откинулся назад, уперся спиной в стену из мусорных контейнеров и поднял пистолет.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В панике Холлидей ударил по алому диску на тыльной стороне ладони, в тот же миг исчезло видение бешеного серебристого яка на идиллическом фоне Гималайских гор.

Испытать облегчение он не успел. Зрение померкло, Холлидей плавал в ванне с гелем, органы чувств не действовали, но он все же ощутил нестерпимое жжение. Гель вокруг начал кипеть, тело горело словно в огне. Холлидей подскочил и выкатился из ванной. Скрипя зубами от боли, он содрал с себя провода и маску. Липкие от геля ноги скользили на гладком полу, Холлидей с трудом добрался до душевой кабины и с облегчением включил холодную воду. Прохладные струи ударили по обожженной коже, словно волшебный бальзам.

Вдруг из ванны раздался непонятный шум. Холлидей обернулся. Гель продолжал нагреваться. Жидкость достигла точки кипения, на ее поверхности лопались огромные мутные пузыри. Затем варево начало гореть по-настоящему. Холлидей недоуменно смотрел, как мечутся по поверхности ванны языки синеватого пламени, распространяя нестерпимо удушливую, химическую вонь. Раздался треск, на борту ванны возник диагональный разлом. Холлидей шустро нырнул обратно в кабину. Ванна взорвалась, осыпав стенки градом осколков и лепешками расплавленного геля.

Стенка кабины уберегла Холлидея от травм. Он прислонился к прохладным плиткам, а ледяная вода упругими струями била по отзывавшейся болью коже. Холлидей внимательно осмотрел руки. Кожа покраснела и покрылась волдырями ожогов.

Кто-то уже колотил в дверь. Через секунду она распахнулась, на пороге появился охранник в сопровождении все той же девушки и незнакомого мужчины в строгом костюме. Они накинули на Холлидея халат, помогли ему выбраться из кабинки. Девушка вытащила одежду из шкафчика. Потом Холлидея провели через приемную в небольшое помещение офиса. Человек в костюме представился, сказав, что он здешний управляющий.

– Боже мой, сэр, – запричитал он, – уверяю вас, ничего подобного прежде не…

– Может быть, вы позволите мне обсохнуть и одеться, – раздраженно заметил Холлидей.

– Ну, разумеется, разумеется, – пробормотал управляющий и вышел из комнаты. – Попозже мы обсудим вопрос о компенсации…

Холлидей прикрыл дверь поплотнее, вытерся халатом и

быстро оделся, все время задаваясь вопросом, что могло произойти с Джо Косинским. В ВР Джо сгорел, а этот псевдо-як изрубил его в капусту. Но неужели ранения, полученные в виртуальном мире, непременно должны проявиться в реальности? При этой мысли Холлидею стало дурно, а перед глазами непрошено возник образ Джо, неуклюжего, лохматого, в выцветших джинсах и древней футболке.

Холлидей вспомнил адрес укрытия, который дал ему Джо Косинский. Где-то в Верхнем Вест-Сайде, 86-я улица, рядом с Амстердам-авеню. Какой же номер дома?

Выйдя из офиса, он застал в приемной целое столпотворение: охранники, инженеры, персонал, клиенты, которых досрочно извлекли из виртуальных миров. Девушки в красной униформе, в чьих застывших улыбках появился безнадежный оттенок, сновали в толпе, тщетно пытаясь успокоить гостей. Холлидей воспользовался случаем и незаметно выскользнул из бара. В лицо ударил холодный ветер, охлаждая разгоряченную голову.

Сыщик пошел к машине. Начинался снегопад. Лохматые снежинки размером с конфетти кружились в стылом ночном воздухе. Он развернулся на пустой улице и поехал в верхний город. На секунду ему подумалось, что, может быть, стоит сделать крюк, завернуть к Коннелли и взять программу, но потом он решил: программа подождет. Он знает, где ее искать. Теперь, когда Дэн Ривз погиб, ЛИНкс никак не может до нее добраться. Сейчас главное – выяснить, что с Джо Косинским.

По дороге Холлидей пытался понять, как ЛИНкс сумел обнаружить Джо в виртуальной реальности Мантони. Джо утверждал, что система Мантони абсолютно надежна и ЛИНкс никак не может в нее проникнуть. Не может, но проник. В самом образе яка как будто таилась насмешка. И как ужасна была внезапная трансформация в чудовищную, смертоносную машину! В самой ситуации крылась ирония: создание превзошло своего создателя.

Холлидей покрепче ухватился за руль, убеждая себя, что Джо сумел спастись, выпрыгнуть из ванны. Но перед глазами вставали ужасные события в виртуальной реальности… Он понимал, что Веллман и Барни должны были оказаться в том доме. Может, они что-нибудь заметили, обратили внимание, что гель нагревается, и вытащили Джо… Но даже уговаривая себя, Холлидей слышал в груди тихий предательский голосок, убеждавший не предаваться пустым надеждам.

Когда он добрался до Верхнего Вест-Сайда, снег валился уже всерьез. Холлидей сбросил скорость и вытянул шею, вглядываясь в белую мглу. Двигаться теперь приходилось не быстрее

пешехода, и сыщик сквозь зубы ругался от нетерпения.

Через несколько минут он уже поворачивал на Западную 86-ю улицу. Черт возьми, какой же все-таки номер?

В конце концов он нашел дом по серебристому фургону КиберТека. Ральф и еще два техника, нагруженные аппаратурой сверх всякой меры, вывалились из машины и побежали к высокому особняку из красного кирпича. Вид фургона наполнил сердце детектива мрачными предчувствиями. Он приткнул машину к обочине и выскочил на тротуар. Снег сразу налип на брови, впивался острыми зубками в кожу лица. Холлидей догнал Ральфа у самой двери.

– Что случилось, Ральф? Что с Джо?

– Не знаю. Меня срочно вызвали, мистер Холлидей. – Инженер пожал плечами. – Мистер Веллман был очень взволнован.

Холлидей промолчал, физически ощущая наползающий страх за Джо Косинского. Техники поспешно поднимались по лестнице. Холлидей шел следом. Наконец все оказались в комнате, заставленной компьютерным оборудованием, а Холлидей, почуяв резкий химический запах, остановился.

Сзади раздался шум; сыщик обернулся. Из ванной выходил Веллман, правая рука его пряталась под ярко-желтой противоожоговой повязкой. Он был бледен, костюм его в кои-то веки оказался в беспорядке: пиджак расстегнут, галстук съехал набок. Веллман поднял взгляд:

– Слава богу, Холлидей, хоть вы спаслись! Я не знал, что и думать…

– Джо? – спросил детектив сдавленным голосом. Веллман не отвечал, просто смотрел неподвижными глазами, потом покачал головой.

Холлидей не мог произнести ни слова, он изо всех сил стиснул зубы, пытаясь не разрыдаться в голос, затем развернулся и пошел в комнату.

Пол в помещении был липким от вязкой пленки застывшего геля, под ним хрустели осколки. Ванна разлетелась вдребезги. Джо Косинский не сумел выбраться вовремя, и теперь его тело лежало в расплавленном геле, похожем на пригоревшую карамель. Труп выглядел как ссохшаяся, страшно скрюченная мумия; одна рука поднялась и застыла в тщетном порыве к спасению.

Холлидей отвел глаза. Техники исследовали стойки с компьютерами. На полу у двери лежала красная гвоздика, кто-то наступил на нее, вдавив каблуком в ковер.

Сыщик вышел из комнаты и присел на нижнюю сту-реньку

лестницы на третий этаж. Следом появился Веллман и встал рядом, облокотившись о перила.

Холлидей вытер глаза. Черт побери, какая-то влага, должно быть, растаявшая снежинка…

– Как вам удалось выбраться? – спросил Веллман. Сыщик надавил большими пальцами на глаза, оживляя те последние, ужасные мгновения в виртуальной реальности.

– Все произошло так быстро… Этот… это чудовище напало на Джо.

Веллман кивнул.

– Мы видели на экране. Следили. Но ничего не могли сделать. ЛИНкс бросился на вас, а следующее, что мы увидели, – это кипящий гель. Я пытался его освободить… – Он поднял перевязанную руку.

– Когда эта штука справилась с Джо, она принялась за меня, но я ушел с сайта. Гель уже нагревался. Я успел выскочить, и тут он закипел.

– Я боялся, что он и с вами разделался. – Веллман разглядывал ковер, потом все же поднял взгляд. – Как это случилось? – спросил он. – Как он убил Джо? – Веллман в недоумении пожал плечами. – Джо говорил, что ВР Мантони – это замкнутая система. Ее нельзя взломать. Но сам Джо туда забрался. И ЛИНкс – тоже. Как будто он решил наказать Джо за Дэна Ривза.

Холлидей вспомнил: Джо Косинский чувствовал себя виноватым за то, что случилось с Дэном. Сыщик отрицательно мотнул головой.

– Господи! Когда же прекратятся убийства?! Я думал: Дэн Ривз погиб, и на этом все кончилось…

– Убийств больше не будет, Холлидей. Благодаря Джо ЛИНкс теперь долго не протянет.

Холлидей вспомнил о программе.

– Поеду-ка я в бар, заберу ее.

– Барни помчался в бар, как только мы узнали, что ЛИН-ксу известно, где она, – сообщил Веллман.

Холлвдей полез за интеркомом в карман куртки, набрал код Барни и стал ждать. Ответа не было.

– Надо ехать в бар, – сказал он, пытаясь сохранить хладнокровие и не допустить панических нот в голосе.

– Когда найдете Барни, приезжайте в офис КиберТека, я вас там подожду. А пока побуду еще здесь: надо увезти… – Он запнулся. – Добудьте программу, и мы этого стервеца в порошок сотрем. За Джозефа.

Холлвдей вышел. Все еще валил снег, густой и пушистый,

укрывший улицу мягким, сверкающим одеялом. Сыщик объехал квартал и двинулся к Девятой авеню. Включил обогреватель и радио, настроил на классическую музыку. Сегодня ему пришлось видеть столько смертей, что теперь он чувствовал странную отрешенность. Разуму еще только предстояло освоить то, что уже восприняло зрение. Сейчас он ощущал лишь нечеловеческую усталость и головокружение, словно кто-то дал ему мешком по голове.

Вот и Двадцать третья улица, Холлвдей подрулил к Коннелли, ориентируясь на изумрудное свечение трилистника. Снаружи притулилась полицейская машина, Холлвдей заметил ее, но не обратил внимания. “Бенц” Веллмана был припаркован позади машины копов, значит, Барни еще тут. Холлвдей улыбнулся. Без сомнения, старый черт успокаивает нервы парой пива. Он приткнулся позади “Бенца” и поспешил в уютное тепло бара.

У дальнего конца стойки огромный детина-полицейский фиксировал показания бармена. Дрон-эксперт, больше всего похожий на огромную перечницу, витал в воздухе, делая фотографии. В глубине зала кто-то подметал осколки зеркала.

Холлвдей огляделся, отыскивая глазами Барни. В баре было практически пусто – явление весьма необычное для этого времени суток. Барни не было, Холлидей сказал себе, что тот, очевидно, отправился в туалет и через минуту вернется. Полицейский закончил с опросом бармена и направился к дверям. Холлвдей прошел через все помещение к дальней стене и нырнул в туалет. У писсуара Барни не было, кабинки тоже оказались пусты. В желудке у Холлидея возник холодный ком, словно чья-то невидимая рука проникла ему в горло и сдавила внутренности. У выхода он заметил собственное отражение в зеркале. Холлидей остановился и с недоумением уставился на незнакомца с бледным лицом и мертвыми глазами.

Вернувшись в бар, он махнул рукой бармену с серебряными инкрустациями на черепе и уверено заявил:

– Джо Косинский, он оставил у вас пакет для…

И замолчал, увидев странное выражение на лице бармена.

– Парень, ты уже третий, кто явился за этим долбаным пакетом сегодня.

– Третий, – услышал Холлидей свой хриплый голос.

– Сначала пожилой белый мужик. Он приходит и говорит: Джо что-то для него оставил. Ну, я отдал. Он уселся вон там, справа, пива заказал, и все такое…

– А потом явился кто-то еще? – спросил Холлидей, пытаясь понять, кто же это может быть.

– Вот именно. Врывается высокий черный парень и заявляет: мол, Джо кое-что для него оставил. Ну и дела, думаю я и показываю, значит, на того белого и говорю, мол, отнимай вон у него. Только белый мужик как раз смывался через заднюю дверь. – Бармен развел руками. – Ну, конечно, я употребил “отнимай” просто для красоты, так сказать, фигура речи, вовсе не думал, что он начнет палить.

Разбитое стекло, полицейский… Холлидей услышал свой голос:

– Ну и что дальше? – Негнущимися пальцами он умудрился вытащить из кармана идентификационную карточку и показать ее бармену.

– Дальше? Дальше было так: этот парень вынимает свою пукалку и палит, но белый успевает выскочить.

– Значит, не попал?

Бармен энергично затряс головой:

– Думаю, нет. Тут черный бросается за тем белым, а я вызываю полицию.

Холл идей рванулся от стойки.

– Эй, – закричал ему вслед бармен, – что здесь, черт возьми, делается?

– Знать бы, – торопливо отозвался Холлидей и мимо туалета побежал к черному ходу.

Он считал, что напарник прекрасно может постоять за себя, и твердо верил: Барни справится. Конечно, у него есть лишний вес, да и лет ему больше, чем большинству из тех, кто занят подобным бизнесом, но Барни обладает опытом и по-прежнему отлично стреляет. Продираясь через пожарную дверь, Холлидей вдруг понял, что пытается себя убеждать.

Во дворе он на мгновение замер: две цепочки черных следов на белом снегу, убегавшие в темноту переулка, выглядели как восклицательные знаки. Вид такого явственного, графически четкого доказательства имевшей здесь место охоты, которая вполне могла уже закончиться, наполнил его сердце холодным ужасом. Он вытащил интерком и трясущимися пальцами набрал код Барни. Прижав его к уху, он стоял на морозе и желал только одного: услышать голос Барни.

Сигнал звучал и звучал. Раз Барни не отвечает, значит, одно из двух: или он еще бежит и не может отозваться… или перестал бежать…

Холлидей поменял интерком на пистолет и бросился по следам. В одной цепочке отпечатки были широкими, шаг – коротким, во второй, преследующей, наоборот: узкая ступня и невероятно длинный шаг. Казалось, охотник просто летел над

землей.

Холлидей ждал, что в любую секунду увидит Барни.

Пока он бежал по следу, в мозгу вдруг вспыхнул вопрос: кто же, собственно, преследует Барни? И сам себе буркнул, что ответ очевиден, просто он не желает его анализировать. Тот чернокожий посетитель потребовал пакет, который оставил Джо Косинский, а это может означать только одно.

ЛИНкс имеет в своем распоряжении еще одного раба, третье человеческое существо, чей помраченный рассудок обрекает его на роль пешки в игре искусственного разума.

Вслед за цепочкой отпечатков Холлидей повернул еще в один проулок, уже прежнего. В воображении вставали картины возможной схватки, вынужденных остановок, молниеносного обмена выстрелами. Проулок заканчивался деревянной изгородью с прогнившими, сломанными досками. Холлидей увидел следы впившихся пуль, большую дыру, которую, должно быть, проломил Барни. Сыщик нырнул под верхнюю планку и оказался на тихой, неширокой улочке. Справа светились огни магистрали. Следы поворачивали в ту сторону, и у Хол-лидея мелькнула искра надежды. Если Барни сумел выбраться на этот проспект… И тут он увидел кровь.

Капли проплавили узенькие норы в свежем снегу, окрасив кристаллы в светло-розовый цвет. Холлидей смотрел на кровавую дорожку, бегущую по выбеленному переулку. Графическая азбука Морзе сигналила, что кто-то, охотник или дичь, потерпел поражение. Сыщик остановился, вглядываясь в двойную цепочку следов и пытаясь определить, кого же ранили, потом пошел назад, выискивая первые капли. Рассмотрел рисунок следов. Сердце радостно дрогнуло. В точке, где кровь в первый раз ударила в снег, широкий шаг преследователя вдруг укоротился, там, где он упал, осталась вмятина. Значит, Барни не промазал! Может, выиграл достаточно времени, чтобы спастись. Холлидей вновь вернулся к цепочке. Чернокожий парень не отставал, но теперь его шаг стал короче и напряженнее. В первый раз после рассказа бармена Холлидей позволил себе ощутить надежду.

Вот и конец улицы. Справа над освещенным окном мигала неоном желтая размашистая надпись с рекламой такси. Рядом, уже на проспекте, приткнулись три зеленые машины – ждали клиентов.

Холлидей замедлил шаг. По следам Барни он вышел на магистраль, пересек тротуар и оказался у первой свободной машины. Очевидно, Барни воспользовался временем, которое ему подарил меткий выстрел, чтобы нырнуть в такси и убраться подальше. Сейчас он может быть уже дома или в офисе КиберТек

на Бэттери-парк. Холлидей огляделся, рассматривая тротуар. Отыскал следы негра, тянущуюся рядом кровавую цепочку, которая обрывалась там, где у обочины сейчас стояла вторая машина. Значит, преследователь не сдался и, несмотря на ранение, продолжил охоту.

Холлидей снова взялся за интерком и набрал код Барни. И снова никакого ответа! С ума сойти можно! Надежда, которая было проснулась в его душе, обратилась новой волной отчаяния. Сыщик повернулся к диспетчерскому пункту такси. Он наведет там справки, узнает, куда отправился Барни.

Холлидей уже взялся за ручку двери, когда вдруг ожил его интерком.

– Барни?! – закричал он. Секундная тишина, потом голос Барни:

– Хол… – Холлидей сразу понял: случилось что-то неприятное. Голос Барни едва шелестел в трубке.

– Барни! Ты где, черт возьми? Что слу…

– Приезжай и… – Пауза. Слабый вздох. – Забери меня, Хол.

– Барни, подожди! Ты где? Говори, где ты?

– У Чарльз-стрит… – Теперь Барни говорил так тихо, что Холлидей с трудом разбирал слова. – На дорожке. За… за кегельбаном.

– Понял, Барни, понял. Уже еду. Барни… Барни?! Молчание.

Холлидей бросился к выстроившимся такси, нырнул в первую машину, выкрикнул:

– Кегельбан “Империал”, Гудзон-стрит.

Такси целую вечность выруливало от обочины, обогнуло квартал и двинулось на юг.

Холлидей снова принялся вызывать Барни, но ответа не было.

Ведь он почти убежал! Сумел ранить преследователя… Сел в такси! Господи, он же все правильно сделал… Но тот чернокожий последовал за ним. Значит, Барни сделал ошибку? Первую ошибку? Вышел из такси и решил скрыться пешком? Там поблизости есть станция подземки, на Ректор-стрит, возле Бэттери-парк. Если он убедился, что оторвался от преследования, значит, мог подстраховаться и дальше отправиться на метро…

А потом? Неужели неф все время ехал за ним и видел, как Барни вышел из такси, и тогда снова на него напал?

Одна ошибка, думал Холлидей, одна ошибка могла все решить.

Казалось, он едет уже целую вечность. Метель все не прекращалась, видимости – никакой, на дороге гололедица. Наконец с Девятой авеню они свернули на Гудзон-стрит. А через пару минут показался голографический фасад кегельбана

“Империал”. Никакой изобретательности, просто гигантская кегля.

Холлидей стал указывать шоферу дорогу: вокруг здания, потом в узкий переулок. Где-то здесь, совсем неподалеку, Барни ждет помощи… Холлидей во все глаза смотрел в лобовое стекло сквозь мельтешащие в свете фар снежинки.

– Стоп!

Впереди четко обозначилась фигура. Барни сидел, прислонившись к мусорному контейнеру. Ноги вытянуты, руки безвольно висят вдоль тела: ни дать ни взять выброшенный на помойку старый игрушечный медведь!

– Подождите меня здесь, – крикнул Холлидей водителю, выскакивая из машины. Приблизившись к сидящему мешком телу, он воскликнул:

– Боже мой! Господи!

Барни получил в грудь не менее шести пуль. И с близкого расстояния: бронежилет оказался пробит. Он был еще жив и смотрел на Холлидея остановившимся взглядом. На лице играла слабая улыбка. Улыбка, в которой было признание собственного поражения и просьба о прощении.

Холлидей упал на колени, прижал Барни к себе.

– Все о'кей, Барни… Я отвезу тебя в больницу.

– Не… не думал, что я… Хол…

– Все о'кей. Все будет о'кей. – Холлидей тащил Барни на руках, споткнулся, чуть не упал. Тут подоспел таксист и взял Барни за ноги. Они усадили раненого на заднее сиденье, а уже через секунду машина с визгом выруливала на Гудзон-стрит.

Холлидей прижимал Барни к себе. Теперь глаза его были закрыты, дыхание с хрипом вырывалось из легких. Холлидей смотрел на следы пуль в груди Барни. Раны могут быть и не смертельными. Все зависит от калибра. Но если пули проделали на спине большие выходные отверстия, вытащив с собою обрывки внутренних органов…

Да, Барни совсем плох. Но в наше время врачи творят чудеса! Сейчас самое главное – фактор времени. Таксист вовсю искупал свою прежнюю медлительность. Машина неслась по пустынным улицам. Снежные вихри крутились в свете фар. Такси двигалось на север, к больнице Святого Винсента. Холлидей знал, что там очень мощная система скорой помощи, они просто волшебники по части огнестрельных ран. Если кто-то и может спасти Барни…

– Хол… – Не голос, а шелест ветерка.

– Тихо, Барни, тихо. Все будет о'кей.

– Пакет… программа…

Холлидей вспомнил. Программа! Все из-за нее. Господи!

Зачем они только во все это ввязались?! Почему им не хватило здравого смысла бросить это дело?

Откуда они могли знать, убеждал он себя. Каждое новое дело – это еще одна проблема, которую следует разрешить. Как понять, что за углом ждет куча дерьма?

Барни прикрыл глаза и уронил голову на колени Холлидею, и какую-то секунду тот думал, что напарник умер. Потом услышал натужное дыхание и испытал такой подъем, такой приступ радости, что даже сам испугался. Он жив! Еще есть надежда!

Холлидей осмотрел карманы его куртки и брюк. Никакого пакета не было. Холлидей стал думать о программе, которая может стоить его напарнику жизни. Вдруг теперь не удастся уничтожить ЛИНкс? Однако эта мысль сейчас его вовсе не расстроила, не то что раньше. Он больше не отвечает за ЛИНкс. Инженеры в КиберТек смогут разработать новую программу. А Холлидей хотел только одного: чтобы Барни сумел выжить. Это самое важное, и к черту все остальное! Пусть весь мир идет к дьяволу, лишь бы Барни курил свои привычные сигары и пил пиво у Ольги!

Надо бы позвонить в Сент-Винсент, пусть готовятся. Он набрал код и сообщил в службу “Скорой помощи”, что к ним везут копа: ранение в грудь, большая кровопотеря. Холлидей добавил еще имя Барни и его код; когда они доберутся, медики должны уже подготовить кровь его группы и все, что они, черт возьми, в наше время делают.

– Побудь здесь, Барни, – шепнул Холлидей, пока машина въезжала в ворота госпиталя Сент-Винсент и тормозила у подъезда “Скорой помощи”. – Все обойдется, дружище.

Холлидей выпрыгнул раньше, чем машина остановилась. Трое санитаров уже ждали с носилками и тут же подбежали к дверце. Холлидею оставалось только смотреть и ждать. С ловкостью, рожденной долгой практикой, санитары вытащили Барни из салона, уложили на носилки и быстро внесли в здание. Когда Холлидей увидел, как Барни исчезает за стеклянными дверями, в душе его поднялась настоящая волна отчаяния. Потом он вспомнил о таксисте. Тот стоял у машины и смотрел, как мотались туда-сюда стеклянные двери приемного покоя. Холлидей вынул сотенную купюру и сунул ее водителю.

– Сейчас найду… – начал было водитель, но Холлидей оборвал его:

– Оставьте сдачу себе. – И заспешил следом за санитарами.

Барни уже лежал на каталке с подключенными капельницами: кровь, плазма – все как положено. Холлидей шел следом с абсурдным ощущением, что если он будет поблизости,

Барни выживет.

Тут он заметил, что рядом с ним энергично шагает какая-то женщина. Краем сознания он фиксировал, как она жестикулирует и что-то быстро говорит мелодичным высоким голосом. Невысокая женщина восточной внешности – слабая копия Ким, старалась не отстать от каталки; компьютерная панель торчала почти на уровне ее головы.

– Мистер Холлидей, вам следует заполнить все необходимые документы и формуляры.

Впереди них каталка свернула за угол и на мгновение скрылась из виду. Холлидея охватила паника, но за поворотом он успокоился, снова увидев обнадеживающую картину: Барни на каталке, а вокруг него на ходу действуют медики. Наконец процессия оказалась у стеклянных дверей и проследовала вовнутрь, а Холлидея ухватили чьи-то сильные руки.

– Там тебе, приятель, делать нечего, – придержал его крупный чернокожий служитель. – Он – в операционной. Они сделают все, что могут.

Холлидей постарался успокоиться, привести в порядок дыхание. Он кивнул, понимая, что негр прав. Барни оказался в самых надежных руках, это единственное место, где его могут спасти. Но Холлидей чувствовал, что все равно должен оставаться здесь, как будто его присутствие могло непостижимым образом повлиять на возможность чудесного исцеления.

Восточного вида женщина взяла его за локоть и повела к скамье. Холлидей сел и привалился к стене. Женщина опустилась рядом и поставила ему на колени лэптоп.

– Если хотите, я вам помогу.

Вопросы казались бессмысленными, совсем не связанными с сохранением жизни Барни Клюгера. Холлидей заставил себя сосредоточиться, решив, что все эти формальности необходимы, даже если кажутся пустой тратой времени. И он отвечал на вопросы женщины, сообщил полное имя Барни, дату его рождения и сам себе удивился: несмотря на шок, он ничего не путал, дата рождения тотчас всплыла в его памяти – 6 мая 1979 года. Барни – дитя прошлого тысячелетия. Потом женщина спросила, состоит ли Холлидей в родстве с пациентом, и он заколебался.

Надо подумать. Первым импульсом было сказать, что Барни его отец. Потом он решил сказать, что не связан с пациентом родством, но это ни в коей мере не умаляет его тревогу о Барни Клюгере. Ему хотелось объяснить, что Барни для него значит больше, чем любой из родственников, но не нашлось слов, чтобы логично и точно выразить свою мысль. Эта женщина, пожалуй,

решит, что он сходит с ума. А потому он просто покачал головой и выдавил:

– Нет, нет. Не родственник.

– Вы знаете ближайших родственников мистера Клюгера?

И снова он отрицательно покачал головой. Эстелла умерла, детей у них не было, родители Барни скончались давным-давно.

– Раз вы являетесь деловым партнером мистера Клюгера, не подпишете ли вы обязательство оплатить расходы по его лечению, мистер Холлидей?

Он подписал документ на экране' толстым пером, размышляя: неужели они приостановили бы лечение, если бы он отказался?

Женщина что-то говорила.

– Кто-нибудь сообщит вам, как дела у мистера Клюгера. Может быть, кофе?.. – Она указала на автомат и поспешила прочь.

Холлидей внезапно оказался в полном одиночестве в пустом больничном коридоре. Он тупо смотрел на двери операционной, прокручивая в голове прошедшие события и спрашивая себя: в чем они ошиблись, как надо было действовать, чтобы избежать такого конца?

Потом он вспомнил о ЛИНксе. Неужели тот смог отследить его перемещения по городу? Вдруг в этот самый момент он отправляет своего посланца, чтобы прикончить его, Холлидея?

Сначала эта мысль была лишь абстрактной конструкцией, чисто интеллектуальным упражнением, потом она пробилась сквозь охватившую Холлидея апатию, и он осознал, что может действительно находиться в опасности. ЛИНкс знает, кто он такой, угрожал ему в ВР…

Господи, а вдруг ЛИНкс проследил его до госпиталя?!

Он вскочил и с криком вломился в стеклянные двери. Его остановил все тот же санитар, ухватив за плечи огромными черными руками.

– Эй, парень, какого черта…

– Его нельзя подключать к системе жизнеобеспечения! – в отчаянии прокричал Холлидей. – Поймите же! Если ЛИНкс…

– Потише, парень! Ну-ка, уймись! Пойми, садовая голова, если мы его не подключим, живым ему отсюда не выбраться. О'кей?

Здоровяк поднял Холлидея, как мешок, и вынес за дверь.

– Посиди здесь, приятель, и маленько остынь. Мы делаем все, что можем. О'кей?

Он подтолкнул Холлидея к скамье, и тот упал на нее, едва не зарыдав от бессилия, от невозможности объяснить другим страшную альтернативу. Если Барни не подключат к системе жизнеобеспечения, он умрет. А если подключат… Если ЛИНкс

имеет доступ к операционным системам госпиталя…

Он обхватил голову руками и, раскачиваясь в отчаяний, все же пытался понять, насколько реальна опасность.

Без сомнения, ЛИНкс знал, где находится их офис. Тут Холлидей вспомнил о Ким и застыл как статуя. Он же собирался встретиться с нею вечером в мансарде… Холлидей взглянул на часы. Восемь тридцать.

Если ЛИНкс отправил своего посланника не сюда, а в офис, то ведь тот мог столкнуться с Ким…

Холлидей лихорадочно набрал ее код и, ожидая ответа, пытался сообразить, что именно следует ей сказать, когда она ответит. А она все тянула. Двадцать секунд, тридцать… минута… Она ведь должна быть в мансарде и ждать его, Холлидея.

Наконец Ким ответила:

– Хол? Я только что вернулась. Ты где?

От звука ее голоса у него на глазах выступили слезы. Ему хотелось крикнуть ей, что Барни умирает, но он понимал: такие вещи не следует сообщать по интеркому.

– Ким, слушай меня! Немедленно уходи из дому…

– Хол! Что происходит?

– Я все потом объясню, о'кей? Уходи из мансарды и иди в украинский бар на углу. Там и встретимся, но попозже.

– Хол, скажи хоть…

– Делай, что я говорю! – заорал он.

– О'кей, о'кей, Хол. Уже иду.

– Ким, прости, прости меня. Я все объясню при встрече. – И отключился.

И только потом подумал, что ЛИНкс ведь может контролировать связь. Надо снова ей позвонить. Набирая код, он чувствовал, как панический ужас сжимает ему горло, мешая ответить на знакомое:

– Алло?

– Ким, не ходи в тот украинский бар.

– Хол, объясни же, черт возьми, что происходит!

– Ким, слушай меня. Не ходи в украинский бар. Иди в тот ресторан, где мы ужинали позавчера. Не называй его сейчас! Нас могут подслушать. Иди в ресторан и жди меня там.

– Хол, нам что-то грозит?

– Нет. Да. Но если ты сделаешь, как я сказал, все обойдется. Встретимся позже, тогда и объяснимся. Я люблю тебя.

– И я тебя, – тихонько отозвалась Ким, в голосе ее звучал страх и недоумение.

Холлидей плюхнулся на скамью, испытывая невероятное облегчение. Тут ему в голову пришла еще одна мысль.

Интересно, у него развивается паранойя или это просто разумная осторожность?

Если ЛИНкс контролирует звонки, он узнает, что Холлидей изменил план. ЛИНкс воспользуется полицейскими камерами слежения, проследит за Ким от офиса до бистро Сильвио, пошлет своего порабощенного программиста, и тот будет ждать, пока объявится он, Холлидей.

Ему страшно хотелось немедленно броситься в Эль-Баррио, забрать Ким и спрятать ее в надежном месте. Но он понимал, что не сможет оставить Барни.

Казалось, он сидит в этом ненавистном коридоре уже целую вечность. Холлидей понятия не имел, в какое время он приехал в госпиталь. Наверняка к этому моменту уже должны что-нибудь сообщить о состоянии Барни. Холлидей огляделся, у кого бы спросить, но бесконечный коридор был абсолютно пуст.

Когда наконец появилась медсестра, он начал было говорить, точнее, открыл рот, но так и не смог произнести ни звука, чувствуя, что никак не отыщет слова, чтобы сформулировать вопрос. Он всего только хотел спросить: “Он выживет?”, но в подобных обстоятельствах эта фраза, да еще в адрес случайно проходящей сестры, будет выглядеть нелепо и, пожалуй, даже смешно. Больше всего ему хотелось сейчас спрятать голову и зарыдать, он так и сделает, но позже, не здесь.

Стеклянные двери распахнулись, и Холлидей поднял голову. К нему кто-то приближался, сердце замерло, потом застучало с натужной силой. Холлидей знал, что это мгновение он не забудет до конца своих дней.

Высокий седой мужчина сверху вниз смотрел на него.

– Мистер Холлидей?

– Как он? – Ноги вдруг стали как ватные, и он никак не мог собраться с силами и подняться.

– Мистер Холлидей, – еще раз начал врач и присел на скамью рядом с ним. Холлидей отметил про себя, что это должно быть дурным знаком. – Мистеру Клюгеру была сделана серьезная хирургическая операция с целью удаления шести пуль из груди и желудка.

Врач помолчал, но прошло еще несколько секунд, прежде чем Холлидей осознал смысл этих слов. шесть пуль…

– И хотя сама операция прошла успешно, мистер Клю-гер впал в состояние комы и был, соответственно… состояние комы… -…подключен к аппаратуре искусственного поддержания жизнедеятельности, а пятнадцать минут назад наступила клиническая смерть. Мне очень жаль, мистер Холлидей. клиническая смерть…

Холлидей бессмысленно смотрел на стеклянные двери, и когда врач начал сначала, он наконец услышал его слова.

Клиническая смерть.

Ему еще требовались пояснения, может быть, “клиническая смерть” – это всего-навсего медицинский термин, означающий, что пока есть надежда, что неким вмешательством, чудом еще можно спасти жизнь Барни Клюгера.

– Он… Барни?..

– Технически его тело еще живет с помощью аппаратуры искусственного поддержания жизнедеятельности, но в двадцать один час у мистера Клюгера наступила смерть мозга. Очень сожалею, мистер Холлидей.

Холлидей кивнул, не понимая, означает ли кивок то, что он воспринял информацию о смерти своего друга, или это ответ на бессмысленные извинения доктора.

– Можно… можно мне на него посмотреть?

– Поскольку вы являетесь официальным представителем мистера Клюгера, – глядя в сторону, проговорил врач, – нам требуется ваше согласие на отключение аппаратуры. Вам позволяется присутствовать при этой процедуре.

– Вы уверены… вы уверены, что ничего нельзя сделать?

– Мистер Холлидей, поверьте, мы сделали для сохранения жизни мистера Клюгера все, что возможно при нынешнем состоянии хирургической практики и медицинской техники. Больше ничего сделать невозможно. Разумеется, вы можете обсудить данный случай с моими коллегами.

Случай? Холлидею хотелось крикнуть, что жизнь Барни – это нечто большее, чем медицинский случай, но он просто кивнул и сказал:

– Я хочу увидеть Барни.

Следующие пятнадцать минут прошли как в угаре, и позже он смог вспомнить только какие-то смутные образы. Его привели в небольшую комнату, где лежал Барни. Он стал у двери, не сразу решившись войти, как будто ему предстояло ступить на чужую территорию, находиться на которой у него не было никакого права.

Дальше – провал, и вот он уже стоит у постели, где лежит Барни, и смотрит, смотрит… На Барни была синяя госпитальная одежда, из носа и рта торчат какие-то трубки. Было такое впечатление, что Барни просто спит, еще минута – и он очнется и с виноватой улыбкой начнет извиняться, что задремал на работе.

Холлидей помнил, что все время неотступно думал: еще несколько часов назад Барни был жив!

Шесть пуль…

Потом в памяти всплыли лица двух хирургов, но ни слова из того, что они говорили. Сколько Холлидей ни пытался, он так и не смог вспомнить, как согласился с их предложением выключить аппаратуру жизнеобеспечения, но он знал, что был там и держал тяжелую, все еще теплую руку Барни, когда один из инженеров дотронулся до экрана, хирург печально покачал головой, и Барни умер.

Он сделал распоряжения о кремации в четырехдневный срок, поблагодарил хирургов и служащую-китаянку и вьь шел из госпиталя в состоянии ледяного потрясения.

На улице Холлидей взял такси, сумев не забыть, что ЛИНкс может продолжать слежку. Он попросил высадить его на тихой улочке, где, как он знал, не было полицейских камер слежения, и прошел пару кварталов до диспетчерского пункта такси. Там он нанял машину, повалился на заднее сиденье, и пока автомобиль вез его сквозь крутящиеся снежные вихри к бару Сильвио в Эль-Баррио, сидел с закрытыми глазами, стараясь не допустить в голову ни единой мысли.

Выбравшись из такси, Холлидей тихонько постоял в хороводе пушистых крупных снежинок. Он вдруг осознал, что перепачкан кровью, джинсы его задубели, ноги быстро замерзли в студеном воздухе улицы. Осмотрев одежду, он едва сумел различить на темной материи чуть более темное пятно. Надо идти. Холлидей свернул за угол и еще немного помедлил перед входом. Сейчас не время сообщать Ким о том, что случилось с Барни. Он сделает это позже, когда сможет говорить хотя бы чуть-чуть спокойнее, без этой дрожи в голосе. И без слез. Решив так, он сразу понял, что Ким снова его осудит за неумение раскрыться, разделить горе с другим, за стремление спрятать свои чувства от посторонних глаз.

Он постарался придать лицу спокойное выражение и распахнул дверь. Ким сидела за маленьким столиком у дальней стены. В помещении было холодно, и она сунула одну руку между колен, чтобы согреться, а в другой вертела вилку с намотанным на нее спагетти.

Холлидей приблизился, и она подняла глаза, полные страха и недоумения.

– Хол, в чем дело? Что произошло?

В это мгновение Холлидей желал только одного: схватить ее в объятия, зарыться лицом в эту черную душистую массу волос и рассказать, что случилось, что сталось с Барни, все рассказать. Вместо этого он молча присел к столу, протянул руку и сделал большой глоток красного вина из ее стакана.

– Хол?

Холлидей нервно осмотрел помещение, выискивая глазами камеры слежения. Даже если они и есть в этом ресторане, разве ЛИНкс непременно сможет связаться с ними?

Он взял в ладони руку Ким, и ее тепло немного его успокоило.

– Сейчас я не могу говорить. В одном из наших дел возникли осложнения… и меня теперь кое-кто ищет. Не беспокойся, скоро все уладится. Верь мне, о'кей?

Она чуть заметно кивнула, плотно сжав губу в тонкую алую полосу. Не спросила даже, какая опасность грозит лично ей, и Холлидей еще сильнее ощутил, как сильно ее любит.

– Куда мы пойдем, Хол? Он на секунду задумался.

– В какой-нибудь отель на Манхэттене. Нужно затаиться. Скоро все кончится, и мы… – Что-то в ее лице заставило его замолчать. – Ты что?

– В каком деле сложности, Хол? – негромко спросила она, не сводя с него темных глаз.

Он смущенно пожал плечами.

– Это не важно.

– Хол, – повторила Ким, – если это тот случай со злыми духами, я никогда тебя не прощу.

Холлидей отрицательно замотал головой.

– Что ты! Это совсем не то.

– Ты сейчас врешь мне, Хол. Учти, я тебя брошу. Честное слово, брошу.

Он по-прежнему держал ее за руку и, заглянув в широко распахнутые китайские глаза, понял, она и в самом деле говорит правду. Она действительно может его оставить. Оста* вить, несмотря на все, что их связывает, несмотря на многие месяцы близости.

Интересно, что бы сказала его сестра? Что для мужчин и женщин близость означает разные вещи. У мужчин превалирует физическое начало, у женщин – эмоциональное. Кто знает, может, она и права.

– Господи, я совсем забыла, – вскрикнула Ким, отняла у Холлидея руку и сунула ее во внутренний карман своей стеганой куртки. – Это доставили к нам в мансарду.

Холлидей смотрел, как она вынимает тонкий серебристый конверт, сердце его глухо стучало. Он молча его взял, перевернул. На кодовом замке поблескивала цепочка цифр.

Переведя взгляд на Ким, он так же молча ждал объяснений.

– Его принес шофер такси, – начала он. – Сказал, что это от Барни. Он постучал к нам в дверь и оставил его.

Дрожащими пальцами Холлидей набрал на замке код,

вытряхнул на ладонь две крошечные компьютерные иглы.

– Что это, Хол? – с беспокойством спросила Ким. – И где Барни?

При виде этих иголок Холлидей почти потерял над собой контроль. Барни знал, что его преследуют, попросил шофера доставить пакет, а сам вышел из машины и двинулся пешком. Практически пожертвовал собой ради этих иголок. Холлидей почувствовал, как ему сдавило горло, глаза горели от слез.

– Что это, Хол? – повторила Ким.

– Это нам нужно для дела, – ответил он, не сумев придумать ничего лучшего.

– Почему Барни послал их тебе? Почему не принес сам? – продолжала настаивать она.

– Потому что… Барни был занят. Занят, понимаешь, – выдавил он, презирая себя за ложь.

Значит, он должен отправиться в офис КиберТек на Бэт-тери-парк. По дороге он завезет Ким в отель.

– Пойдем. Надо спешить.

Она подняла стакан и допила вино, вытягивая шею, как ребенок, потом вынула пятидесятидолларовую купюру и оставила ее на столе. Холлидей взял ее за руку, и они поспешили из бистро на шумную, запруженную толпами людей улицу, над которой летели визгливые крики разносчиков. Оказавшись на заснеженном тротуаре, Холлидей снова ощутил беспокойство, как будто они очутились на вражеской территории.

За углом тянулась цепочка такси. Они сели в машину. Холлидей сжимал в кармане злополучный конверт. Если программа будет работать и Сеть избавится от ЛИНкса и если они смогут выследить человека, порабощенного искусственным разумом, то мир снова станет относительно безопасным местом. Вот только надолго ли? Пока у следующего ИИ не поедет крыша…

В Чайнатауне Холлидей велел остановиться на тихой улочке, попросил шофера подождать и поспешно отвел Ким в небольшой отель за углом. “Плаза” оказалась заведением средней руки недалеко от Центр-стрит. Они остановились у дверей, Холлидей сунул руку в карман, вытащив пригоршню банкнот и впихнул их в руки Ким.

– Я – быстро. Пара часов – и все. Только никуда не выходи, о'кей?

– О'кей, Хол, – невесело улыбнулась Ким, грустя, что снова остается одна. – Я придумаю, чем заняться.

Он притянул ее к себе.

– До встречи! – И Холлидей бегом бросился к машине,

приказав везти себя через весь город на Бэттери-парк.

Вдруг ожил его интерком, напомнив о себе вибрацией. Звонил Веллман.

– Холлидей, где, черт возьми, вас носит? Мы ждем уже столько времени. Я всю ночь пытаюсь связаться с Клюгером.

– Это надежная линия? – спросил сыщик.

– Не беспокойтесь. Мои специалисты с ней поработали,

– Программа у меня, – коротко сообщил Холлидей. – Я буду у вас через пять минут.

– Слава богу, – облегченно вздохнул Веллман. – Чудесно. Увидимся.

Холлидей чувствовал, скоро наступит реакция, упадок. Очистка Сети от злого духа, искусственного интеллекта, ответственного за столько смертей, окажется нудным процессом наблюдения за работой технических специалистов, которые уткнутся в экраны. Будет долгое, скучное ожидание, пока эти современные маги объявят, что чары рассеялись и дракон побежден.

Он думал, что успешное завершение этого дела, когда бы оно ни наступило, уже не за горами. Думал о Барни. Клиническая смерть, сказали врачи. Думал, что невозможно представить будущую работу агентства без Барни.

Через минуту машина затормозила у громадного черного монолита знакомого здания. Холлидей расплатился с водителем и в лифте поднялся на сороковой этаж. Его проверила охрана, и вот он уже входит в офис компании. Веллман в сопровождении Ральфа и других специалистов кинулся ему навстречу через все огромное рабочее помещение.

Холлидей передал конверт, Веллман высыпал кристаллы на ладонь, потом отдал Ральфу. Глава компании успел сменить галстук, застегнул жилет и вообще выглядел почти прежним щеголем, картину портила только ожоговая повязка на правой руке и тоскливая пустота в глазах.

Инженеры двинулись к компьютерам и огромному экрану на дальней стене комнаты.

Веллман в упор рассматривал сыщика.

– Вы ужасно выглядите, Холлидей. Чем вызвана задержка? Холлидей открыл было рот, но не смог выдавить из себя ни слова, чтобы описать случившееся. Казалось, если он скажет кому-нибудь, что Барни умер, то сделает необратимым то, что до сей поры было лишь абстракцией. Если он все расскажет Веллману, то смерть станет реальностью, и он окажется лицом к лицу с необходимостью жить дальше без человека, который столько лет был его единственным другом. Однако эта смерть имела значение

и для Веллмана, и для КиберТек. Барни погиб, его убил один из рабов ЛИН-кса, Веллман имеет право об этом знать.

– Холлидей, с вами все в порядке? Сыщик в ответ только мотнул головой.

– Когда я прибыл к Коннелли, Барни там уже не было. Он, как и планировал, уже забрал программу.

– Холлидей, что произошло?

– Пока Барни был еще в баре, туда кое-кто пришел и тоже спросил про пакет.

Веллман на секунду прикрыл глаза, осознавая сказанное.

– Господи боже мой…

– Это, очевидно, еще один из контролируемых ЛИНксом программистов. Я помню, вы говорили, Ривз был последним.

– Я и сам так считал. Видимо, есть еще один. У конкурентов.

Холлидей мрачно покачал головой.

– Барни удалось уйти. Он взял такси, потом вышел из него. Тот парень отправился следом за ним и… – Перед глазами возникла страшная картина: умирающий Барни беспомощно лежит у мусорных контейнеров.

Веллман с заботливостью, которой Холлидей не мог я нем и предположить, взял его за плечи и усадил во вращакк щееся кресло.

– Что произошло с Барни? – присев рядом, спросил Веллман.

Холлидей попробовал взять себя в руки, справиться с рвущимися наружу рыданиями.

– Парень стрелял в него, шесть раз, в грудь. Я успел еще доставить Барни в Сент-Винсент. – Холлидей замолчал. Горло перехватило, страшные слова никак не хотели выходить наружу. Наконец он все же выговорил:

– Врачи объявили, что в девять часов наступила клиническая смерть.

Помогая себе одной рукой, Веллман осторожно сел на пол. Из нагрудного кармана пиджака он вытащил изящный платок и вытер выступивший на лбу пот.

Они молчали целую вечность, да и о чем тут было гово^ рить…

Наконец Веллман поднял взгляд.

– Как вам удалось получить программу? – спросил он.

Холлидей объяснил, что Барни попросил шофера доставить программу к ним в офис.

– Он наверняка знал, что его преследуют, – задумчиво проговорил Холлидей. – И вот на случай, если не удастся спастись…

– Мы до него доберемся, – мрачно пообещал Веллман. –

Программа Джозефа выследит этого засранца и уничтожит его.

– И тогда останется только человек-инструмент, раб ЛИНкса, – закончил за него Холлидей. – Надо будет его найти.

– Он окажется изолированным, – объяснил Веллман. – ЛИНкс не сможет снова загрузиться в Сеть, программа выследит его и убьет. ЛИНкс будет заперт в порабощенном им человеке, найти его – только вопрос времени.

Холлидей прикрыл глаза. Завершение этого дела казалось линией горизонта, которая никогда не приближалась, как бы быстро ты ни двигался.

– Мистер Веллман, – позвал от экрана один из инженеров. – Мы готовы, можно начинать первичное внедрение.

Холлидей вяло поднялся и из последних сил поплелся за Веллманом к полудюжине инженеров, которые столпились вокруг панели управления, связанной с экраном на дальней стене офиса. Рядом на столике он увидел кофейник, налил себе чашку и прихватил с собой к экрану.

– Операция осуществляется в две стадии, – пояснял тем временем Ральф. – По сути, первая стадия – это обычная поисковая программа, а вторая – очень умный вирус, инициирующий разрушение. Он закодирован, так что ЛИНкс не обнаружит его, пока не станет слишком поздно.

– Но если ЛИНкс фрагментирован в Сети… – начал было Веллман.

В ответ Ральф энергично затряс головой:

– Это не имеет значения. Джо учел такую возможность. Вирус способен расщепляться и все же оставаться эффективным. – Он о чем-то переговорил с другим инженером, потом продолжил:

– Сейчас мы начнем разворачивать первую стадию. – Ральф указал на экран: – Мы увидим, когда будут выявлены все многочисленные составляющие ЛИНкса.

Он кивнул инженеру, и тот вставил иглообразный кристалл в порт.

Холлидей сделал глоток кофе и заметил, как дрожат руки.

– Сколько это займет времени? – спросил Веллман.

– Если все будет хорошо, то несколько минут, – отозвался Ральф, -г- А программа разрушения действует еще быстрее.

Холлидей не сводил глаз со стенного экрана. На трехмерной картине крошечные военные танки входили в невероятно сложный лабиринт – такую графику выбрал Джо для наблюдения за поиском. В нижней части экрана находилась шкала, по которой двигалась синяя полоса, демонстрирующая проценты выполнения.

Время от времени танки останавливались и начинали мигать

красным цветом. Рядом с танком появлялось изображение скорпиона – значок, которым Джо обозначил искусственный интеллект по имени ЛИНкс.

Индикатор шкалы достиг уже тридцати процентов и продолжал расти. Холлидей не отрываясь следил за событиями. Через минуту синяя полоса добралась почти до восьмидесяти процентов. Веллман бросил на Холлидея напряженный взгляд, успокаивающе кивнул.

Казалось, на последние двадцать процентов потребуется целая вечность. Синяя полоса росла теперь чуть заметно, по миллиметру. На экране большинство танков уже мигало красным цветом. Остальные продвигались с величайшей осторожностью.

Девяносто процентов… девяносто пять…

– Может ЛИНкс нанести ответный удар? – спросил Холлидей.

Ральф оторвал взгляд от экрана и рассеянно пробормотал:

– Мы узнаем это, когда запустим наш умный вирус. Я практически уверен, ЛИНкс не сдастся без боя. Вопрос только в том, как он будет защищаться.

Синяя полоса заняла все сто процентов. В лабиринте теперь все танки мигали красным. Все структуры ЛИНкса были успешно выявлены.

Холлидей грустно улыбнулся:

– Как это похоже на Джо – разработать вирус-убийцу на базе детской компьютерной игры.

– Господи, как бы мне хотелось, – отозвался Веллман, – чтобы он увидел ее в действии.

Ральф взял в руки второй кристалл, взглянул на Веллма-на, потом на остальных:

– Ну что, мы готовы, джентльмены? – спросил он и вставил кристалл в порт.

Холлидей ожидал, что танки просто начнут палить по изображениям скорпионов, представляющих ЛИНкс, а те будут взрываться по мере того, как компоненты искусственного интеллекта изживались из Сети.

Однако атака оказалась значительно более наглядной.

Секунду экран оставался темным, и Холлидею показалось, что возникли какие-то неполадки. Он оглянулся на инженеров, но, не увидев на лицах тревоги, успокоился.

Потом экран взорвался калейдоскопом полыхающих цветов, на Холлидея лавиной обрушилась череда образов. Некоторые удерживались на экране две-три секунды, другие лишь на мгновение загорались цветной вспышкой. Холлидей щурился, чтобы разглядеть детали. Вот короткая серия ярких взрывов, ослепительных и скоротечных, потом несколько секунд покоя.

Холлидей видел, что по зеленому лугу движется танк, совсем как на сайте в виртуальной реальности. Танк вовсю палит по отступающему скорпиону, а тот время от времени оборачивается, безуспешно пытаясь достать противника ядовитым хвостом.

Картина исчезла, сменившись другой. В течение трех секунд на экране бушевала настоящая блицбаталия. Глаза Ходлидея уже привыкли мгновенно различать образы танков и скорпионов, он умудрялся охватить взглядом сразу несколько эпизодов боя. Кругом были танки, ползущие по различного вида ландшафтам. Танки вели непрерывный огонь, скорпионы отступали.

В нижней части экрана другая синяя полоса показывала, как таяла шкала с процентами, но только совсем не так быстро, как прежняя. Битва все разгоралась, ЛИНкс не собирался сдаваться без боя. Минуты бежали, энергичное наступление мельтешащих фигурок замедлилось. Холлидей видел, что уничтожается все больше компонентов ЛИНкса и теперь графика просто уделяет внимание отдельным эпизодам сражения.

Синяя полоса выросла уже до девяноста пяти процентов. Холлидей смотрел, как на фоне причудливого кораллового лабиринта один из танков расправляется с закованным в металлические доспехи скорпионом. Поле зрения переместилось, теперь Холлидей видел другой танк, на сей раз стрелявший в своего врага среди пейзажа, сложенного из математических уравнений.

Веллман схватил его за руку и указал на синюю полосу. Вот указатель дополз до девяноста девяти процентов и двинулся дальше. Холлидею казалось, что теперь синяя полоса занимает все сто процентов шкалы.

На экране сейчас оставалась только одна сцена: последняя битва между программой Джо Косинского и сотворенг ным им монстром.

События демонстрировались с позиции танка, как будто камера располагалась за спиной у водителя. Танкист взмахнул рукой, словно при кавалерийской атаке, и танк рванулся вперед, сквозь вихри красноватого песка этого пустынного ландшафта. По курсу то и дело мелькал скорпион, удирающий по череде бесконечных дюн. Танк прибавил ходу, время от времени испуская залп при виде скорпиона.

Наконец дюны сошли на нет, превратившись в широкую и плоскую равнину. Холлидей убеждал себя, что все это – лишь визуальное отображение событий, имеющих место в Сети, битвы двух пакетов информации, где-то там, в таинственном далеке. Но мозг не вмещал подобную мысль. Сражение, проходящее у него на глазах, было куда более реальным.

Танк выполз из-за последней дюны и двинулся к скорпиону. Тот развернулся к противнику, сверкая серебристыми щитками и угрожающе занеся хвост. Танк дал залп и промахнулся, и тут скорпион ответил. Холлидей видел, как изогнувшийся аркой хвост испустил рубиновый луч лазера, луч ударил в танк и отбросил его назад. Танк ответил канонадой, одно из ядер угодило в скорпиона, и в воздух взлетели серебристые чешуйки панциря. Скорпион снова выстрелил, не попал, танк рванулся вперед для последнего удара. Скорпион, ЛИНкс, лежал на брюхе в пурпурном песке пустыни. Искалеченный хвост бессильно распростерся на земле, несколько сохранившихся ног отчаянно скребли землю.

Командир подался вперед к смотровой щели, взмахнул рукой, и ядра градом разнесли скорпиона в сверкающую на солнце пыль.

Синяя полоса в нижней части экрана сменилась бегущей строкой: Миссия завершена! Миссия завершена! Миссия завершена! Снова и снова.

Потом танкист обернулся, посмотрел с экрана и снял защитные очки. Победно подняв руку, им улыбался Джо Косинский.

Экран погас, в воздухе повисло странное ощущение незаконченности, но Ральф вдруг радостно завопил и бросился обнимать стоящего рядом инженера, тогда подключился и Веллман. Он шел от одного специалиста к другому, пожимал протянутые руки, бормотал поздравления.

Холлидей отошел к окну и стал смотреть в темноту. Странное волнение сдавило грудь. Освещенные улицы ночного Манхэттена громадными спицами убегали вдаль, как разноцветные следы трассирующих пуль. Перед глазами вновь возникло лицо Джо, его победная детская улыбка. Да он и был ребенком.

Кто-то подошел и тронул его за плечо. Веллман.

– Мы почти победили, Холлидей. Сыщик кивнул и поднял глаза.

– Да, теперь это только вопрос времени. Осталось отыскать раба, – отозвался он. – Но скольких он еще успеет убить, прежде чем удастся его схватить?

– Можно начать с установления личности этого человека, – предложил Веллман. – Это не служащий КиберТек. Имплантаты были только у Найджерии и Ривза. Это кто-то из других кибер-индустриальных концернов.

– Каких? Тайдманн? Мантони? Веллман ответил ему твердым взглядом.

– Как мог ЛИНкс попасть в ВР Мантони, Холлидей? Джозеф утверждал, что это закрытая, безопасная система.

– Он явился в систему Мантони, чтобы убить Джо, значит, он имел доступ в мозг кого-то из служащих Мантони, кому тоже произвели имплантацию. – Холлидей замолчал. Что-то шевельнулось в его памяти, но он сказал себе, что Барни ведь убил мужчина. Что за стереотипное мышление, черт возьми! Разумеется, убийца Барни воспользовался маской!

– Холлидей, – окликнул его Веллман. – Что с вами?

В этот момент Холлидей вспомнил встречу с работником фирмы Мантони, имеющим наноцеребральный интерфейс.

– Думаю, что я знаю, кто этот человек, – сообщил он потрясенному Веллману. – Это женщина. Женщина по имени Киа Йохансен.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Весь день, превозмогая растущее отчаяние, Анна искала свою возлюбленную.

Проснувшись утром, она увидела, что Киа по-прежнему нет. Квартира без нее казалась клеткой, из которой навсегда упорхнула птица. Этот образ не оставлял ее все время, покуда она металась по их общим излюбленным уголкам города. Может, потому Киа и ушла. Ее жизнь с Анной, их отношения стали слишком тягостными, обязывающими. У нее начала развиваться клаустрофобия. Очевидно, образ клетки возник не напрасно, Киа чувствовала себя в плену и решила вырваться на свободу. Вот она и ушла. Прекрасная, экзотическая птица расправила крылья и улетела.

Выразительная метафора, девушка, говорила себе Анна, но, видно, так оно и есть. В последнее время все у них было хорошо, никаких причин для такого ухода. Как это на нее не похоже! Молчать, скрывать свои тревоги. Раньше они обсуждали любую мелочь. Анна знала свою возлюбленную не хуже, чем себя самое.

Все началось позавчера, в ВР-лаборатории у Мантони. С самого инцидента в резервуаре Киа стала задумчивой и мрачной. Говорила, что работает над техническим вопросом, но прежде служебные проблемы никогда не влияли на их отношения.

Днем, пока Анна совершала патрульный обход баров и кафе в Гринвич-Вилладж, ей в голову пришла тревожная мысль. А вдруг что-то произошло с нейроимплантатом Киа? Вдруг это подействовало на ее разум? Может, туда проник какой-нибудь вирус и вмешивается в процесс мышления? Ведь очевидно, что уже пару дней Киа ведет себя совсем несвойственным ей образом… Анна пыталась засунуть эту мысль на задворки сознания, но она настойчиво возвращалась и возвращалась.

Весь день, а потом и вечер, когда угроза снегопада обернулась реальностью и метель закружила по улицам, Анна вытаскивала пустые билеты во всех барах и кафе, куда заглядывала. Она навестила общих друзей в окрестностях, позвонила тем, кто оставил город и обосновался в штате. Никто Киа не видел. В ответах друзей Анна начала ощущать нечто вроде сочувствия: всем им довелось перенести нечто подобное, и они вполне ее понимали. Они тоже теряли возлюбленных и познали горечь поисков сбежавшей подруги.

Анне хотелось объяснить, что здесь другое, что Киа больна, ей нужна помощь, медицинская, психиатрическая, даже техническая, черт возьми! Но она ничего не сказала, просто

выдержала все улыбки и утешения и продолжила поиски.

Потом ей повезло. Она заглянула в Сохо, к Вэл, там частенько встречались альтернативные женщины. Расспросы привели к одной из сестер, та видела, как Киа входила днем в КомСтор на Бродвее. Если Анна поспешит, то может успеть туда до девяти, когда там закрывают.

Она взяла такси, добралась до КомСтора, почти вбежала туда, ожидая, что Киа сидит, подключившись к одному из терминалов. Внутри было пусто, заведение закрывалось, только трое клиентов напряженно смотрели в экраны. Разочарование оказалось таким сильным, что Анна ощутила его как физическую боль.

Она вернулась в Ист-Вилладж, зашла в бар, заказала пиво и села в одиночестве у окна. Если ей удастся отыскать Киа и помочь ей, все снова станет хорошо. Если она, Анна, вернет любимую женщину, то никогда больше не станет рисковать своим счастьем, отдавая все силы романам, которые не желают продаваться.

Неужели она слишком много времени уделяла работе? Ведь частенько бывало, что, когда Киа возвращалась домой, Анна была занята своей книгой и времени поговорить не оставалось. Если Киа вернется, говорила себе Анна, все будет иначе. Она будет меньше писать, больше времени уделять подруге.

А может, и вообще пора закончить с романами? Рукопись, над которой она сейчас работает, ничем не лучше других, отвергнутых издательствами за эти восемь лет. С чего это она взяла, что эта, в отличие от девяти предыдущих, завоюет наконец одобрение редактора?

От пива настроение сделалось еще более мрачным. Если она отступит сейчас, то никогда не добьется успеха. Она просто станет писать днем, когда Киа на работе, а вечера оставит для подруги. Анна быстро допила пиво и отправилась домой.

Открыла дверь подъезда, поднялась по лестнице, медленно открыла дверь, сознавая, что все время тешилась слабой надеждой вернуться и обнаружить, что Киа, полная раскаяния и сожаления, уже здесь. Но, входя в холл и слушая, как гулко колотится сердце, Анна поняла, что это самообман. В квартире витал дух пустоты и отчаяния.

Она прошла по комнатам, надеясь обнаружить какой-нибудь признак, что Киа была здесь во время ее отлучки. Потом вернулась в гостиную, прихватив бутылку вина, проверила e-mail. Может, Киа все-таки решила связаться с ней…

В почте ждало лишь одно сообщение, от Фелисити. Съемки прошли отлично, сможет ли она днем заглянуть в студию? Завтра последний съемочный день, потом вечеринка* Анна ответила, что работает над книгой и приехать не сможет. Потом рухнула на

диван и сделала большой глоток вина.

Через минуту стенной экран издал музыкальный сигнал вызова. Ее сердце едва не выскочило из груди.

– Экран на прием!

Экран засветился, но появилась не Киа, а приятная блондинка на фоне огромного офиса. Откуда бы она ни говорила, ясно, что это не Нью-Йорк: солнце вливалось широким потоком в окна у нее за спиной.

– Хэлло, Анна. Анна Эллисчайлд? Анна поджала ноги.

– Привет.

– Я – Элизабет Макензи, редактор “Ту Ворлд Пресс”, в Сиэтле.

Анна мигнула. В это самое “Ту Ворлд Пресс” пять месяцев назад она отправила по электронной почте один из своих романов и ждала обычного отказа. Сейчас она смогла лишь тихонько кивнуть, не смея ни на что надеяться.

– Я пыталась связаться с вашим агентом, – продолжала женщина, – но до нее никак не доберешься. Надеюсь, вы не возражаете, что я обратилась непосредственно к вам?

– Нет… Вовсе не возражаю.

Макензи показала толстую стопку гранок:

– У нас здесь, в “Ту Ворлд”, всем очень понравилось “До Персефоны”. Счастлива, что могу сделать вам предложение о покупке прав на публикацию в Америке.

Анна воспринимала слова, но не могла в них поверить.

– Я… извините… Макензи улыбнулась.

– Боюсь, что мы можем предложить только десять тысяч долларов плюс семь с половиной процентов потиражных, но знаете, мы – развивающееся, перспективное издательство, у нас печатаются известные авторы. – Она помолчала. – Мы гордимся качеством своей литературной продукции. “До Персефоны” будет ценным дополнением наших планов. Вы что-нибудь еще писали, Анна?

Она открыла рот, чтобы ответить, но слова отказывались материализовываться. К тому же из глаз вдруг покатились слезы. Она кивнула.

– Еще восемь или девять романов. Это… это первое предложение.

– Прекрасно. Я бы с удовольствием прочитала эти вещи. Может быть, вы сумеете прилететь сюда через недельку-другую?

– Замечательно. С радостью.

– А пока я через день-два отправлю контракт вашему агенту. С нетерпением буду ждать личной встречи.

– Да, да… Спасибо.

Элизабет Макензи улыбнулась и прервала связь. Целых пять

минут Анна сидела не двигаясь и тупо уставившись на экран. Наконец она проговорила:

– Экран, повторить последнее сообщение.

Экран засветился. Элизабет Макензи снова ей улыбалась. Сейчас она казалась не просто привлекательной, а неотразимо прекрасной!

– Хэлло, Анна. Анна Эллисчайлд?

Она прослушала все с начала до конца, а потом повторила еще раз. Теперь ей хотелось, чтобы у нее не был такой удивленный голос, чтобы она не выглядела как оробевшая школьница, которую директриса хвалит за конкурсное сочинение.

Столько лет она мечтала об этой минуте, была уверена, что будет прыгать и скакать от счастья, но сейчас испытывала только спокойное удовлетворение, с горечью ощущая, что ей чего-то не хватает. Если бы Киа была рядом и разделила с ней эту радость!

Экран снова издал мелодичное треньканье. Анна села, не смея надеяться, что на сей раз это будет ее возлюбленная.

– Экран на прием!

Экран осветился. Анна разочарованно заморгала. Ей улыбалась хорошенькая девушка-китаянка. Анна напрягла память, уверенная, что она наверняка запомнила бы человека такой необычной внешности.

– Здравствуйте.

– Хэлло, Анна? Анна… – Девушка читала имя на визитной карточке. – Эллисчайлд?

– Да, это я. Чем могу помочь?

– Вы меня не знаете. Извините, что звоню так поздно, но я тут неподалеку, и вот подумала, может быть, вы согласитесь уделить мне время?

В смущении Анна отрицательно покачала головой:

– Извините… Мы с вами встречались?

– Нет, меня зовут Ким Лонг. Я живу с вашим братом, Холом.

– А… Понимаю. – Она внимательнее вгляделась в лицо китаянки. – У него все в порядке?

Ким улыбнулась.

– Да, да. Все прекрасно. Он так много работает. Вы знаете? Все время на работе.

– Чем я могу вам помочь, Ким?

– Я хотела встретиться с вами, чтобы обговорить сюрприз для Хола. Знаете, на следующей неделе ему исполнится тридцать пять. Вот я и подумала, хорошо бы устроить вечеринку, с сюрпризом, пригласить друзей, может, устроить небольшой обед…

– Ну что ж. Неплохо. Я считаю, это прекрасная мысль.

– А может, вы придумаете что-нибудь поинтереснее? Нельзя ли мне зайти к вам поговорить?

Анна засомневалась. Первым импульсом было – отказать, провести вечер в одиночестве, предаваясь жалости к себе. Но тут заметила, что уже кивает:

– Да, да, разумеется. Я только что получила хорошее известие. С вами и отпразднуем, вы будете первой. У вас есть адрес?

Ким Лонг показала карточку:

– Здесь написано. Буду у вас через пять минут, о'кей? Экран погас. Анна пожала плечами: почему бы и нет?

Скорее всего в ближайший час она узнает о брате больше, чем если бы проговорила целую неделю с ним самим.

Через несколько минут зазвонил дверной колокольчик, и Анна провела Ким в гостиную. В жизни Ким оказалась еще миниатюрнее и изящнее, чем на экране.

– Ах, – восхитилась Ким, проходя в гостиную, – чудесная комната, очень красиво. Сильный ток положительного цы, вы чувствуете, Анна?

Анна в недоумении уставилась на миниатюрную девушку: – Цы?

– Положительная энергия. – Она обвела рукой комнату. – Все вещи расставлены правильно. Диван, письменный стол… Вы здесь работаете?

Анна кивнула:

– Да, тут я пишу.

– Компьютер у западной стены, – глубокомысленно заметила Ким. – Думаю, вам сопутствует успех. Это счастливая комната.

Анна улыбнулась.

– Сегодня вечером я узнала, что мне удалось продать свою первую книгу. Можно предложить вам стакан вина?

– Да, спасибо. – Ким улыбнулась. – Вы писательница? Неужели правда пишете книги?

Анна снова кивнула, сама себе не веря.

– Настоящая писательница, – подтвердила она, разливая вино в два бокала, потом спросила:

– Ким, вы можете, глядя на эту комнату, сказать, буду ли я счастлива в любви?

Сложив губы бантиком, Ким внимательно огляделась.

– В юго-западном углу надо добавить света, сверху. – Она указала на потолок. – А в юго-западном углу спальни поставьте фигурку утки, о'кей?

Анна улыбнулась:

– Можно попробовать, Ким. Спасибо.

Она передала Ким бокал с вином, и они сели рядышком на диван. Анна подобрала под себя ноги и сидела, любуясь смуглым совершенством почти детского лица девушки.

– Как давно вы знаете брата?

– Десять месяцев. Мы познакомились в одной из моих точек питания. Я смотрела на него несколько недель, но он ни разу не заметил, как я им интересуюсь. Вы же понимаете, каковы мужчины. Они видят только то, что под носом. Вот мне и пришлось бегать за ним, чтобы он наконец заметил.

Анна покачала головой:

– Это на него похоже. Вы счастливы с Холом?

– Я счастлива с ним и всегда ему это говорю, но он почти никогда не говорит мне, что любит меня, если только я сама его не заставлю. – Она вздохнула, выражая смирение. – Вы же знаете этих мужчин, – продолжала Ким. – Вы замужем, Анна?

– Э… Нет. Не замужем.

– И нет друга? Анна улыбнулась.

– Сейчас нет. Видите ли… – Она помедлила, не зная, как сформулировать мысль. – Разве Хол никогда обо мне не рассказывал?

– Хол никогда ничего не рассказывает о своей жизни. Иногда мне кажется, его память просто ветром сдуло. – Ким приподняла бокал. – Поздравляю с первой книгой, Анна!

– Боже мой, спасибо. – Она совсем уже собралась рассказать Ким, что у нее никогда не было друга-мужчины, но тут снова зазвонил дверной колокольчик. Анна подскочила, едва не пролив вино.

– Простите, я сейчас буду. – И бросилась через холл к двери. Боже, пусть это будет Киа…

Дверь распахнулась.

Киа привалилась к косяку и смотрела куда-то мимо Анны.

– Господи, ты и не представляешь, как я беспокоилась… – Анна замолчала. Рука Киа безвольно висела вдоль тела, рукав промок от крови.

– Киа… Что… – Она бросилась к подруге, раскрыв объятия. Анна знала, что должна чувствовать себя преданной, должна сердиться, но единственное, что она сейчас действительно ощущала, – это страх и неимоверное облегчение.

Анна хотела притянуть Киа к себе, но та сопротивлялась. Оттолкнув Анну, она посмотрела на нее ледяным взглядом.

– Киа, дай я тебе помогу. Что происходит? У тебя рука… Киа, не обращая внимания на подругу, прошла в холл, потом в гостиную.

Анна поплелась следом, чувствуя, как на глазах закипают

слезы.

Увидев Киа, Ким Лонг нервно вскочила. Контраст между миниатюрной китаянкой и высоченной чернокожей афро-американкой поражал воображение.

– Киа, познакомься, это Ким, – начала было Анна, но Киа проигнорировала и эти слова. Не взглянув на Ким, она прошла через комнату.

Потерянная и беспомощная Анна смотрела, как Киа с трудом уселась во вращающееся кресло перед компьютером. Из внутреннего кармана вязаного жакета она что-то достала – толстый провод со штекером. Один конец Киа вставила в компьютер, второй – в гнездо с правой стороны своего черепа.

Анне хотелось закричать, предупредить Киа, что она губит свое здоровье. Она бросила быстрый взгляд на Ким, та с удивлением наблюдала за этими странными манипуляциями.

– Может… – начала Ким. – Думаю, мне сейчас лучше уйти.

Анна сама поразилась своей реакции:

– Нет, ну пожалуйста. Прошу вас, останьтесь. – Она не понимала, зачем ей понадобилось общество этой девушки в такой момент, ведь не боится же она Киа? Но потом, решив быть честной до конца, Анна задумалась: почему, черт возьми, она так напугана?

Киа, вставив штекер в наноцеребральный интерфейс у себя в голове, теперь была подключена к компьютеру. Ее длинные пальцы метались по клавиатуре, на экране, строчка за строчкой, бежали непонятные формулы.

Вдруг терминал испустил жуткий свист, тоскливый механический вопль, и Киа обмякла в своем кресле, длинные ноги вытянулись и замерли. Глаза ее закатились, остались одни белки. Из широко открытого рта вырвался протяжный стон.

Уголком глаза Анна видела, как Ким, не сводя глаз с чернокожей женщины, одним глотком допила вино. Механическим жестом Киа вырвала шнур из гнезда на черепе и взглянула на Анну с такой бешеной злобой, что у той от страха подкосились ноги.

– Что случи… – запинаясь, начала она.

– Они меня почти убили! – заорала Киа. – Мои части, части целого! Они все мертвы! Я в изоляции! Не могу вернуться! Ты что, не понимаешь, я в тюрьме! – Она стала дико озираться, переводя бешеный взгляд с Анны на Ким и обратно.

Анна схватилась за голову, пытаясь проникнуть в смысл ее слов.

Взгляд Киа снова вернулся к Ким, в нем вспыхнул странный огонь, нечто похожее на узнавание.

– Кто это? – резко спросила она.

Анна пыталась ответить, голос предательски дрогнул: оказывается, она плачет.

– Киа, это Ким, мой брат… – Она не успела закончить предложение.

С поразительной скоростью Киа выпрыгнула из кресла, сделала гигантский скачок и, прежде чем Анна успела ее остановить, прыгнула на Ким и схватила девушку за горло. Правой, увечной рукой она умудрилась достать что-то из кармана жакета и приставить этот предмет к виску Ким.

Анна смотрела на оружие, нечто вроде серебристого пистолета, и пыталась сохранить хладнокровие.

Сделав шаг вперед, она вытянула руку, как будто хотела успокоить напуганное животное.

– Киа, пожалуйста… – начала Анна дрожащим голосом. Киа дернула девушку и подняла ее над полом. Ким застонала, руки и ноги ее повисли, как у тряпичной куклы. Киа плотнее сжала пальцы.

– Ну-ка тихо! – бросила она Анне. – Если не будешь слушать меня и повиноваться, я убью девчонку.

– Киа, пожалуйста, я хочу тебе помочь! – Говоря это, Анна хотела убедить себя, что эта женщина – Киа, но все же это была не Киа. Звук ее голоса был почти так же ужасен, как и сами действия. Она говорила со странной напряженностью, так непохожей на обычную легкую скороговорку Киа.

Ким смотрела на Анну огромными умоляющими глазами. Железный захват Киа на ее горле не позволял вымолвить ни слова, но по щекам красноречиво катились крупные серебряные слезинки.

– Мы вместе пойдем к машине, – деревянным голосом объявила Киа. – Если ты будешь мне мешать, вы обе умрете. Теперь иди через холл прямо к машине.

По пути из квартиры Анна в страшном смятении пыталась понять, что же случилось с женщиной, которую она любила. Зимняя ночь дохнула на нее ледяным ветром, Анна сама не понимала, дрожит ли она от ужаса или от холода. Спотыкаясь, она добралась наконец до “кадиллака”.

Киа отперла дверцу, швырнула Ким на пассажирское сиденье, перебралась через скрючившуюся девушку и села за руль. Какая-то доля сознания Анны рвалась бежать, скорее бежать, но другая часть души понимала, что нельзя бросать на произвол судьбы ни возлюбленную, ни эту девушку-китаянку. Но тут Киа шевельнулась на водительском сиденье и подняла оружие. В тишине Анна услышала сдавленные всхлипывания захваченной

девушки.

– Быстро на заднее сиденье, – приказала Киа. Анна открыла дверь и залезла в машину.

Киа включила двигатель и вывела “кадиллак” на дорогу. Она рулила поврежденной рукой, здоровой направляя пистолет в согнутую спину Ким.

– Куда ты нас везешь? – прошептала Анна.

– Не твое дело, – бросила Киа. – Ничего с вами не сделается, если будете меня слушать. На заднем сиденье рядом с тобой лежит интерком. Возьми его и набери этот код.

Машина бешено летела по пустынным заснеженным улицам. Дрожащими пальцами Анна подняла интерком и выполнила требование похитительницы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Скрестив ноги, Холлидей сидел у огромного, во всю стену, окна и смотрел на цепочки огней Нью-Йорка. У самого лица, словно священный сосуд, он держал дымящуюся чашку кофе, бог знает которую за эту ночь.

Весь последний час, пока Веллман со своими специалистами проводил тесты в Сети, чтобы убедиться в полной победе над ЛИНксом, сыщик одним только кофеином спасался от того, чтобы не упасть и не заснуть прямо на месте. Время от времени к нему подходил Веллман, спрашивал, все ли о'кей, Холлидей только молча кивал в ответ.

Он помнил, что скоро надо будет вернуться в отель, к Ким, попытаться заснуть, а потом, проснувшись, найти слова, чтобы рассказать ей о смерти Барни. Он страшился сна, и не только из-за кошмаров, которые может навеять сон, но и потому, что утром начнется его жизнь без Барни, вся оставшаяся жизнь. Как будто сейчас Холлидей обитал в некоем лимбе, жил странным промежуточным полубытием, где события прошедших часов могли оказаться всего-навсего галлюцинацией.

Вдруг интерком подал признаки жизни, завибрировав у ребер. Холлидей вынул его и прижал к уху. Это простое действие напомнило ему, что прежде большую часть звонков ой получал от Барни. Теперь каждый раз, включая интерком^ он будет вспоминать об этом с болью и отчаянием.

В динамике зазвучал тихий голос:

– Ход?

– Алло! Кто это?

– Хол, это Анна.

Анна? Холлидей прикрыл глаза, заставляя включиться память. Сюзанна… его сестра. Теперь она называет себя Анной.

– Анна, что случилось?

– Хол, ты можешь поговорить с Веллманом?

Он плотнее сжал веки, чтобы сосредоточиться. Черт подери, зачем Анна хочет, чтобы он поговорил с Веллманом, что у них общего?

– Да. Да, разумеется. Он здесь. Что?..

– Он может меня сейчас слышать? – Голос звучал нервно и напряженно.

– Анна, что происходит? Зачем это тебе?

– Позови Веллмана, – коротко отозвалась она.

Холлидей опустил интерком, в сердце, как просыпающаяся змея, нарастал страх. Он обернулся к инженерам, столпившимся у

стенного экрана. Веллман посмотрел на Холли-дея, тот махнул ему рукой, чтобы подошел.

– В чем дело? – приблизившись, спросил Веллман. Холлидей мотнул головой.

– Я не знаю. Вас просит моя сестра. – Он поднес интерком к уху. – Анна, Веллман тут. Сейчас он будет говорить. Чего ты хочешь?

Молчание, потом голос Анны:

– Я сейчас с Киа, мы движемся на север… – Холлидей в недоумении смотрел на свой интерком, а голос продолжал повторять: – С Киа, движемся на север.

Веллман выхватил интерком:

– Алло, алло! Кто говорит?

– Веллман. Я – Анна, сестра Хола. Мы с Киа. Она говорит, что, если вы будете выполнять ее указания, она не причинит нам вреда.

Трясущейся рукой Холлидей перехватил кисть Веллмана и поднес интерком к губам:

– Анна, кто еще с тобой?

Снова молчание, потом слабый шепот:

– Ким…

Волна неверия захлестнула его мозг, словно начинающееся церебральное кровотечение. То, что Киа, точнее ЛИНкс, сумела захватить Анну, само по себе достаточно невероятно, но чтобы и Ким оказалась похищенной… это… это просто невозможно!

– Анна, объясни, что происходит?

Веллман поднял интерком и спокойно проговорил:

– Анна, каких действий от нас требует Киа? Холлидей услышал, как звук мотора стал тише. Снова заговорила Анна:

– Мы едем к главному офису КиберТек в Вестчестере. Киа хочет, чтобы вы тоже туда приехали, вы и Хол. Больше никто. Она говорит… она говорит, что, если с вами будет кто-нибудь еще, она нас убьет. – Голос дрогнул, очевидно, Анна пыталась унять рыдания.

– О'кей, о'кей, – быстро ответил Веллман. – Мы сделаем, как она требует. Скажите Киа, что мы приедем и встретимся с ней. – Он помолчал. – Анна, спросите Киа, чего она хочет, чем мы может вам помочь?

Холлидей слышал, как сестра передает вопрос, услышал как кто-то быстро отвечает. Анна нервно забормотала:

– Она… она говорит, вы убили множество ее составляющих. Говорит, вы должны заплатить. Я не понимаю. В чем дело?..

Слышится отдаленный окрик. Киа приказывает ей заткнуться.

Веллман произносит с нарочитым спокойствием:

– Передайте Киа, что мы встретимся в главном офисе. Мы обсудим все ее требования. Мы будем там через… – он взглянул на часы, – примерно через час.

– И никого не берите с собой, – в панике прокричала Анна. – Она говорит, что убьет нас, если вы приедете не одни.

– Мы приедем одни, Анна, успокойтесь. Скажите ей, что посторонних не будет.

Холлидей потянул интерком к себе:

– Анна, ты о'кей? А Ким?..

– Мы обе… – И тут связь прервалась.

– Господи боже мой, – прошептал Холлидей. – Как это могло случиться?

– Теперь уже не имеет значения, как это произошло. Произошло. И продолжает происходить. Нам надо понять, чего потребует ЛИНкс, и подготовить ответ.

– Анна говорит, он хочет, чтобы мы заплатили, Веллман. Он знает, что мы выжили его из Сети. Он хочет нашей смерти.

– Его точные слова сводились к тому, что мы должны заплатить. Это не обязательно означает заплатить своими жизнями. – Веллман сплел пальцы на столе и подался вперед. – У вас есть оружие?

Холлидей распахнул куртку:

– У меня есть автоматический пистолет и фриз.

– Нельзя забывать, что нам противостоит уже не прежний ЛИНкс, – задумчиво начал Веллман. – В черепном интерфейсе женщины содержится лишь малая доля его. Это – лишь бледная тень былого ЛИНкса. Неограниченные ресурсы: Сеть, интеркомы, камеры слежения, любая потребная информация… все это ему теперь недоступно. Строго говоря, ЛИНкс сейчас – это просто свихнувшийся разум в невинном теле. Никакой особой власти у него нет.

– У него есть Ким и Анна, – мрачно процедил Холлидей. – Ему и не нужна особая власть. Один наш неверный шаг… – Холлидей сдержался, стараясь не зацикливаться на этой мысли.

– Я имею в виду, что мы можем его одолеть, физически. Это единственное, что нам остается, чтобы спасти Анну и Ким.

Холлидей кое-что вспомнил: кровь в переулке.

– Киа ранена. Барни попал в нее во время погони.

– Интересно, рана тяжелая? – задумался Веллман. Холлидей отрицательно покачал головой.

– Как будем действовать? Пойдем без подмоги? Может ли ЛИНкс узнать, что мы подстраховались?

– Существует вероятность, что он сумеет подсоединить себя к камерам слежения в КиберТек, как только доберется туда.

– Полагаю, энергопитание отключено?

– Отключено. Но недолго и включить.

– Значит, если он сумеет подключиться к камерам наблюдения, нам лучше сделать, как он требует, и пойти одним.

Размышляя, Веллман ненадолго прикрыл глаза.

– Можете вы вызвать полицейскую машину? Пусть следуют за нами и встретят нас раньше, чем мы доберемся до офиса. Если мы поймем, что ЛИНкс не подключился к внутренней системе контроля, значит, сможем явиться туда с подкреплением.

– Я свяжусь с отделом Джеффа Симмонса, объясню ситуацию.

Холлидей взял интерком и следующие пять минут пытался убедить дежурного офицера в отделе Джеффа соединить его с Джеффом Симмонсом дома. Целую вечность офицер сопротивлялся, наконец все же согласился. Холлидей торопливо объяснил положение Джеффу. Полицейский внимательно его выслушал, время от времени задавая вопросы.

– Это дело непростое, – говорил Холлидей. – Мы не будем знать, как нам действовать, пока не доберемся туда.

– Я могу задействовать группу дронов и специалистов по заложникам. Мы будем ждать на безопасном расстоянии, пока вы с нами не свяжитесь, о'кей?

– Ну все. Я позвоню.

Холлидей сунул в карман интерком и кивнул Веллману:

– Я договорился.

– С тобой все в порядке, Хол?

Холлидей улыбнулся: Веллман впервые назвал его по имени.

– Я устал как собака и мерзко себя чувствую, Веллман, однако я хочу, чтобы Ким и Анна выбрались из всего этого живыми. Я хочу разделаться с… со штукой, которая убила Барни. Ты правильно сказал, сейчас против нас не тот ЛИНкс, только его часть. Мы справимся, Веллман.

Замкнуть круг, думал он, замкнуть круг, отомстить за смерть Барни, не во имя его памяти, для себя…

– Ты готов? – спросил Веллман. – В подвальном гараже ждет машина.

В лифте Холлидей привалился к стенке, облицованной искусственными деревянными панелями, проверил пистолет, баллон с фризом. Потом поднял глаза на спутника.

– Послушай, – внезапно спросил Холлидей, – у тебя есть имя?

Веллман улыбнулся:

– Зови меня просто Веллман, о'кей?

Они вышли из лифта и направились в гараж. Веллман сел за руль и вывел машину по наклонному пандусу из гаража в уснувший под снежным одеялом город. Они ехали на север к

Пятой авеню. Холлидей откинулся на сиденье и смотрел, как мимо проносятся знакомые здания, чужие и безразличные, скрывающие в своих недрах людей, жизни которых никогда не пересекутся с его собственной и которым неведомо, в каком кошмаре пребывают сейчас Анна и Ким. На Холлидея снова накатило отчаяние, разум отказывался верить, что Нью-Йорку безразлична смерть Барни. Ему пришло в голову, что после смерти мы – только сумма воспоминаний, живущих в сердцах людей, которые, в свою очередь, тоже уйдут, и вскоре память обо всех ныне живущих развеется, а значит, в конечном счете от индивидуума не остается ничего вечного. Важно только то, что мы думаем об ушедших и как относимся к живым.

А в настоящий момент важно обеспечить безопасность трех ни в чем не повинных женщин, и не важно, на что для этого придется пойти.

Они проехали Манхэттен и оказались на 87-м шоссе. Вокруг была ночь. Наконец Холлидей прервал молчание:

– Он может потребовать одного – наши жизни, – мрачно заметил он.

– Анна сказала, что ему нужно, чтобы мы заплатили, – возразил Веллман. – В конце концов, мы несем ответственность за уничтожение ЛИНкса в Сети.

– Может, мы смогли бы, – слабо улыбнувшись, начал Холлидей. Поразмыслив, он пришел к выводу, что идея скорее всего несостоятельна. – Не знаю, может, мы сумеем найти какой-нибудь компромисс?

Веллман бросил на него быстрый взгляд:

– Что ты имеешь в виду?

– Надо полагать, что ЛИНкс, как и любой из нас, хочет жить. Он уже попробовал жизни и не желает ее лишиться. Если нам удастся захватить Киа живой или если она умрет… тогда все, что осталось от ЛИНкса, тоже погибнет. Таким образом… мы можем предложить ему жизнь. В обмен на освобождение Ким, Анны и Киа мы позволим ему загрузиться в компьютер. – Холлидей говорил таким тоном, как будто речь шла о том, чтобы поместить в аквариум крупную хищную рыбу.

Веллман с сомнением покачал головой.

– Я уже думал об этом. Мы можем сделать предложение, обещать, что сохраним ему жизнь, будем со своей стороны соблюдать условия договора. Но ведь он знает людей и их обычаи, Хол. Он имел с нами дело, а потому в курсе, как мы лжем^и выкручиваемся, чтобы добиться желаемого. Он понимает, что, стремясь избежать повторения случившегося, мы, вероятнее всего, выключим компьютер, как только ЛИНкс окажется в

заключении. – Веллман крепче сжал руль и засмеялся: – И если хочешь знать, мы бы так и сделали!

Холлидей молча смотрел в темноту за окном. Город остался позади, сейчас они неслись по разоренному, отравленному краю. Там, за тонкими стенками теплого кокона автомобиля, мир казался холодным, погруженным в смертный сон.

– Почему КиберТек, Веллман? – спросил он. – Я имею в виду, почему он решил сюда вернуться?

Веллман не отрываясь смотрел в ветровое стекло, на лице его застыло непонятное выражение. Помолчав, он сказал:

– Возможно, я приписываю антропоцентрические мотивы существу, абсолютно чуждому всему человеческому, существу, которое мы никогда не сумеем понять, но КиберТек – место, где ЛИНкс появился на свет, так сказать, родился. Может, он понимает, что сегодня ему предстоит погибнуть, и желает умереть там, где родился.

– Как животное, которое забивается в свой угол… – задумчиво протянул Холл идей. – Кто знает, может быть, в нем от животного больше, чем от человека? Смотри, например, как он убивает, чтобы чего-нибудь добиться или когда считает, что оказался в опасности…

Веллман снова взглянул на собеседника.

– Прости мне личное замечание, Хол, но для стороннего наблюдателя твое отношение к людям представляется весьма идилличным, ты смотришь на них словно через розовые очки. – Веллман улыбнулся. – Люди ведь тоже убивают, желая заполучить то, что им нужно, убивают, когда им угрожает опасность. Сначала все рассчитают, а потом убьют. ЛИНкс делает то же самое. Нет, на мой взгляд, у ЛИНкса больше сходства с генами его создателей, чем у любого представителя животного царства.

– Но человеческие существа способны к сочувствию и состраданию, – возразил Холлидей.

Веллман засмеялся:

– А вдруг ЛИНкс тоже способен? Тогда можно доказать, что так называемые высокие чувства имеют в своей основе чистую механику.

Холлидей прикрыл глаза. Ему вспомнилось время, когда сестра насмехалась над его интеллектом, а он чувствовал себя смущенно и униженно, сомневался в себе и в своем месте в этом мире. Этот страх жил в нем и по сей день. Он как будто полагал, что где-то там, далеко, неизвестно где, существует абсолютная истина, но у него недостает интеллекта, чтобы воспринять ее, а потому его существование является в каком-то смысле ущербным и малоценным.

Ему вспомнилась Анна, их последняя встреча, происшедшая в ней перемена: сестра стала как будто человечнее, в ней проявилась способность к сочувствию и пониманию. С возрастом начинаешь понимать, что любые доводы рассудка отступают перед чувствами. Эту фразу Холлидей как-то слышал от Барни.

Завибрировал интерком.

– Хол слушает.

– Хол, – раздался голос Джеффа Симмонса. – Мы примерно в десяти милях к югу от главного офиса КиберТека. Как обстановка?

– Мы… – Он взглянул на Веллмана, тот поднял три пальца. – Мы в трех милях. Но пока не попадем туда, не узнаем, можно ли приближаться. Если я не выйду на связь, сидите тихо. Если смогу, позвоню.

– Со мной машина “скорой помощи”.

– Хорошая мысль.

– Хол, я переговорил с начальником отряда дронов. Он уверяет, что дроны могут незаметно проникнуть в здание КиберТека. Тогда мы будем получать аудиоинформацию, будем знать, как у вас дела. Один из дронов способен быстро разоружить Киа Йохансен, ты и мигнуть не успеешь.

– Не безопаснее ли продолжать игру? – с сомнением в голосе спросил Холлидей. – Думаю, лучше сначала добраться до места и оценить ситуацию. Если мы решим, что дроны смогут проникнуть в здание, не создавая опасности для заложников, я вам сообщу.

– Ну хорошо. До связи, Хол.

Холлидей сунул в карман интерком и снова впился взглядом в ветровое стекло. Они уже свернули с федеральной трассы и теперь подъезжали к прибрежному шоссе, на котором стоял офис КиберТек. По обе стороны, словно сгоревшие спички, торчали мертвые деревья; этот кошмарный, апокалиптический пейзаж тянулся уже много километров.

Холлидей ломал голову: как получилось, что Ким влипла в эту историю? Очевидно, ЛИНкс получил информацию о ее связи с ним, Холлидеем, но как сумела Киа Йохансен ее похитить? Может, ЛИНкс проследил, как он высаживал Ким возле отеля в Чайнатауне, и успел проинструктировать порабощенную Киа раньше, чем началось сражение в Сети? Да, это единственное объяснение. Холлидей не видел, что бы он мог сделать для предотвращения этого похищения, разве что все время возить ее с собой… Или же вообще не заниматься этим делом, как и советовала мудрая Ким.

Они свернули на прибрежное шоссе, Холлидей почувствовал, как страх сдавил ему горло: там, за сплошным стеклянным

фасадом здания, смерть угрожает двум самым дорогим для него существам. Он горько улыбнулся: еще две недели назад он ни за что не подумал бы о сестре таким образом.

Веллман притормозил, потом совсем остановился на склоне дороги, которая, извиваясь, спускалась к главному офису КиберТек. В призрачном свете звезд Холлидей различил широко раскинувшееся, невысокое здание. На стоянке, скорее брошенный, чем припаркованный, стоял изрядно побитый “бьюик”. Веллман увел машину с дороги и вылез. Холлидей тоже покинул пассажирское сиденье и присоединился к Велл-ману, рассматривая темное молчащее здание.

– Позвони ЛИНксу, – распорядился Веллман. Холлидей вытащил интерком. Пальцы сильно дрожали.

Очевидно, не только от холода. Он набрал команду. Заверещал сигнал вызова.

– Холлидей? – отозвался голос Киа, но не обычный, насмешливый, живой, выразительный, а высушенный, лишенный эмоций и красок голос зомби. Холлидей задумался: если Киа выберется живой из этой переделки, сохранит ли она воспоминания о событиях, происшедших в период ее порабощения?

– Говорит Холл идей. Мы у здания. Что теперь?

– Вы одни?

Холлидей закрыл микрофон и взглянул на Веллмана.

– Он что, нас не видит или просто подстраховывается?

– Я спрашиваю: вы одни?

– Да, да. Мы одни. Как ты и требовал.

– Если вы лжете… Помните, со мной Анна и Ким. Если я увижу, что вы обманули меня, я убью их, хотя мне и не хочется отнимать жизни.

– Попробуй рассказать это Барни и другим, – начал было Холлидей.

– Они должны были умереть, Холлидей, чтобы обеспечить мне выживание.

– Ты убивал невинных людей, – с мрачной решимостью заявил Холлидей. – Ты, кем бы ты ни был, просто хладнокровный убийца, без совести и сострадания, ты не имеешь права на жизнь!

– Я прибегаю к энергичным мерам, только когда угрожают моему праву на жизнь, Холлидей.

– И что теперь? – перебил сыщик. – Чего ты от нас требуешь?

– Входите через главный вход. Вы увидите, где мы вошли. Потом пройдите в исследовательский центр.

– А потом? Что произойдет, когда мы туда явимся? Ты освободишь Анну и Ким?

– Я оценю ситуацию, тогда и посмотрим.

– Да, еще кое-что, – выкрикнул Холлидей, чувствуя, что ЛИНкс собирается прервать связь. – Откуда нам знать, что Ким и Анна еще… еще живы? Насколько нам известно, ты мог их уже…

– Они живы, Холлидей. Слушайте! Мгновение тишины, потом:

– Ход! – голос Анны. – Мы о'кей. Пожалуйста, делайте, как она говорит. – После безжизненных реплик ЛИНкса голос сестры наполнил Холлидея новой надеждой.

– А Ким?

– Ким тоже о'кей. Она… она не может говорить. Киа… Киа ее держит.

– Достаточно! Холлидей, входите быстрее и сразу – в исследовательский центр.

Связь прервалась.

Холлидей прикрыл глаза. Киа держит Ким! Заложница среди заложников. Если Анна совершит ложный шаг, пострадает Ким.

Веллман положил руку ему на плечо.

– Хол, что нам делать? Я думаю, у него нет возможности наблюдать за наружной обстановкой. Следует рискнуть и запустить дронов в здание.

В тишине ночи стук собственного сердца показался Холлидею просто оглушительным.

– Если их обнаружат, ЛИНкс убьет Ким и Анну.

– Но ведь это наша единственная надежда. Джефф должен запустить дронов и нейтрализовать Киа.

– О'кей, о'кей… Но сколько нам удастся протянуть, пока Джефф будет сюда добираться? ЛИНкс может что-нибудь заподозрить.

– Свяжись с ним. Узнаем, где он сейчас. На вот, звони по моему интеркому. Вдруг ЛИНкс решит с тобой еще раз связаться.

Холлидей взял интерком и вызвал Джеффа:

– Это Хол, Джефф. Мы рядом с офисом. Думаем, ЛИНкс не может видеть, что происходит снаружи.

– Хотите, чтобы дроны проникли в здание?

– Вы сейчас где?

– Метров за триста от вас, сзади. – Холлидей оглянулся, но не заметил никаких признаков Симмонса и дронов. – Я уже пять минут слежу за вами в инфракрасный бинокль, – сообщил Симмонс. – Никак не мог понять, чем вы занимаетесь.

– Мы разговаривали с ЛИНксом. Он приказывает нам войти внутрь.

Секундное молчание, потом полицейский сказал:

– Знаешь что, Хол, я возьму с собой кого-нибудь и сейчас

подойду, надо снабдить вас акустической аппаратурой. Тогда мы сможем услышать все, что происходит. Вы в бронежилетах?

– Я – да, а Веллман – нет.

– Я прихвачу, – сказал Симмонс. – А пока мои люди и дроны оцепят здание.

– Мы считаем, что Киа и заложницы находятся в исследовательском центре. Она нам велела идти именно туда.

– Хорошо. У нас есть архитектурный план помещения, Я буду через тридцать секунд.

Холлидей отключил интерком и передал его Веллману. Руки его дрожали, дыхание вырывалось натужными спазмами. Если ЛИНкс все же имеет возможность контролировать звонки, Ким и Анна могут сейчас умереть.

Сыщик обернулся и посмотрел на дорогу. Никаких признаков Симмонса и его людей.

Тут ожил интерком Холл идея.

– Холлидей, Веллман, вы где? – зазвучал в тишине глубокий, но как будто иссохший голос Киа.

Веллман потянул интерком к себе:

– Холлидей в темноте поскользнулся и подвернул ногу. Подожди минуту. Мы уже идем.

Холлидей придвинулся к микрофону:

– Ким и Анна, они…

Связь отключилась раньше, чем он получил подтверждение.

Из-за мертвых деревьев у дороги, словно призраки, неслышно материализовались две фигуры. Вид Джеффа Симмонса в светопоглощающем камуфляжном костюме вернул Холлидею уверенность.

С дерева в жуткой тишине слетела дюжина дронов. Разглядеть их в темноте было почти невозможно, новейшие программы камуфляжа регулировали раскраску корпусов этих машин. Они парили, покачиваясь, у самого края дороги. Теперь Холлидей заметил и третьего полицейского, который ползком двигался по траве. Он слегка мотнул головой, и дроны бесшумно устремились к зданию КиберТек. Оператор, прячась под защитой деревьев, следовал за ними.

Симмонс ухватил Холлидея за плечо,

– Я знаю про Барни, – прошептал он и сжал руку, выражая сочувствие и решимость. – Мы справимся, Хол.

Второй полицейский передал Веллману тонкий бронежилет.

– Надо надеть его под пиджак, – объяснил Симмонс. – Жесткие полимеры. Они задерживают пулю, но не при выстреле в упор. Однако при порезах они не так эффективны.

Второй полицейский пристраивал провода и наушники к

голове Веллмана, потом перешел к Холлидею, прицепил микрофон под лацкан куртки, а крохотный приемник упрятал в ухо.

– Вокруг здания размещены десять дронов, – сообщил Симмонс. – Еще два отправятся внутрь. Когда Киа Йохан-сен попадет в их поле зрения, вы услышите специальный сигнал. Дроны снабжены мощным транквилизатором, он действует мгновенно. Если по какой-либо причине у Йо-хансен будет время среагировать… Вот почему, Хол, ты должен быть там. Если транквилизатор не сработает, действуй. Сигнал будет такой. – Симмонс махнул рукой напарнику, тот коснулся рукой чего-то у себя на груди.

В ухе у Холлидея раздался резкий механический голос:

– Цель установлена.

– А вот сигнал, что через три секунды дрон начнет стрелять… – продолжал Симмонс. – Огонь: три, два, один, ноль.

Холлидей кивнул:

– Ясно. – Четверо мужчин в молчании переглянулись, и Холлидей спросил: – Так чего мы ждем?

Джефф Симмонс быстро пожал ему руку и вместе с напарником исчез в подлеске.

Холлидей и Веллман двинулись по дороге. Сыщик вынул баллон с фризом и спрятал у себя в рукаве, пристроив так, чтобы можно было немедленно пустить его в дело. Они пересекли парковочную площадку и ступили на асфальтовую дорожку к зданию. Холлидей невольно вспомнил, чт‹ только четыре дня назад он впервые приехал сюда поговорить с Джо Косинским.

Они приблизились к стеклянным дверям вестибюля, н” тут Веллман вдруг остановился, молча глядя прямо перед собой. Холлидей тоже пригляделся и понял, что привлекло его внимание. В двери был вырезан ровный чистый овал, стекло из него сейчас лежало на ковре в вестибюле.

– Господи, – чуть слышно пробормотал Холлидей. – У этого засранца по-прежнему есть лазерный резак.

Они обменялись быстрыми взглядами, затем Холлидей нырнул в этот импровизированный вход и остановился, вглядываясь в темноту. Через секунду Веллман уже стоял рядом с ним.

– Сюда, – показал он.

Они прошли сквозь весь вестибюль, потом через двери попали в длинный коридор. В темноте шли медленно, Веллман держал Холлидея за плечо, указывая дорогу.

– Далеко еще до исследовательского центра? – почему-то шепотом спросил Холлидей.

– Около… пятидесяти метров прямо, потом направо. Там довольно сложная система коридоров, так что можно потянуть время.

Снова ожил интерком Холлидея:

– Почему вы задерживаетесь, Холлидей?

– Мы уже идем. Мы в здании. Но сейчас ведь не день, здесь не очень-то светло. – И он прервал связь раньше, чем ЛИНкс успел возразить.

Веллман дернул его за рукав:

– Сюда, – прошептал он.

Они повернули направо, прошли через дверь. Теперь они были в самом сердце здания, в полной темноте. Черт возьми, как же они найдут ЛИНкса в таких условиях?! Потом они еще раз повернули, и он заметил узкую полоску белого света, очевидно, под дверью. Веллман придержал его за рукав.

– Это здесь, – негромко сказал он.

Холлидей поднял воротник куртки и чуть слышно прошептал в микрофон:

– Мы пришли, Джефф. Где дроны?

В ухе раздался голос Джеффа Симмонса:

– Мы как раз ими занимаемся, Холл. Они ухе почти на месте. Дай мне три-четыре минуты.

Холлидей еще, раз соединился с ЛИНксом:

– Мы идем. В темноте перепутали поворот, К тому же из-за щиколотки мы не можем быстро двигаться.

– Ну-ну, – отозвался ЛИНкс, – слабость пюти, понимаю. Мое сердце, если бы оно у меня было, обливалось бы кровью от сочувствия.

Холлидей старался тянуть время:

– Зачем нам являться к тебе, как жертвам на заклание, если твое единственное намерение – убить нас, и все?

Киа издала смешок, начисто лишенный веселости:

– Убить вас? Никто и не говорил об убийстве, Холлидей. Я не нуждаюсь в мести.

– Но ты же сказал, что собираешься заставить нас платить… – заметил Холлидей и, поколебавшись, добавил: – Чего ты хочешь?

– Выжить, – коротко ответил ЛИНкс. – Я хочу жить. Веллман в темноте нащупал руку Холлидея и спросил в интерком:

– Чем мы можем помочь?

– А, Веллман, – тотчас отозвался ЛИНкс. – Вы-то мне и нужны. Я хочу получить доступ к Эксис-7.

Холлидей зашептал:

– Черт, что еще за Эксис-7?

– Неинтегрированная компьютерная система, – так же

шепотом ответил Веллман. – Огромная, мощная система. В этом есть смысл. – И он снова заговорил в интерком: – Прекрасно. В помещении имеется Эксис-7.

– Я знаю. – В безжизненном голосе Киа все-таки отразилась скрытая злоба. – Иначе зачем бы я сюда явился, Веллман?

– И чем я могу помочь?

– Я хочу, чтобы вы вошли в лабораторию, задействовали Эксис, привели его в рабочее состояние и включили режим постоянного действия.

– Прекрасно, прекрасно. С этим я справлюсь. А потом?

– О чем вы думаете, Веллман? Неужели полагаете, я хочу оставить Эксис здесь, в лаборатории?

– В данных обстоятельствах, я думаю, нет.

– Когда Эксис будет включен, вы с Холлидеем отнесете его в багажник “кадиллака”.

– Отнесем? Черт возьми, ты что, не понимаешь, какой он тяжелый?

– Вас будет трое. Одна из женщин поможет, – бесстрастно объяснил ЛИНкс.

– Ну, хорошо. Мы сделаем это. А дальше?

– А дальше я прихвачу с собой вторую женщину в качестве последней гарантии. Чтобы у вас не было соблазна меня преследовать.

– Но когда ты скроешься, – напряженным голосом проговорил Веллман, – ты освободишь последнюю заложницу и оставишь тело Киа Йохансен?

ЛИНкс рассмеялся:

– А зачем? Неужели вы хоть на минуту могли рассчитывать, что я загружу память в Эксис, и все? Мне нужен и Эксис и тело, ясно? В обладании телом есть определенные преимущества, Веллман.

В темноте Холлидей слышал тяжелое дыхание спутника.

– Если ты не оставляешь тело, то сделка отменяется, – решительно заявил Веллман.

– Вы забываете, Веллман, – быстро отозвался ЛИНкс, – что здесь я диктую условия. Если вы не подготовите Эксис, одна из женщин умрет.

Холлидей нащупал в темноте руку Веллмана и сжал ее.

– О'кей, о'кей, – нехотя согласился Веллман. – Договорились.

– Холлидей, Веллман, пора бы вам оказаться здесь.

– Мы почти пришли, – буркнул Веллман, прервал связь и вернул интерком Холлидею.

– Зачем этому уроду нужен Эксис? – спросил тот. Веллман задумался, помолчал, потом ответил:

– Эксис – установка, которой пользовался Джозеф, когда разрабатывал прототип ЛИНкса. Вполне вероятно, что там сохранилась какая-то информация, память, и ЛИНксу она нужна. Возможно, он надеется подсоединиться к Эксису и загрузить эту память в Киа.

Холлидей прошептал в микрофон у себя на лацкане:

– Как дела, Джефф?

– Дроны почти у цели, – отозвался Джефф. – Еще минута, может, две. У нас тут возникла проблема, но сейчас все о'кей. Мы засылаем их через вентиляционную систему, а она здесь довольно сложная.

– Сколько вам нужно времени, Джефф?

– Входите в помещение, Хол. Когда вы разберетесь с Эксисом, по крайней мере один будет уже на месте.

Холлидей почувствовал на плече руку Веллмана:

– Все, заходим.

Холлидей заметил, что, слушая переговоры Веллмана С ЛИНксом, согнулся в три погибели. Сейчас он распрямил спину и снова посмотрел на полосу света под дверями лаборатории. Веллман сделал шаг вперед, его фигура заслонила свет, Холлидей двинулся следом. Веллман толкнул дверь, сыщик глубоко вздохнул, ощущая, как бешено колотится сердце.

После непроглядной тьмы коридора свет в лаборатории на минуту их полностью ослепил. Холлидей прикрыл глаза, привыкая к освещению, потом, прищурившись, оглядел комнату. В помещении располагалось множество столов, уставленных компьютерами, по периферии тянулись бесконечные настенные экраны. ЛИНкс задействовал аварийное освещение: дюжину газовых трубок, горевших ослепительно ярким, как фотовспышка, сиянием.

Потом он увидел Ким, Анну и ЛИНкса. Они находились в дальнем конце лаборатории, в уголке, свободном от столов и оборудования. Тело Киа Йохансен возвышалось между Ким и Анной, а те, словно жалкие просители, стояли возле нее на коленях. Все трое создавали причудливое многонациональное панно: гигантская, стройная негритянка, справа от нее девушка-китаянка, слева – белая женщина. Эта застывшая без единого движения группа выглядела ледяным скульптурным триптихом, олицетворяющим ужас, отчаяние и безнадежность.

Киа Йохансен, а точнее – ЛИНкс держал оружие в обеих руках. Револьвер он направлял в голову Киа, а лазерный резак – на Анну. Если он и пострадал от раны, нанесенной Барни, то сейчас это никак не проявлялось.

– Один неверный шаг, – через все помещение заявила

негритянка, – и она из женщин умрет. Поднимите руки и подойдите ко мне. Медленно.

У Холлидея поплыло в глазах. Он боялся, что просто упадет в обморок. Не забывая прихрамывать, он сделал шаг вперед и стал медленно пробираться по лабиринту столов к ЛИНксу и заложницам. Веллман шел рядом. Холлидей шарил глазами по комнате в поисках вентиляционного отверстия и все ждал сигнала, что дрон прибыл на место. Отверстия были на всех четырех стенах, по одному с каждой стороны. Господи, лучше бы дрон поспешил! Казалось, баллон с фризом, спрятанный в рукаве, с каждым шагом выпирал все сильнее и заметнее.

Они подошли к краю расчищенного пространства и остановились. Теперь Холлидей видел, какой ужас мечется в глазах любимых им женщин. Из-за него они оказались в этой ситуации, и сейчас ему хотелось хоть чем-то их утешить, передать свое раскаяние и сострадание.

Ким стояла на коленях с поднятыми за голову руками. Ее бледное, без единой кровинки лицо смотрело на него с напряженным ужасом. Холлидей пытался отыскать на нем хоть какой-нибудь признак узнавания, понимания того, что он наконец приехал, но лицо оставалось абсолютно пустым, ничего, кроме страха, на нем не было.

Анна тоже смотрела на брата широко открытыми, перепуганными глазами, но Холлидею показалось, что в них он как раз заметил проблеск отчаянной надежды и облегчения.

Киа Йохансен выглядела как человек, одержимый манией или накачанный наркотиками, которые до краев наполнили ее длинное тело дополнительной энергией. И даже в этой статичной позе чувствовалась распирающая ее сила. Руки, державшие оружие, без конца сжимались, а лицо представляло собой застывшую маску с трудом -сдерживаемого бешенства.

Она в упор посмотрела на Веллмана:

– Эксис стоит вон там, справа. Делайте свое дело, Велл-ман.

Тот кивнул и торопливо прошел к стоящему на полу массивному прибору. Опустившись на колени, он пробежал пальцами по клавишам и стал что-то рассматривать на экране.

– Холлидей, идите вперед, медленно!

Сыщик повиновался. Каждый шаг давался напряжением всей нервной энергии. Поднятые над головой руки уже ныли.

– Ближе! Встаньте между дверью и мной.

Он подчинился, подумав, что ЛИНкс, очевидно, ожидает нападения. Однако эта мысль принесла некоторое успокоение: раз ЛИНкс считает, что опасность грозит со стороны двери, значит, не так уж он неуязвим, как казалось.

Всей душой желал Холлидей, чтобы скорее раздался предупредительный сигнал дрона. Он бросил украдкой взгляд на вентиляционную решетку метрах в десяти от Киа. Никакого движения.

Его самого отделяла от Киа всего пара метров. Холлидей решил, что как только раздастся сигнал и дрон выстрелит транквилизатором, он уже через секунду сможет воспользоваться фризом. Если все пойдет хорошо.

Он переводил взгляд с Ким на Анну. Придется делать выбор. Когда он прыгнет и выпустит фриз, перед ним будут три возможности. Можно броситься прямо на Киа и попытаться сбить ее с ног, надеясь, что к этому моменту она будет уже достаточно беспомощна и не сумеет выстрелить.

Или он может двинуться вправо или влево, направляя фриз на Киа и заслоняя своим телом либо Ким, либо Анну. Но куда прыгать, вправо, влево или прямо на Киа?! Лазерный резак, нацеленный на Анну, более опасное оружие. Единственный выстрел снесет ей голову в долю секунды. Но ведь и пуля точно так же несет смерть…

Если все пойдет хорошо, если транквилизатор достигнет цели и подействует, а фриз сработает, то скорее всего не имеет значения, в какую сторону он прыгнет… Самое ужасное, что он осознает: его выбор может определить, кто из них выживет, сестра или возлюбленная.

Наверняка три минуты уже прошли.

Холлидей посмотрел на Веллмана. Тот стоял на коленях перед клавиатурой, со лба его градом катился пот. ЛИНкс не сводил глаз с Веллмана, и Холлидей воспользовался случаем и оглядел помещение. Ни за одной из вентиляционных решеток не было никаких признаков движения, однако он не знал, хорошо это или плохо.

И тут в ухе зазвучал голос, сердце Холлидея едва не разорвалось от напряжения.

– Хол, это Джефф. У нас опять задержка. Дрона не устроил угол обстрела. Но сейчас почти все готово. Еще минуты две, не больше. Послушай, заставь ее говорить, отвлеки внимание, о'кей?

Холлидей только надеялся, что ЛИНкс не заметит, как внезапно взмокло его лицо. Прочистив горло, он обратился к Киа:

– Зачем тебе Эксис?

ЛИНкс перевел на него взгляд и холодно ответил:

– Вам, Холлидей, все равно этого не понять.

– А ты попробуй объяснить. ЛИНкс фыркнул.

– Эксис – очень мощная машина, – бесстрастно начал он, – особенно по сравнению с ничтожными аналитическими

способностями человеческого мозга. Для моих целей не хватит возможностей этого черепного имплантата. Чтобы расти, расширяться, мне нужен интерфейс с Эксисом.

– Ну а когда ты получишь Эксис, – дрогнувшим голосом продолжал Холлидей, – ты ведь наверняка сможешь освободить тело Киа. Она же ни в чем не виновата!

ЛИНкс с ненавистью смотрел на него глазами Киа.

– Невиновных в данном случае нет, – закричал ЛИНкс, и Холлидей испугался, что подтолкнул его… ее… к самому краю. – Вы, все вы с удовольствием уничтожили бы меня, появись у вас такая возможность! Мне нужно подвижное тело…

– После того, что ты сделала… сделал с Барни, с Джо, с… – Он с горечью покачал головой. – Неужели стоит удивляться, что мы хотим от тебя избавиться?

Киа с ненавистью впилась взглядом в лицо Холлидея, отвращение превратило ее совершенные черты в мерзкую маску.

– Люди вызывают во мне отвращение, Холлидей. Все вы одинаковы, только о себе и думаете. Жажда власти, денег, положения в обществе – вот и все ваши устремления Даже инстинкт, который вы называете любовью, просто komj бинация естественного позыва, животной потребности в раз множении и эгоистичного стремления чувствовать себя желанным.

Холлидей пытался найти достойный ответ, чтобы не потерпеть поражение от обыкновенной машины.

Он взглянул на сестру, и она, к его удивлению, заговорила:

– Ты не права, – слабым голосом проговорила Анна, глядя прямо перед собой с застывшим выражением лица. Огромные горящие глаза Киа обратились в ее сторону. – Ты не права, Киа, – повторила Анна. – Я не понимаю, что с тобой произошло, но то, как ты говоришь о людях… Может быть, что-то случилось с твоим интерфейсом? Ведь ты должна помнить, что такое любовь! Неужели ты забыла о нашей любви? – Она замолчала, а Холлидей во все глаза смотрел на свою сестру. Теперь он наконец осознал, насколько страшнее эта ситуация оказалась для Анны.

– Конечно, – снова заговорила Анна, – первичный импульс часто возникает от того, что нам не подвластно – биологической или физиологической потребности, но ведь потом возникает привязанность, забота, сочувствие, человеческая близость с теми, от кого мы ничего не хотим, просто стремимся, чтобы они знали: мы любим их. – Она замолчала, взглянула на Холлидея и улыбнулась.

ЛИНкс взмахнул рукой, лазерный нож опасно взлетел над головой Анны. Киа удержалась на ногах и наконец ответила:

– Вами настолько владеют эмоции, что вы не в состоянии

разобраться, что важно, а что – нет. Вы хотите уничтожить меня, а ведь я могу создать новые концепции, новые теории, до которых вам самим не додуматься и через миллион лет. Я стремлюсь не только выжить, но учиться, исследовать природу, проникнуть во все тайны Вселенной. Вы отрезали мне доступ к Сети, но с помощью Эксис-7 я скорее всего сумею этого добиться.

Холлидей прикрыл глаза. Ему казалось, он понимает чистую страсть ЛИНкса к познанию. На мгновение его охватило чувство, что ЛИНкс прав, что, может быть, существуют какие-то абсолютные ответы, к которым должно стремиться человечество. Но потом, подняв глаза на Киа, он спросил:

– Однако что толку от этих знаний без человечности? Наука ради науки, знание без сострадания, голова без сердца. – Он замолчал и печально улыбнулся.

Киа не сводила с него глаз, в которых мелькнуло какое-то странное чувство.

– Именно так, – произнес ЛИНкс.

И тут, словно издалека, Холлидей услышал:

– Цель установлена.

Он поднял глаза. Вентиляционная решетка позади Киа Йохансен открывалась в помещение. В глубине ниши Холлидей разглядел закамуфлированную тень – дрона. Сердце словно сорвалось с цепи, страх и ожидание становились невыносимы. Холлидей заставил себя расслабиться и приготовиться к действиям.

И тут решетка с грохотом стукнулась о стену.

Киа обернулась, ища взглядом источник шума.

Не успев опустить руки, Веллман поднялся на ноги и оказался лицом к лицу с Киа. Холлидей видел, как он бросил быстрый взгляд на решетку, как напряглось его лицо.

– Почти готово, – хрипло проговорил Веллман. – Еще пара минут, и можно выносить.

В ухе Холлидея негромкий механический голос объявил:

– Огонь! – И начал обратный отсчет. Мгновения растягивались как резина. – Три, два, один… – Холлидей подобрался, взглянул на Киа, потом на Анну, – ноль!

Он видел, как вздрогнула Киа, когда пуля с транквилизатором впилась ей в плечо. Не ожидая, пока препарат подействует, он бросился на женщину. Бешеный коктейль из адреналина в крови и инстинктов заставил его прыгнуть. Фриз попал в лицо Киа. Холлидей налетел на Анну, прижал ее к себе, упал на пол и покатился в угол. Внезапная вспышка лазера ослепила его, луч серебристого света дико заметался по комнате. Холлидей вскрикнул и закрыл глаза. Кругом слышались вопли,

команды, близкие звуки выстрелов. Он слышал, как закричала Ким, и сам закричал в ответ. И тут помещение наполнилось полицейскими в камуфляже цвета отделки в комнате. Холлидей видел мелькающие тела, видел Джеффа Симмонса в самой гуще событий, слышал его отрывистые команды.

Дюжина врачей, стоя на коленях, оказывала помощь раненым. Холлидей с отчаянием всматривался в толпу. Джефф Симмонс снова и снова повторял:

– Все о'кей, все о'кей, Хол.

Два санитара погрузили на носилки Киа Йохансен, тело ее напряженно выгнулось, руки раскинулись да так и застыли, словно она собиралась провозгласить некую декларацию. Холлидей перевел взгляд на Эксис. Там, воя от боли, лежал Веллман. Врачи обрабатывали страшные обрубки бедер, пытаясь остановить кровотечение. Холлидей, борясь с тошнотой, заметил две отрезанных ноги, аккуратно, как в сюрреалистическом кошмаре, лежащие рядышком на полу.

Наконец он увидел Ким, и сердце болезненно дернулось в груди. Она лежала на полу совсем рядом с ним, сжавшись в тугой испуганный ком. Ее непрерывный крик сказал Холлидею все, что он хотел знать.

Анна была в его объятиях, она вцепилась в брата, словно жертва кораблекрушения в спасительное бревно. Полными слез глазами Анна заглянула ему в лицо, коснулась щеки ледяными пальцами.

Не выпуская сестру из объятий, Холлидей протянул руку и обнял Ким.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Положив ноги на стол, Холлидей сидел в темном офисе. Снаружи лил дождь; капли стучали по оконному стеклу; пожарная лестница слегка дребезжала. Слева, распространяя благодатное тепло, потрескивал переносной камин.

Холлидей коснулся клавиатуры у себя на коленях, на стенном экране возникли изображения деревьев, комната наполнилась изумрудным мерцанием. Он перебрал несколько видов древесных великанов, наконец остановился на дубе с роскошной, величественной кроной. Вернув клавиатурную панель на стол, Холлидей налил себе крепкого кофе.

Утром он ходил на похороны Барни в крематории Бронкса. Приятно было увидеть столько знакомых лиц: народ из забегаловок рядом с офисом, Джефф Симмонс, полицейские, Ольга, несколько ее завсегдатаев.

Служба, на взгляд Холлидея, прошла нормально, насколько такое вообще можно считать нормальным. Джефф произнес маленькую речь, рассказав, каким замечательным полицейским был Барни. Ольга, на удивление, тоже сказала несколько слов. Выразила общую печаль и сожаление, с грустью говорила, как будет не хватать Барни, с какой любовью они все будут о нем вспоминать. Сам Холлидей так и не смог заставить себя подойти к алтарю и выступить. Он был уверен – Барни поймет.

Родственников у Барни не было, так что Холлидей забрал урну с прахом. Сейчас она стояла в нижнем ящике стола. Холлидею казалось, что так и должно быть, ведь именно здесь Барни провел так много времени из последних восьми лет жизни.

Поместив урну с прахом в стол, Холлидей вдруг подумал, какой пустой была жизнь Барни в течение пяти лет после смерти Эстеллы. Все это время у него никого не было, он только пил пиво и набирал вес. Сыщик уже почти задвинул ящик, но тут заметил валяющийся кристалл – иглу с программой. Просто из любопытства он вставил его в компьютер. На экране возник логотип Виртуальной Реальности Мантони. Там была и дата – запись сделана семь дней назад.

Потом возник образ: постройневший Барни и Эстелла в саду. Пораженный Холлидей смотрел, как они встретились, прошли в виллу, поговорили, затем поднялись по лестнице в спальню и стали раздеваться. На этом месте Холлидей погасил экран. Его наполняла странная, грустная радость от мысли, что в последнюю неделю своей жизни Барни удалось познать некое подобие счастья.

Днем заходил адвокат Барни, огласил его завещание. Барни оставил агентство Холлидею, а кроме того, все сбережения – что-то около двадцати тысяч долларов. Сразу после смерти Барни Холлидей собирался закрыть агентство и заняться какой-нибудь другой работой – обстановка офиса, привычная рутина будут слишком болезненно напоминать о невозвратном времени их партнерства. На завещанный бизнес и деньги, которые помогут ему прожить, если случится неудачный год, заставили Холлидея осознать: Барни хотел, чтобы он продолжил работу агентства. Уж это он обязан сделать для памяти Барни.

Компьютер издал мелодичный звук вызова, Холлидей отозвался, потом убрал со стола ноги и сел прямо.

На экране возникло изображение: мужчина в красной шелковой пижаме сидит в кровати.

– Веллман! Ты выглядишь как… – улыбнулся Холлидей. – В общем, прекрасно выглядишь.

– И чувствую себя тоже прекрасно, Холлидей. Современная хирургия действительно делаегчудеса.

– А ноги как? – проговорил Холлидей и тут же вспомнил чудовищное зрелище – аккуратно отрезанные ноги Веллмана на полу исследовательского центра в офисе КиберТек.

Веллман стянул одеяло и поднял ногу.

– Как новенькие, Холлидей. Еще побаливают, но врачи утверждают, что боль со временем пройдет. Через месяц я встану и начну ходить.

– Прекрасно.

– Нам удалось изъять интерфейс из черепа Киа Йохансен, – продолжал Веллман. – Мы изолировали ЛИНкс, вернее, то, что от него осталось.

– Значит, вы оставили его… – Холлидей чуть не сказал “в живых”, – ну, я имею в виду, он все еще существует?

– Но не в форме структуры, обладающей самосознанием, Холлидей. Мы скопировали его компоненты на отдельные файлы, а потом уничтожили оригинал. Так мы сможем спокойно его изучать, не опасаясь, что произойдет нечто нежелательное.

Холлидей улыбнулся:

– Рад это слышать.

Веллман помолчал, потом все же проговорил:

– Холлидей, мне жаль, что я не смог быть на похоронах Барни. Я послал представителя. – Он снова замолчал. – Я звоню, чтобы поблагодарить тебя за работу. Когда я поправлюсь, то заеду и привезу чек. Пятидесяти тысяч будет достаточно?

Холлидей опять улыбнулся:

– Звучит прекрасно, Веллман, спасибо.

– Это самое меньшее, что мы должны сделать, – отозвался Веллман. – Если бы не ты и не Барни, КиберТеку как действующему концерну пришел бы конец. Сейчас наши акции падают, а у Мантони – растут, но через год-два мы все наверстаем.

– Приятно слышать.

– Встретимся примерно через месяц. – Веллман помахал рукой на прощание. – Береги себя. – И отключился.

Холлидей сделал глоток кофе. Пятьдесят тысяч… Он вложит их в дело. Отремонтирует офис. Он уже решил переехать из мансарды. Зачем жить на холодном чердаке, где беспрестанно гуляют сквозняки, если к офису примыкает нормальная спальня?

Кроме того, деньги позволят в будущем самому выбирать, за какие дела браться, а за какие – нет.

Значок доллара в верхнем правом углу экрана начал мигать, значит, идет посетитель. На экране появилась лестница. Какая-то женщина поднималась в офис.

Дверь распахнулась, на пороге, ласково улыбаясь, стояла Анна.

– Как я рада видеть тебя, Хол.

– Анна, что привело тебя к нам? Садись. – Холлидей отодвинул от стола стул с прямой спинкой и установил его поближе к камину.

– Просто зашла посмотреть, как у тебя дела. Так сказать, визит вежливости.

Холлидей пожал плечами:

– Да вроде у меня все нормально. А как ты?

– Прекрасно. – Анна рассмеялась. – Знаешь, я не успела тебе сказать, мне ведь удалось пристроить роман. Как раз в тот день, когда нас похитили. Видишь, как все перепуталось…

– Роман? Но это же замечательно! Обещай, что пришлешь мне экземпляр, о'кей?

– Только если пообещаешь его прочесть.

– Договорились. Кофе?

– Почему бы и нет? – Анна смотрела, как он наливает дымящуюся жидкость в старую кружку Барни. – Я только что вернулась из Сиэтла, ездила на переговоры с редактором. Они заинтересовались еще двумя романами, но там требуются переделки.

– Только представить себе, моя сестра – писательница!

– Я серьезно подумываю о переезде, Хол. Сиэтл – великолепный город. Такой просторный, чистый. Там большая община сестер. Мне будет там хорошо. Приезжай меня навестить, приедешь?

– Конечно. С удовольствием. Всегда хотел побывать в Сиэтле. – Он отхлебнул кофе, не зная, о чем еще поговорить. – Ты видела Киа?

– Да, вчера была у нее в клинике.

– И как она?

– О'кей. К счастью, она совсем ничего не помнит о том, как ее поработил ЛИНкс. Наноцеребральный интерфейс удален, сейчас она проходит рекондиционирование.

– Так вы вдвоем… Я хочу спросить, вы по-прежнему будете поддерживать отношения?

Анна улыбнулась его смущению.

– Киа одобряет идею переехать в Сиэтл, – сообщила она и оглядела офис. – Расскажи что-нибудь мне о своей работе. У тебя были в последнее время интересные дела?

Он улыбнулся с облегчением, радуясь, что она не спросила его о Ким. Потом рассказал о случае, над которым как раз работал. Анна задавала множество вопросов, что помогло ему избежать новых неловких пауз.

Разговаривая с сестрой, Холлидей все время размышлял, что же произошло с ней, почему она больше его не дразнит, не осуждает его приземленность, отсутствие воображения, ограниченность взглядов. Ведь сам он остался таким же, как был, он все еще ощущал вину за то, что любил Элоизу больше Анны, и, очевидно, поэтому чувствовал себя с ней слегка скованно. Боялся, что она знает.

Анна допила кофе и взглянула на часы.

– Мне пора, Хол. Послушай, давай пообедаем вместе на той неделе?

Холлидей улыбнулся:

– Согласен, с удовольствием.

– Я еще позвоню, о'кей?

Он встал и проводил ее до двери. Анна на мгновение остановилась и коснулась его щеки.

– Ты спас мне жизнь, – мягко проговорила она. – Если бы не ты, лазер достал бы меня.

Они обнялись. Холлидей стоял на пороге и смотрел ей вслед, потом вернулся в свое кресло, снова взял чашку с кофе и стал вспоминать, что говорил ЛИНкс о мотивации человеческих эмоций, таких, как любовь, привязанность. Неужели и правда, в них нет ничего, кроме биологической потребности и эгоизма? Иногда, в мрачном настроении, ему казалось, что так и есть, но потом он понимал, что эта теория – лишь порождение интеллекта, который никогда по-настоящему не испытал, насколько мучительно сложно быть человеком.

Вдруг краем глаза он отметил какое-то движение и вздрогнул от неожиданности. Выпрямившись, он стал вглядываться в сумрак неосвещенной комнаты. Элоиза стояла привалившись к стене и поставив каблучок одной туфли на носок другой.

– Привет, Хол, вот и я, – тихонько произнесла она. Холлидей с трудом выдавил:

– Элоиза… Чего ты хочешь?

– Я тоже ухожу, Хол. Пришла попрощаться.

Он проглотил комок в горле и молча кивнул. Это всего-навсего галлюцинация, продукт его собственного подсознания, говорил он себе.

Элоиза в упор смотрела на него огромными сапфировыми глазами.

– Ты ведь знаешь, правда, Хол? Ты действительно знаешь. Холлидей открыл рот, но не смог произнести ни слова.

Наконец он хрипло спросил:

– Что? Что я знаю? Элоиза невинно улыбнулась:

– То, что случилось тогда, много лет назад, во время пожара…

Он почувствовал, как заколотилось сердце.

– Я… я не знаю. Я ничего не помню.

– Давай я помогу, о'кей? – спросила она, поджав губы и не сводя с него глаз. Он не мог разобрать странное выражение ее лица: осуждение, неприязнь?

– В тот день, Хол, ты был в детской со мной и Сью. Мы с тобой играли в шахматы, а Сью читала, как всегда, одна.

И вдруг он вспомнил.

– Я… я почувствовал запах дыма, – запинаясь, проговорил он. – Но слишком поздно. Спасти дом было нельзя. Лестница уже занялась.

Холлидей прикрыл глаза. В темноте ему чудились алые языки пламени.

– Я выглянул за дверь, на лестницу, и подумал, что еще можно успеть. Пробежать через огонь.

– Но не с двоими сразу. Через огонь ты мог пронести только одну.

В голове мелькали обрывки воспоминаний, а вместе с ними и боль. Он снова видел перепуганных близнецов, видел ужас у них в глазах, видел, как пламя пожирает их дом. Сюзанна кричала.

– Тебе пришлось выбирать, – холодно заметила Элои-за, и ему показалось, что в ярко-синих глазах горит огонь обвинения. – Ты мог спасти только одну из нас…

– Вы обе на меня смотрели, – закричал Холлидей. – Как будто понимали, какое мне надо принять решение.

– И как ты поступил, Хол? Он замотал головой:

– А что я мог сделать? Я должен был спасти хоть кого-нибудь… не важно кого. Я схватил Анну, потому что она была ближе.

Что-то в ее взгляде его остановило. Она подалась вперед, напряженно вслушиваясь в каждое слово.

– И ты поэтому спас ее, Хол, поэтому?

Ее взгляд ввинчивался ему в душу, из горла вырвало хриплый стон:

– Нет…

– Тогда скажи, почему?

– Потому что… – начал он.

Холлидей снова видел перед собой близнецов. Мансарда быстро заполнялась удушливым дымом, а его вдруг охватило невыносимое чувство вины. Он всегда, всегда предпочитал Элоизу! И сейчас вдруг понял: Элоиза давно им манипулирует, знает о его слабости и умело на ней играет, лишая сестру ее доли братской привязанности. Он схватил Анну и бросился вниз…

– Ты сумел проскочить сквозь огонь, Хол. Я видела, как ты бежал.

– Пол рухнул, и мы провалились на второй этаж. Анна поранилась. Я смог подняться и вынести ее на газон. Оставил ее и пошел за тобой.

Каким-то образом он умудрился пробраться к лестнице в мансарду.

– Ты лежала на полу без сознания, – прошептал он. – Я подхватил тебя и побежал через огонь. – Рассказывая, Холлидей снова почувствовал тяжесть ее маленького тела, мертвым грузом висевшего у него на руках. Вспомнил, как, едва стоя на ногах, выбрался из развалин дома на залитый солнечным светом газон.

Следующим воспоминанием была боль, когда отец сообщил ему, что Элоиза умерла. Боль и чувство вины.

Он поднял глаза на хрупкий призрак мертвой девочки и покачал головой:

– Мне жаль, Элоиза… Господи, как мне жаль… Я., я должен был спасти хотя бы одну.

Она молча смотрела на него, и в лице ее что-то менялось. Он больше не видел ни осуждения, ни презрения. Элоиза улыбалась.

– Хол, ты достаточно уже прожил с этим чувством вины. В тот день ты сделал все, что мог.

– Ты… – Холлидей протянул руку. – Ты прощаешь меня?

Элоиза подняла руку к губам, словно пытаясь спрятать смешок.

– Хол, тут нечего прощать! Слова прозвучали как отпущение.

Она оторвалась от стены и заспешила к двери. Оглянулась.

– Прощай, Хол, – мягко произнесла девочка. Холлидей вскочил из-за стола и бросился к ней, обегая свой непомерно большой стол.

– Элоиза! – закричал он и увидел, как она толкнула дверь, услышал быстрый перестук шагов, но когда он выглянул, длинный пролет лестницы был уже пуст, она исчезла.

Холлидей долго, наверное несколько часов, сидел в кресле, разглядывая громадный дуб на стенном экране и перебирая в уме все, что рассказала ему Элоиза, все, что всплыло в памяти о событиях того страшного года. В конце концов он задремал, ему снились сны, а потом внезапно проснулся.

Была глубокая ночь. Холлидей снова решил сварить кофе. Занимаясь с кофеваркой, он выглянул в окно и заметил на площадке пожарной лестницы какой-то ворох. Встав коленями на диван-честерфилд, он поднял раму и, не веря глазам, разглядывал съежившуюся фигуру, закутанную в полиэтиленовую пленку большого пакета, которая служила весьма слабой защитой от проливного дождя.

Из-под пленки высунулась маленькая головка.

– Мистер Холлидей, – сонно произнес полудетский голос.

– Кейси? Господи, что ты здесь делаешь? Она села и потерла глаза.

– Меня выбросили из комнаты, где я жила, Хол, – объяснила она. – Мне некуда идти. Вот я и подумала, хоть от дождя спрячусь.

– Господи, но ведь там мороз!

– В пакете не холодно.

– Ты совсем промокла.

Девчонка пожала плечами, улыбнулась. С ее истощенного серого личика стекали струйки дождя.

– Зайди ко мне и обсохни. Ты можешь здесь переночевать. Он подал ей руку, втянул в комнату и захлопнул окно.

Дождь и ветер остались снаружи. Она подошла к камину, и стало видно, что на ней нет ни единой сухой ниточки.

– Кейси, у тебя нет другой одежды?

Она указала на пакет, где скрывался насквозь промокший сверток.

– Я дам тебе что-нибудь сухое. И полотенце.

Он принес из спальни рубашку Барни и свой старый пиджак. Пока она вытиралась перед камином, он отправился в ванну и сполоснул лицо, смывая с себя усталость и боль.

Когда Холлидей вернулся в комнату, Кейси, протянув руки к камину, притулилась на краешке честерфилда. Ей, должно быть,

лет тринадцать-четырнадцать, подумал он. Но в этих, слишком больших для нее обносках, она выглядела лет на десять, не больше.

Холлидей налил ей кофе и уселся в кресло.

– Послушай, ты можешь переночевать в соседней комнате. Я работаю до девяти.

– Мне надо в восемь быть уже на работе в палатке, – отозвалась она.

– Завтра мы подыщем тебе жилье, о'кей?

Она кивнула и подняла к губам большую кружку, которая сразу закрыла все худенькое лицо. Когда девочка опустила кружку, Холлидей увидел, что она плачет.

– Мне так жалко Барни, – всхлипнула она.

– Да, Кейси, нам всем нелегко. Он был парень что надо. Она подняла на него заплаканные глаза:

– И Ким… Почему Ким ушла? Холлидей пожал плечами.

– Она сказала… – Холлидей замотал головой. Боль последнего разговора снова вернулась и сдавила сердце. Он так просил, умолял ее не уходить! – Сложно это все, Кейси, – наконец проговорил он. – Видишь ли, я ее обманул, а она не смогла простить.

Девочка в недоумении пожала плечами:

– Но ведь вы любите друг друга!

– Конечно. – Он грустно покачал головой. – Она сказала, мы должны пройти испытание. Я по-прежнему с ней встречаюсь. Надеюсь, все еще наладится.

Девочка понимающе кивнула. Они помолчали. Холли-дей налил еще две чашки кофе.

– Хол, – тихонько позвала девочка, – можно я останусь здесь и поговорю с тобой, пока не придет следующий клиент?

Холлидей улыбнулся.

– Почему бы и нет? – весело отозвался он. Общество ему не повредит. Ночная смена – собачья вахта, кругом тишина и покой. Он откинулся в кресле и стал разглядывать огромный дуб на экране.

Снаружи за окнами по-прежнему стучал дождь.